

ЛУИ-ФЕРДИНАНД

СЕЛИН

ИЗ ЗАМКА
В ЗАМОК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

18+

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Луи-Фердинанд Селин Из замка в замок

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9450750*

Из замка в замок: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-137029-9

Аннотация

Луи-Фердинанд Селин (1894-1961) – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Автор скандально знаменитых романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936) и других, а также не менее скандальных расистских и антисемитских памфлетов. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй Мировой войны Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где проводит несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке... События этого периода нашли свое отражение в трилогии: «Из замка в замок» (1957), «Север»(1960) и «Ригодон»(1969).

Роман «Из замка в замок» можно было бы озаглавить «Край ночи». Замки, о которых говорит Селин, в действительности являются странными, кошмарными призраками, имя которым

Война, Ненависть, Нищета. Три раза Селин оказывается обитателем замка: в Зигмарингене в компании маршала Петэна и его министров, в Дании, где он в течение 18 месяцев находится в заключении в тюрьме, потом еще несколько лет на разрушенной ферме, и, наконец, в Медоне, где он практикует в качестве врача, и где всю его клиентуру составляют несколько таких же нищих, как он сам, пациентов. Это не столько роман, сколько исповедь, ибо объективность Селину не свойственна. С неподражаемым юмором он описывает обезумевших немцев, которым на голову обрушивается вся Европа, министров Виши без министерств и самого маршала накануне суда. Это взгляд на войну с другой стороны, взгляд, принадлежащий гениальному писателю, наделенному поразительной способностью видеть то, что может быть названо «изнанкой жизни».

Перевод снабжен подробными примечаниями и комментариями.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вячеслав Кондратович	6
Из замка в замок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Луи-Фердинанд Селин

Из замка в замок

* * *

© Editions GALLIMARD, Paris, 1952

© Маруся Климова, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вячеслав Кондратович Юродивый во французской литературе

Нет, пожалуй, в современной мировой литературе имени более бесспорно спорного и одновременно спорно бесспорного, чем имя французского писателя Луи-Фердинанда Селина (1894–1961). И действительно, у одних его книги вызывают фанатичное преклонение, у других, напротив, столь же категоричное неприятие. Мне случалось встречать как во Франции, так и у нас людей, которые после первого прочтения Селина утратили интерес ко всей остальной литературе. Воздействие, оказанное его творчеством на сознание многих современных западных писателей, сопоставимо разве что с эффектом, который произвели в свое время публикации на Западе книг Достоевского. Генри Миллер, например, сравнивал свое первое впечатление от знакомства с романами Селина с шоком и до конца жизни сохранял свое преклонение перед ним. Он считал, что влияние, оказанное Селином на французскую литературу, можно сравнить только с влиянием Артюра Рэмбо, да и то весьма приблизительно. Он посылал ему восторженные длинные письма, которые, впрочем, в большинстве своем так и остались без ответа – сам Селин довольно пренебрежительно отзывался о

Миллере, называя его творчество «пустой болтовней»¹. Для американских битников Селин был одной из трех культовых фигур современной литературы (наряду с Жене и Арто), которым, по их мнению, удалось «преодолеть литературу» (а в их устах это высший комплимент)². Известно, что Жан-Поль Сартр взял эпиграфом к своему знаменитому роману «Тошнота» цитату именно из Селина (кстати, в то время куда более знаменитого). Это обстоятельство не помешало ему в послевоенные годы принять самое активное участие в травле Селина. Последний же постоянно обвинял Сартра в эпигонстве и плагиате. Не берусь судить, насколько были справедливы их взаимные обвинения. Одно можно сказать определенно: при всем своем демонстративном экстремизме Сартру удалось прожить жизнь куда более успешную и благополучную, чем та, которая выпала на долю Селина. Из негативных отзывов достаточно характерным является отзыв писателя Клауса Манна (сына Томаса Манна), который называл Селина «злобным сумасшедшим», хотя и с оговоркой, что тот «тоже одарен»³.

Не менее противоречивыми являются и суждения окружающих по поводу политических взглядов Селина. Широ-

---

¹ См.: Lettre inédite de Céline au pasteur Lochen. – Francois Gibault. Céline. Délires et persécutions. 1932–1944. Mercure de France, 1985. P. 56. (Здесь и далее примечания автора.)

² См.: Jack Kerouac. Sur Céline. – Cahier de l'Herne. Céline. Ed. de l'Herne, 1963. P. 205.

³ См.: Клаус Манн. На повороте. М., «Радуга», 1991. С. 454.

ко известен тот факт, что Селин основательно запятнал свое имя в глазах «прогрессивно настроенной общественности», опубликовав в свое время три расистских памфлета, причем не когда-нибудь, а в период с 1937 по 1941 год. Памфлеты представляли собой увесистые тома (около 400 печатных страниц каждый) и имели весьма характерные названия: «Безделицы для погрома», «Школа трупов» и «Попали в переделку». Что ж, как говорится, «из песни слова не выкинешь». К тому же их содержание с некоторых пор во Франции снова стало достоянием широкой публики. Несмотря на наложенный вдовой писателя запрет, несколько лет назад было предпринято их пиратское переиздание, повлекшее за собой шумное судебное разбирательство.

И все-таки, не желая кого бы то ни было оправдывать (хотя бы потому, что не чувствую себя вправе это делать), хотелось бы привести один эпизод, связанный с публикацией памфлета «Попали в переделку», который описывает Жак Бреннер в своей книге «Моя история современной французской литературы». Этот эпизод, мне кажется, позволяет лучше почувствовать природу таланта Селина: «Я вспомнил об одном вечере, проведенном у моего друга Франсиса Поля весной 1941 года. Селин только что опубликовал новую книгу „Попали в переделку“, посвященную „веревке без повешенного“. Он смеялся в ней над поставленной на колени Францией и ни на секунду не скрывал своего антисемитизма. Мы прочли несколько страниц вслух (моим друзьям не

было тогда и двадцати лет), и каждый из нас шептал вполголоса: „Это гадко, как это гадко“. Потом вдруг, я не помню, в каком точно месте, мы вдруг начали безумно хохотать. Мы перестали принимать Селина всерьез и готовы были поздравить его с талантом очернителя. Но лишь в узком кругу друзей. Все пришли к единому мнению: публикация такого памфлета непростительна»⁴. Эта же причина, возможно, побудила известную антифашистку Марию-Антоньету Мачиоки, несмотря на ее антифашистские убеждения, назвать Селина «самым гениальным из всех фашистско-нацистских писателей». Более того, в любви к Селину признавались люди порой самых что ни на есть левых убеждений. О битниках я уже говорил; во время студенческой революции шестьдесят восьмого года во Франции имя Селина опять было поднято на щит... Что касается «нацистско-фашистских» убеждений Селина, то до сих пор не обнаружено каких-либо конкретных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве Селина с фашистскими властями, кроме вышеназванных памфлетов, которые до сих пор остаются единственным реальным «темным» пятном в его биографии. В то же время не следует забывать, что даже такой известный своими правыми взглядами писатель, как Эрнст Юнгер, сам писавший в тридцатые годы пронацистские статьи, будучи офицером Вермахта и находясь в составе оккупировавших Париж немецких войск,

---

⁴ Цит. по: Жак Бреннер. Моя история современной французской литературы. М., Высшая школа, 1994. С. 124.

был крайне напуган поведением Селина в то время. Юнгер впоследствии описал Селина в «Дневниках 1941–1943 годов» и «Дневниках 1943–1945 годов» (там он выведен под именем Мерлина), охарактеризовав его как человека, являющего собой «крайне опасный тип человека-нигилиста»⁵. Один американский журналист, чье имя теперь никому ничего не говорит, встретившись с Селином уже незадолго до его смерти, заявил, что «Селин – это чудовище». Список подобных, столь же противоречивых, высказываний о личности Селина и его взглядах можно было бы значительно продолжить. Лично мне кажется наиболее удачным не помню уже кем оброненное определение Селина как «правого анархиста». Сочетание этих двух взаимоисключающих понятий, пожалуй, лучше всего отражает парадоксальность его воззрений на этот, привыкший к жестким определениям и «ярлыкам», мир.

Луи-Фердинанд Детуш, а таково было настоящее имя Луи-Фердинанда Селина, родился в 1894 году в пригороде Парижа Курбвуа, в семье буржуа средней руки: его отец был мелким служащим, а мать торговала в лавке своих родителей. Семья была достаточно благополучной. Селин получил приличное образование: некоторое время провел в Германии, потом в Англии, обучаясь там в пансионе. Внешне фак-

---

⁵ Об этом см. также: Ernst Junger. Tagebuch I (1941–1943), Tagebuch II (1943–1945); Жак Бреннер. Моя история современной французской литературы. М., Высшая школа, 1994.

ты этого периода его биографии вступают в явное противоречие с теми жутковатыми гротескными картинами, которые рисует сам Селин в романах «Смерть в кредит» и «Банда Гиньоля», посвященных своему детству. Причем автобиографичность этих произведений и наличие практически у всех их персонажей реально существовавших прототипов ни у кого не вызывает сомнений. Это обстоятельство часто вызывает недоумение у исследователей творчества Селина, но таковы уж, видно, были особенности его восприятия действительности. В конце концов, реальность каждому открывается такой, какой он ее видит.

А вот дальнейшая жизнь Селина складывается уже далеко не столь благополучно, даже внешне. Различных напастей и бед, обрушившихся на его голову, хватило бы, пожалуй, на несколько жизней. Участник Первой мировой войны, он получил тяжелое ранение в голову в сражении при Поэлькапель. Последствия этого ранения еще долго давали о себе знать – сильные головные боли преследовали Селина всю жизнь. За участие в боевых действиях Селин получил несколько боевых наград, в том числе и Военный Крест. Кстати, героем Первой мировой войны был и Маршал Петэн, который командовал французскими войсками в знаменитом сражении под Верденом и с которым судьба по злой иронии сведет Селина в конце Второй мировой войны уже при совсем других обстоятельствах.

После окончания войны, в июне 1916 года, он едет рабо-

тать по контракту в Африку – к этому времени относятся его первые литературные опыты. Через полгода он, не выдержав жутких условий жизни, разрывает контракт и возвращается в Париж. Потом переезжает в Ренн, где 10 августа 1919 года женится на Эдит Фолле и начинает учебу в Реннской медицинской школе под руководством своего тестя, который был директором этой школы и членом-корреспондентом Академии медицинских наук. 15 июня 1920 года у молодых супругов рождается дочь Колетт, единственный ребенок Селина. После окончания школы доктор Детуш с семьей переезжает в пригород Парижа и устраивается работать в больнице. Он занимается научной работой, пишет диссертацию, много путешествует, какое-то время снова работает в Африке (в Нигерии и Сенегале). В 1926 году он расстается со своей женой Эдит и сходится с двадцатитрехлетней американской танцовщицей Элизабет Крейг. Все эти события нашли в дальнейшем отражение в его первом романе «Путешествие на край ночи». Вышедший в 1932 году роман имел, можно сказать, оглушительный успех и почти сразу же был переведен практически на все языки, в том числе и на русский. С этим романом связан и один из самых шумных скандалов в литературной жизни Франции XX века, отголоски которого не утихают и по сей день. В 1932 году жюри комитета Гонкуровской премии присудило эту самую престижную во Франции премию не Селину, как того ожидали практически все, в том числе и он сам, а ныне практически забытому писателю

Ги Мазелину за роман «Волки». Это решение, оставившее без внимания одно из ключевых произведений литературы XX века, во многом определившее ее дальнейшее развитие (пожалуй, не в меньшей степени, чем книги Джойса, Кафки или Пруста), до сих пор остается образцом саморазоблачения циничной закулисной возни, сопровождающей присуждение всевозможных литературных премий. Для самого же Селина это решение сказалось главным образом не на его славе, а на материальном положении; денежные затруднения сопровождали его до конца жизни, побудив однажды с горькой иронией заметить: «Если бы мне дали Нобеля, мне было бы чем заплатить за электричество».

Драматично сложились отношения Селина и с русской литературой. В двадцатые-тридцатые годы Советский Союз начал активную пропагандистскую кампанию, целью которой было продемонстрировать всему миру достижения Октябрьской революции. Многие западные интеллектуалы получили приглашения посетить страну Советов. Пожалуй, больше всего деятелей культуры приехало из Франции. В 1920-е годы Советский Союз посетили Ромен Роллан, Эдуард Эррио, Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Анри Барбюс; в 1930-е – Андре Мальро, Луи Арагон, Андре Жид, Шарль Вильдрак и др. К началу 1930-х Селин находился в прекрасных отношениях с Луи Арагоном, который упорно убеждал его посетить Советский Союз, дабы своими глазами убедиться в правильности выбранного русскими пути. В 1934 году в

Москве выходит перевод романа Селина «Путешествие на край ночи», осуществленный женой Арагона Эльзой Триоле. Хотя, по мнению биографа Селина Франсуа Жибо, перевод на самом деле выполнил неизвестный московский переводчик⁶. Охарактеризованный в предисловии как «гигантская фреска умирающего капитализма»⁷, роман за два года выдержал три издания общим тиражом более 60 тысяч экземпляров и получил значительный резонанс в советской критике.

Его появление не обошли своим вниманием «Правда», «Литературная газета», «Новый мир» и другие влиятельные советские периодические издания. В целом роман был воспринят достаточно благожелательно. Большим поклонником творчества Селина был, как известно, Лев Троцкий, написавший, уже в изгнании, большую статью, посвященную его творчеству, – «Селин и Пуанкаре»⁸. По неподтвержденным данным, русский перевод романа «Путешествие на край ночи» был выполнен Эльзой Триоле по личной просьбе Троцкого. Однако на состоявшемся в 1934 году Первом съезде Союза писателей, где присутствовали Андре Мальро и Луи Арагон, Горький заявил, что на примере этой книги видно,

---

⁶ См.: F Gibault. Céline. Délires et persécutions. Paris, 1985. P. 130.

⁷ См. предисловие И. Анисимова в кн.: Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи // Пер. с фр. Эльзы Триоле. М., Госиздат, 1934.

⁸ См.: Cahier de l'Herne. Céline. Leon Trotsky. Céline et Poincaré. P 241. Ed. De l'Herne, 1963-1965-1972.

что «буржуазное общество полностью утратило способность интеллектуального восприятия искусства», а главный герой романа – Бардаму – «не имеет никаких данных, чтобы прикнуть к революционному пролетариату, зато совершенно созрел для принятия фашизма»⁹.

Тот факт, что роман был опубликован в Советском Союзе со значительными купюрами, был воспринят Селином крайне болезненно и побудил его порвать всякие отношения с Эльзой Триоле и Луи Арагоном, которых он считал виновниками искажения текста.

В 1935 году во Франции выходит второй роман Селина – «Смерть в кредит». На русский язык он не переводился, однако получил крайне негативные отклики в советской критике, которая охарактеризовала его как «произведение анархистское, циничное, нигилистическое»... Сам же Селин клеймится как писатель «глубоко антигуманный», выразивший в своем творчестве «презрение к человеку, человечеству, жизни»¹⁰.

И все же посещение Селином СССР состоялось. Он прибыл в Ленинград осенью 1936 года. Однако в отличие, например, от Андре Жида, который был официально приглашен советским правительством, путешествовал по всей стране в специальном вагоне в сопровождении пяти писате-

---

⁹ Цит. по Литературной энциклопедии. Т. 6. М., 1971. С. 734.

¹⁰ Первое русское издание этого романа: Селин Л.-Ф. Смерть в кредит. // Пер. с франц. Т. Кондратович. М., 1994.

лей и даже удостоился чести во время похорон Горького стоять на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным и Молотовым, Селин приехал в Советский Союз в качестве простого туриста и смог побывать лишь в Ленинграде.

Знакомство Селина с советской действительностью 1936 года вызвало у него крайне отрицательную реакцию, что нашло свое отражение в небольшом эссе «*Mea culpa*» и скандально известном памфлете «Безделицы для погрома»¹¹. Публикация этих произведений во Франции окончательно поссорила Селина с советским правительством: на его имя и творчество был наложен запрет, который длился до самого последнего времени.

Примерно к 1939 году относится знакомство Селина с танцовщицей парижской Оперы Люсетт Альманзор, ставшей его женой и разделившей с ним все тяготы последнего периода его жизни (в трилогии Селин называет ее Лили).

А дальнейшая судьба писателя сложилась трагически. Скандальные расистские памфлеты. Сомнительное поведение в период Второй мировой войны. Бегство в Данию после ее окончания. Суд. Тюрма. Ссылка. Годы забвения, одиночества, и снова шумный литературный успех, связанный с появлением романа «Из замка в замок» (1957), первой частью трилогии, в которую вошли также романы «Север» и

---

¹¹ См.: Безделицы для погрома: Ленинград 1936 года глазами писателя Луи-Фердинанда Селина // Предисловие, перевод с французского и примечания Т. Н. Кондратович и В. В. Кондратовича. В сб. «Невский архив», СПб, Феникс, 1995.

«Ригодон».

Все книги Селина в той или иной мере являются автобиографическими. Не составляет исключения и роман «Из замка в замок», который он писал в Медоне и завершил в 1956 году.

Этот роман можно было бы озаглавить «Край ночи». События, описанные в нем, охватывают период с 1944 по 1956 год, время после крушения коллаборационистского правительства Виши. Замки, о которых говорит Селин, в действительности являются странными, кошмарными призраками, имя которым Война, Ненависть, Нищета. Три раза Селин оказывается обитателем замка: на юге Германии в Зигмарингене, в компании маршала Петэна и его министров, в Дании, где он в течение 18 месяцев находится в заключении в тюрьме, а потом еще несколько лет на разрушенной ферме, и, наконец, в пригороде Парижа Медоне, где он практикует в качестве врача и где всю его клиентуру составляют несколько таких же нищих, как он сам, пациентов.

Селин вместе со своей женой покинули Париж и прибыли в Зигмаринген в начале ноября 1944 года, то есть примерно через два месяца после того, как туда переехало большинство членов правительства Виши. Для лучшего понимания описываемых Селином в романе событий необходимо хотя бы в общих чертах описать существовавший в тот момент в Зигмарингене расклад политических сил.

В замке и баварской деревне Зигмаринген, бывшем ро-

довом имени Гогенцоллернов на юге Германии, в сентябре 1944 года немцы собрали большинство французских политических деятелей, составлявших костяк коллаборационистского правительства Виши. Однако далеко не все они оценивали свое положение одинаковым образом. Так, например, маршал Петэн считал себя пленником немцев и практически полностью отошел от дел, общаясь лишь со своим персоналом. Премьер-министр правительства Виши Пьер Лаваль, также привезенный в Зигмаринген против своей воли, придерживался той же линии поведения. В таком же положении находились еще несколько приближенных к нему высокопоставленных чиновников: министр промышленности Жан Бишлонн, министр национального образования Абель Боннар, министр юстиции Морис Габольд, министр печати Поль Марион и др. Этой группе противостояло несколько «активных» политических деятелей, продолживших сотрудничество с Германией: Фернан де Бринон, Жозеф Дарнан, Жак Дорио, Марсель Деа и др. Они входили в состав так называемой «Правительственной делегации в защиту национальных интересов», созданной по инициативе Гитлера и Риббентропа с целью в дальнейшем сформировать на ее основе новое правительство во главе с Дорио. Между «активными» и «пассивными» отношения были практически полностью разорваны, хотя они жили в одном месте и вынуждены были часто встречаться. Несмотря на это, обе эти группы официальных лиц зимой 1944–1945 года находились в при-

вилегированном положении, расположившись главным образом в замке. Петэн занимал верхние этажи, Лаваль и члены «Делегации» жили ниже. Впрочем, все они в равной степени были обречены.

Совсем в других бытовых условиях находилась остальная масса беженцев, расквартированных в домах и подвалах прилегавшей к замку деревушки. Их число приближалось к двум тысячам (у Селина их 1142). По большей части это были «неявные коллаборационисты», съехавшиеся сюда со всех концов Франции. Многие из них хотя и не занимали официальных постов, но все же были достаточно известны: литераторы, художники, журналисты, лидеры политических партий. К их числу принадлежал и Селин, продолжавший там работать в качестве врача, – впоследствии был вынужден заниматься этим практически до конца жизни. Состояние, в котором пребывали все эти окруженные и практически обреченные на смерть люди, можно без труда себе представить. Вот, например, как описывает свою встречу с Селином один из французских беженцев, прибывших в то время из лагеря неподалеку от Зигмарингена. Это свидетельство особенно интересно, ибо принадлежит человеку, который до того момента с Селином был незнаком. «С нами заговорил какой-то странный тип. Он был высокий, худой, и его сверкающие светлые глаза, глубоко посаженные под огромными кустистыми бровями, светились беспокойным светом. Когда он смотрел на вас, его зрачки застывали

и казалось, что его глаза постоянно вас о чем-то вопрошают. Он был одет в застиранную, когда-то коричневую, куртку, и темно-синие панталоны, болтавшиеся на его тощих ногах. У него на шее на веревочке висели две огромные кожаные меховые рукавицы, а в левой руке он за ручку держал объемистый саквояж, в котором были проделаны дырочки для доступа воздуха. В этом саквояже – я узнал это позже – он носил огромного кота. Таков был странный наряд этого типа; что же касается кота, это была замечательная тварь, я не мог оторвать от него глаз. Он был размером почти с ягненка, и, честное слово, казалось, он очень доволен, что прогуливается в подобном экипаже: забавная тварь... Это были Луи-Фердинанд Селин и его кот Бебер. Скороговоркой, не прерываясь, даже чтобы выслушать ответы, он стал расспрашивать меня, что побудило меня явиться в Зигмаринген. Его удивляло мое решение приехать в это осиное гнездо. В живописной манере, употребляя неожиданные выражения, и с неизменным лукавством он набросал мне картину военного положения, как оно ему представлялось: „... у меня такое впечатление, что все сжалось и окончательно отвердело, – сказал он мне о немцах. – Эластические отступления уже невозможны, каучук потерял гибкость“. А потом, все время в том же насмешливом тоне, со своим парижским акцентом, странно контрастировавшим с горячечным блеском его светлых глаз, огромные зрачки которых трагически неподвижно смотрели на вас: „Интересно, выкарбакается кто-нибудь из

этой передряги? Как по-вашему? Вы здесь человек новый, вам виднее“. Задавая этот вопрос, он, казалось, действительно желал, чтобы война кончилась как можно скорее, и, как это ни странно было для подданного Зигмарингена, полным крушением Рейха. „Теперь они должны бы наконец понять, что уже довольно, – сказал он чуть позже, – это вовсе не смешно. Не надо бы им растягивать это удовольствие – люди, которых сейчас мобилизуют, могли бы быть моими внуками. Если бы мимо этого можно было пройти, не заразившись, как мимо сифилиса!“ Я не мог отделаться от воспоминания об этих больших голодных глазах, смотревших на меня. Казалось, эти глаза звали на помощь, контрастируя с насмешливым тоном, юмором и комизмом этого персонажа, похожего на монмартрского шансонье. До сих пор я испытываю к этому человеку, которого я, можно сказать, совсем не знал, странную жалость»¹².

Еще одна тема, к которой Селин неоднократно обращается в своем романе, – это тема его пребывания в Дании, куда Селин вместе с женой бежали из Зигмарингена в марте 1945 года. Прибыв в Копенгаген, Селин почти десять месяцев находился там на нелегальном положении. Ночью 18 декабря 1945 года Селин и его жена были арестованы и заключены в тюрьму Вестерфангсель в Копенгагене: она – на три месяца, он – на четырнадцать. В июне 1947 года Селин был осво-

---

¹² Цит. по Céline. *Romans II. Notice pour «D'un château l'autre»* par Henri Godard. Ed. Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade.

божден из тюрьмы под подписку о невыезде за пределы Дании. Период с лета 1948 по лето 1951 года Селин проводит в ссылке, в ста километрах от Копенгагена, недалеко от маленького городишки Корсор, в хижине на берегу Балтийского моря. Условия, в которых Селин, Люсет и Бебер прожили эти три года, были ничуть не менее суровы, чем те, в которых они оказались после своего приезда из Парижа в Зигмаринген. Хижина была рассчитана только на жизнь летом и не имела практически никаких удобств. Летом 1951 года Селин наконец-то амнистирован французским Верховным Судом, после чего получает возможность вернуться в Париж.

Остаток жизни Селин доживает в своем доме в парижском пригороде Медоне, где по-прежнему практикует в качестве врача и занимается литературным трудом. За это время он создает еще несколько книг: «Разговоры с профессором Y», «Феерия для другого раза», «Норманс», «Из замка в замок», «Север», «Ригодон». Последний роман был опубликован уже после смерти автора. Луи-Фердинанд Селин умер 1 июля 1961 года. В момент смерти рядом была только его верная спутница Люсетт Альманзор-Детуш.

До последнего дня своей жизни Селин не переставал сетовать на несправедливость мира и людей. И надо сказать, оснований для этого было у него достаточно. До сих пор в Париже нет ни одной мемориальной доски, увековечивающей память писателя. В то же время Селин был одним из очень и очень немногих французских писателей, романы ко-

торого стали выходить в самой престижной серии издательства «Галлимар» – «Плеяде». В настоящий момент в этой серии вышло все собрание его сочинений, что фактически означает официальное причисление его к сонму классиков. И тем не менее Селину, как никому другому во всей мировой литературе, удалось избежать сопутствующего подобному признанию опошления: он сумел найти в мире такую нишу, надежно укрывшую его творчество от выхолащивания, превращения в «общее место» культуры. Правда, заплатить ему за это пришлось дорогой ценой. Отдавал ли он себе в этом отчет сам? Скорее всего, да. Однажды он, в свойственной ему манере, как бы вскользь, заметил: «Критики меня не портят». И был прав!¹³

Широко распространено мнение, в соответствии с которым творчество Селина принято делить на два этапа: поздний и ранний. Причем расцвет, как правило, связывается с ранним периодом его творчества. Временная граница, отделяющая его ранние книги от поздних (годы Второй мировой войны и конец сороковых), действительно существует. Однако с оценочной частью этого суждения невозможно согласиться. Можно говорить об определенном стилистическом сдвиге, произошедшем в его позднем творчестве, о появлении в его последних книгах некоторых новых тем, но противопоставлять его поздние книги ранним, а тем более гово-

---

¹³ См. Жак Бреннер. «Моя история современной французской литературы». С. 134.

ритель о его творческой деградации способен только очень поверхностный читатель. Не следует забывать, что и свои первые книги Селин опубликовал уже в зрелом возрасте, когда ему было далеко за тридцать.

Кстати, это позднее вхождение в литературу роднит его с нашим соотечественником Василием Розановым, который тоже вошел в русскую литературу, когда ему было далеко за тридцать, имея за плечами богатый жизненный опыт. Вообще, между обоими писателями довольно много общего, хотя один в большей степени считал себя мыслителем и оперировал традиционными религиозными и философскими идиомами, а другой больше доверял живой стихии человеческой речи. Действительно, концептуальных статей у Селина буквально считанные единицы. Тем не менее небольшое эссе «*Mea culpa*», написанное им после посещения Советского Союза, во многих отношениях показательно. Его лейтмотивом является не столько разочарование в советской реальности, сколько куда более глобальное разочарование в человеке вообще, который, по мысли Селина, в любых условиях, вне зависимости от занимаемого им социального положения и политической системы, в которой он живет, остается существом не только слабым, но и опасным. При всей видимой простоте этого обобщения, оно, по существу, подводит черту под великими «пессимистическими прозрениями» по поводу человека, характерными для таких мыслителей XIX века, как учитель и предшественник Василия Роза-

нова Константин Леонтьев или Ницше, – людей, во многом опередивших свое время. «Подводит черту», ибо разочарование Селина в человеке носит более тотальный характер и лишено каких-либо отсылок к положительным идеалам вроде христианства (у Леонтьева) или сверхчеловека (у Ницше). Впрочем, сам Селин практически никогда вслух не говорил о своих философских пристрастиях. Исключение составил разве что посвященный детству и отношениям с родителями роман «Смерть в кредит» (1936), где явственно видны следы увлечения Селина Фрейдом, пик которого пришелся на период создания этого романа.

Творчество Селина, действительно, знаменует собой тотальное разочарование в человеке и человечестве. Он сам не устает напоминать об этом своим читателям, называя людей то «мистиками смерти, которых следует опасаться», а то и просто «тяжелыми и тупыми». Однако было бы большой ошибкой свести весь пафос творчества Селина к чистому негативу. В этой связи – возвращаясь к сходству с Василием Розановым – можно вспомнить одно из посвященных русскому мыслителю западных исследований, которое носит весьма характерное название – «Юродивый в русской литературе». Во французской литературе, столь богатой всевозможными эксцентричными личностями, это место, на мой взгляд, должен был бы занять именно Селин.

«Посвящается животным» – эти слова предваряют последний роман Селина «Ригодон», который увидел свет уже

после смерти автора. Посвящение, сделанное рукой одного из самых «циничных» и «антигуманных» писателей XX века, кажется довольно неожиданным, но только для тех, кто не знаком с его творчеством или знаком понаслышке. Животные всегда занимали в творчестве Селина одно из центральных мест, впрочем, как и в жизни...

А тех, кто недостаточно знаком с его творчеством, и сегодня, увы, очень много, и не только у нас, но и во всем мире. Вышедший в 1932 году роман «Путешествие на край ночи» сразу же завоевал Селину шумную и скандальную известность, которая, хотя и не принесла ему каких-то особых официальных наград и материальных благ, но сопровождала его всю жизнь. И как ни парадоксально, именно благодаря этой известности Селин по сей день остается писателем, мало знакомым широкой публике и, в сущности, так до конца и не понятым. Ибо бросавшееся в глаза новаторство Селина в сфере французского литературного языка, активное использование им арго, склонность к подчеркнuto эпатажным декларациям очень скоро были позаимствованы у него многими современными литераторами. Ощущение новизны исчезло, а вместе с ним стал угасать интерес к Селину читателей, да и критики тоже. А между тем Селин нуждается в гораздо более глубоком и, я бы даже сказал, медитативном прочтении, ибо это писатель, наделенный исключительно глубоким экзистенциальным опытом, который, несмотря на используемые им внешние литературные приемы, никогда не станет

достоянием большинства и никогда не утратит своей свежести.

Экзистенциальный опыт Селина – это опыт человека, прошедшего через войну, тюрьму, болезни и всевозможные унижения... Тут невольно в памяти всплывает фигура Достоевского... В свое время народник-атеист Михайловский назвал христианского писателя Достоевского «жестоким талантом». Именно таким «жестоким талантом» можно было бы назвать и Селина, и хотя сам он не считал себя религиозным писателем, его ставшая уже притчей во языцех антигуманность, безусловно, сродни религиозной «жестокости» к человеку Достоевского. Можно безо всякой натяжки сказать, что его творчество апокалиптично. Его романы – это торжество обратной перспективы, в той мере, в какой этот термин вообще применим к литературе. Люди у Селина лишены права на какое-либо мировоззрение, мнение, гордыню, они настолько обнажены, очищены от всего человеческого, что становятся подобными бессловесным тварям, то есть животным. А таким обнаженным человек может предстать... или перед Богом, о котором сам Селин никогда не говорит, или перед Смертью, о которой он говорит постоянно. Более того, животным Селин всегда отдает некоторое предпочтение, даже перед лицом Смерти. «Чьих только предсмертных судорог и где только я ни наблюдаю: в тропиках, во льдах, в нищете, в роскоши, за решеткой, на вершинах Власти, пользующихся всеобщим уважением, всеми прези-

раемых, отверженных, во время революций, в мирное время, под грохот артиллерийской канонады, под звон новогодних бокалов... моему слуху доступны все оттенки звучания органа de profundis... но тяжелее всего, я думаю, бывает: собакам!.. кошкам... и ежам...».

Селин «отразил ужас буржуазного существования... показал превращение человека в волка среди волков». Это определение творчества Селина в Краткой литературной энциклопедии начала семидесятых не совсем точно, причем не только своей идеологической предвзятостью. Селину абсолютно не свойственна человеческая гордыня: мол, для человека нет ничего ужаснее, чем оказаться «волком среди волков». Животные у Селина далеко не безобидны, но они гораздо менее опасны, чем люди.

Селина часто называют «выдающимся стилистом». Я думаю, что это не более чем попытка адаптировать к современной культуре явление слишком неординарное и по-настоящему из нее выдающееся. Во всей мировой литературе нет, наверное, другого такого писателя, который со столь подчеркнутым пренебрежением относился бы к композиции своих романов, всевозможным стилизациям и прочим литературным приемам. Когда читаешь Селина, то порой начинает казаться, что даже сами слова для него почти ничего не значат, во всяком случае, значат гораздо меньше, чем интонации, ритм повествования или сложная, до предела запутанная пунктуация...

И животных Селин предпочитает еще и потому, что те, в отличие от человека, вообще не умеют говорить. Сам Селин тоже почти не рассуждает на эту тему: животные просто присутствуют в его книгах так же естественно, как пейзаж, как ночной Париж, как Сена за его окном в Медоне... Неестествен у Селина только человек, который своей болтовней, жадностью, тщеславием замутняет неуловимую, скрытую от глаз, бессловесную сущность бытия. А Селин – один из немногих писателей XX века, чье внимание практически полностью сосредоточено на неуловимой, за-словесной сущности жизни и человеческих отношений. Характерна с этой точки зрения и та пресловутая революция, которую произвел Селин во французском литературном языке, – активное использование им арго. Как это ни парадоксально, скорее его можно было бы причислить к символистам, если бы это литературное течение дожило до середины XX века. Абсолютно чуждый символизму идейно, Селин тем не менее пользуется грубыми жаргонными словами прежде всего как символами для выражения простой и грубой сущности современной жизни, открывшейся ему с такой пугающей полнотой. И животные для Селина – символ утраченного Рая, символ утраченной человеком, а потому никогда не достижимой для него полноты бытия.

Именно поэтому его книги и требуют сосредоточенного, медитативного прочтения. По этой же причине с годами они становятся все более аморфными по форме и на первый, по-

верхностный, взгляд могут показаться даже несколько однообразными, так как все больше начинают напоминать собрание причитаний юродивого, которого злые люди обидели, «отняли копеечку»... Эволюция взглядов Селина, его последовательные антигуманизм и антиутопизм, видимо, косвенным образом сказываются и на форме его поздних романов, в которых он окончательно отказывается от традиционного сюжета и фабулы, являющихся для него также знаками некоего человеческого вторжения в реальность, насилия над ней, пережитками утопических представлений о единстве и взаимосвязи происходящих в жизни событий. Этот неизжитый утопизм, например, можно наблюдать в творчестве того же Достоевского, учившегося искусству построения сюжета у Эжена Сю и Жорж Занд. С этой точки зрения поздние романы Селина, по аналогии с «Частью речи» Бродского, можно было бы назвать «частью жизни», так как они напоминают предельно очищенные от любого видимого вмешательства слепки с бытия, связанные между собой только единством исторического времени и пространства.

Но Селин не только не всеми понят, его имя до сих пор многих пугает. Опыт Селина – это еще и опыт человека, волею судьбы поставленного вне общества и вне закона. И в его особом отношении к животным есть, безусловно, и нечто такое, что роднит его с устрашающим обывателя жестоким преступником, который вдруг проявляет неожиданную привязанность к собакам, кошкам и птицам. Печать такого сход-

ства действительно лежит на Селине и по сей день и, вероятно, останется на нем навсегда...

Впрочем, лучше всего о своем опыте сказал сам Селин: «...если вы оказываетесь в экстремальных условиях, к тому же еще „не по своей воле“, вы сразу же врubaетесь!.. сразу же чувствуете, заранее, когда с вами должно что-то случиться, и именно с вами, а не с кем-нибудь другим... у вас срабатывает инстинкт, как у животного... это только человек туго соображает, разводит диалектику и все затуманивает...».

Думая о том, что же нового внес Селин в мировую литературу, невольно ловишь себя на мысли, что вроде бы не так уж и много. В сравнении с Кафкой или Джойсом, реформировавшими форму современного романа, открытия Селина не столь уж и велики: по форме его романы достаточно просты и традиционны. Однако все формальные нововведения предполагают плавное течение литературы, ее постепенную эволюцию, перспективу развития, а не конец. Творчество же Селина, как я уже сказал, апокалиптично. В Селине прежде всего поражает его предельно трезвый, поистине аскетический взгляд на жизнь, который он ни на секунду не позволяет себе отвести в сторону даже перед лицом смертельной опасности.

Селин умер в Медоне, в том же самом парижском пригороде, где некогда провела несколько лет своего эмигрантского изгнания Марина Цветаева. С трудом верится, что два этих человека могли существовать столь близко, причем не

только в пространстве, но и во времени. Более того, Цветаева, чья романтическая эстетика в значительной степени восходит к XIX веку, была на три года старше Селина. Их соседство во времени и пространстве кажется столь невероятным прежде всего потому, что невозможно себе даже представить, чтобы Цветаева прочитала Селина – для нее это было бы равносильно самоубийству. В то же время, совершив это метафизическое самоубийство, она, возможно, избежала бы самоубийства физического... Ибо Селин как бы предвосхитил один из самых роковых вопросов современности: «Возможно ли искусство после Освенцима?», дав на него своим творчеством убедительный ответ. Книги Селина, особенно поздние, – это и есть своего рода «искусство после Освенцима». Однако, ответив на этот вопрос утвердительно, он заставляет своих читателей задуматься уже над другим вопросом: возможно ли искусство, и в частности литература, после него самого?

Санкт-Петербург, 1998 г.

© *Маруся Климова*

Из замка в замок

По правде сказать, я думаю, что я кончу гораздо хуже, чем начал. О, начал-то я совсем неплохо... я родился, если вы помните, в Курбвуа, на Сене... я говорил об этом уже тысячу раз... после множества падений и взлетов я действительно подошел к критической черте... это возраст, скажете вы... возраст!.. конечно!.. в 63 с гаком не так-то просто влиять на ход событий... находить новых пациентов... куда ни ткнись!.. вас никто не помнит!.. я врач... и скажу вам по секрету, пациенты ценят во враче не столько знания или опыт... но прежде всего, в первую очередь, личное обаяние... а какое, к черту, обаяние, когда тебе за 60?.. для мумии или китайской вазы в музее... это еще куда ни шло... каких-нибудь маньяков, любителей старины это, может быть, и заинтересует... но дам? этих вечно расфуфыренных, размалеванных, надушенных баб?..дохлый номер! подобный субъект, неважно, пациент он или врач, способен вызвать у них только отвращение!.. вот если бы он был весь в золоте?.. тогда ладно!.. может быть, он и ничего? гм! гм!.. но несчастный урод?.. прочь! Послушайте, о чем говорят больные на улицах, в магазинах... если речь идет о вашем молодом коллеге... «о, знаете, мадам!.. мадам!.. какие глаза! какие глаза у этого доктора!.. он сразу же определил, что со мной!.. он выписал мне эти капли! в полдень и вечером!.. по несколько

капель!.. этот молодой доктор просто очарователен!..» А вот какого они мнения о вас!.. «Ворчливый, беззубый, невежественный, шепелявый, горбатый...» с вами все ясно!.. любимец женщин торжествует!.. мужчины кропают законы, женщин подобные глупости не интересуют: они формируют общественное мнение!.. успех медицинской практики полностью в руках женщин!.. вы с ними не в ладу?.. тогда вам хана!.. среди ваших пациенток одни debilки и неполноценные идиотки?.. тем лучше для вас! чем они ограниченнее, тупее, сумасброднее, тем больше у них энергии!.. можете засунуть подальше свой халат и все остальное!.. остальное? лично меня и так полностью обчистили на Монмартре!.. полностью!.. на улице Жирардон!..¹⁴ повторяю это снова и снова!.. я готов кричать об этом на каждом углу!.. все делают вид, что не слышат меня... такие вещи не слишком приятно слушать!.. однако я предпочитаю поставить все точки над «i»... все!.. эти ублюдки, эти преисполненные святого негодования освободители ворвались ко мне, взломав дверь, и увезли все на Bloшиный рынок!.. все было продано за гроши!.. я ничего не преувеличиваю, у меня есть доказательства, свидетели, имена... все мои книги и инструменты, мебель и рукописи!.. все шмотки!.. у меня не осталось ничего!.. ни носового платка, ни стула!.. продали даже стены!.. дом, все!.. пустили с молотка!.. «и поделом»! на это нечего возразить! вы так дума-

---

¹⁴ Селин уехал с улицы Жирардон на Монмартре в июне 1944 г., оставив там все свои вещи и рукописи, которые были разграблены

ете! я читаю ваши мысли!.. совершенно справедливо! о, надеюсь, что с вами такого не случится! Ничего подобного с вами никогда не произойдет! вы ведь так предусмотрительны!.. вас можно заподозрить в симпатиях к коммунизму не больше, чем любого рядового миллиардера, вы такой же пужадист, как сам Пужад¹⁵, вы нейтральны, как швейцарский сыр, американизированы, как Буффало!..¹⁶ вы в прекрасных отношениях со всеми, кто имеет хоть какой-то вес в обществе: Ложа, Профсоюзная Ячейка, Церковь, Прокуратура!.. стопроцентный хрянцюз... о, вы-то знаете, как делается История!.. невольник чести?.. еще бы!.. сподручный палача? и это можно!.. позвольте-с мне облизать нож гильотины?.. хе! хе!

А пока у меня нет даже «Пашона»...¹⁷ мне надо срочно одолжить «Пашон», ибо это лучшее средство от назойливых пациентов!.. вы приглашаете их садиться и начинаете измерять давление... они так много жрут, пьют и курят, что редко оно опускается у них ниже 22... 23... а вдруг тахіта... их жизнь – что-то вроде шины... они панически боятся этого тахіта... взрыв! смерть!.. 25!.. тут они перестают шутить

---

¹⁵ Пужад (род. в 1920 г.) – французский политический деятель; пужадизм – оппозиция мелких коммерсантов и ремесленников, не принимавших изменения в экономике, которая вылилась в эфемерное политическое движение (1955–1956).

¹⁶ Буффало – город на северо-востоке США. Первыми европейцами, посетившими район Буффало, были французы (1679 г.). Buffle (*фр.*) – буйвол.

¹⁷ Имеется в виду осциллометр, используемый для измерения артериального давления, названный по имени его изобретателя

и становятся крайне серьезны! вы объявляете им, что у них 23!.. больше вы их не увидите! а какой взгляд они бросают вам, уходя! сколько в нем ненависти!.. вы кажетесь им садистом, убийцей! «до свиданья! до свиданья!..»

Ну и черт с ними!.. когда-то у меня был «Пашон», и мои друзья приходили ко мне проверить свое здоровье... вероятно, им доставляло удовольствие видеть, в какой нищете я живу... 22!.. 23!.. теперь и их нет!.. но вообще-то, откровенно говоря, я бы с удовольствием завязал с медициной... а между тем я вынужден продолжать! diabolicum! до самой пенсии! может быть, тогда наступит конец?.. какое там «может быть»! экономить! на всем! всегда! и везде!.. во-первых, на отоплении!.. всю прошлую зиму температура не поднималась выше плюс пяти! мы, конечно, привыкли!.. закалились! о, можете не сомневаться!.. нордическая закалка! мы продержались там наверху целых четыре зимы... почти пять... при 25 ниже нуля... в этом грязном хлеву... без огня, без единой искорки, даже свиньи сдохли бы там от холода... уверяю вас!.. впрочем, мы здорово закалились!.. соломы на крыше не осталось совсем... ветер продувал нас насквозь, снег сыпался нам прямо на голову!.. пять лет и пять месяцев на льдине!.. Лили больная после операции... вы, вероятно, думаете, что этот ледник был бесплатным? о, вы глубоко заблуждаетесь!.. вовсе нет!.. я оплатил все!.. вот чеки, подписанные моим адвокатом... заверенные Консульством... видите, у меня есть основания для недовольства! меня ведь

ограбили не только на Монмартре... на Балтике я тоже подвергся бандитскому нападению!.. грабители с Монмартра собирались выпустить мне кишки, размазать мои внутренности по мостовой до самой улицы Лепик... балтийские бандиты сделали все, чтобы я сдох от цинги... они намеревались сгноить меня в тюрьме «Ванстр»...¹⁸ и им это почти удалось... два года в канаве, три на три!.. потом они вспомнили о холоде... о вихрях Большого Бельта...¹⁹ заперли меня! на пять лет! и заставили платить! повторяю еще раз! все мои сбережения!.. все мои авторские права!.. то небольшое, что я имел! все уплыло!.. прибавьте к этому наложенный Трибуналом арест на имущество!.. вот смеху-то было! надо же до такого додуматься!.. у меня ведь почти ничего не осталось!.. ничего, кроме единственного костюма, который я храню с 34-го года! Он дорог мне, как память!.. я не Пужад, и не собираюсь приписывать себе способность предвидеть экономические катастрофы заранее, особенно теперь, когда от прошлого остались одни мумии!.. я рассказываю об этом предусмотрительно сделанном мной в 34-м году приобретении просто так, сам не знаю зачем!.. в те тяжелые времена было не до щегольства... мой портной жил на проспекте Опера... «Пожалуйста, сшейте мне костюм! Необычный,

---

¹⁸ Ванстр – Селин имеет в виду тюрьму «Вестерфангсель» в Копенгагене, где он полтора года провел в заключении в 1945–1947 гг.

¹⁹ Большой Бельт – центральный пролив, соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат.

строгий!.. супергабардиновый, Пуанкаре!..²⁰ в стиле Пуанкаре!»

Стиль Пуанкаре только что входил в моду! френч! на самом деле очень необычного покроя... меня обслужили!.. костюм до сих пор у меня... ему просто сносу нет!.. судите сами!.. он прошел всю Германию... Германию 44-го года... под бомбежками! и какими! продолжавшимися в течение четырех лет... человеческий буйабес, пожары, танки, бомбы! груды развалин! он немного выцвел... и все! а потом еще все эти тюрьмы!.. пять лет на Балтике... ах да, чуть не забыл! сутолока Безон-Ля-Рошели и кораблекрушение в Гибралтаре!²¹ уже тогда он у меня был!.. теперь гордятся своими нарядами из нейлона, костюмами «Гревэн», атомными кимоно... представляю, что стало бы с ними!.. мой-то целехонек! поизносился, конечно! оно и понятно! пообтрепался!.. четыр-

---

²⁰ Раймон Пуанкаре (1860–1934) – французский политический деятель, президент республики с 1913 по 1920 г., представитель Национального Союза, сторонник твердой позиции в отношении Германии (оккупация Рура в 1923 г.); особенно известен своей финансовой политикой («франк Пуанкаре», девальвация франка в 1928 г.).

²¹ Селин часто возвращается в своей трилогии («Из замка в замок», «Север», «Ригодон») к событиям, пережитым в первые месяцы войны: столкновение в первые дни 1940 г. в Гибралтаре военного корабля «Shell», на который он завербовался как врач, с английским патрульным судном; работа в диспансере в Сартрувиле после демобилизации и бегство из страны. Там он находился в момент наступления немецких войск, накануне которого Лили едва не попала под пули немецкого патруля. Селин и Лили покинули Париж в машине «скорой помощи». Они добрались до Ля Рошели, где Селин работал в больнице. Последующие несколько недель он провел в лагере для беженцев в Сен-Жан-д'Анжели.

надцать лет суровых испытаний!.. мы все немного пообтрепались!

Я никогда не стремился выделиться, одеться поживописнее... как на полотнах... Ван Дейка... Рембрандта... Вламинка... нет!.. я всегда хотел быть как все... ведь я врач... в своем белом халате... из какого-то синтетического волокна... я очень респектабелен... и имею вполне приличный вид... однако стоит мне выйти в костюме Пуанкаре, и этого обо мне уже не скажешь...я мог бы купить себе новый костюм... конечно!.. экономя еще больше... на всем... мне стыдно в этом признаться... но я стал совсем как моя мать... бережливость! экономия! однако всего не учтешь... моя мать потеряла сознание и умерла от сердечного приступа прямо на скамейке, голод и лишения, вероятно, тоже сказались, я был тогда в тюрьме «Вестерфангсель» в Дании... она умерла в мое отсутствие... я сидел вместе с приговоренными к смерти в секторе «К»... я проторчал там целых 18 месяцев... тот, кто не хочет слушать, может не слушать, но я никогда не перестану повторять это...

Моя мать, несмотря на свое больное сердце, физическое истощение, голод и прочее, умерла в полной уверенности, что все это лишь временные затруднения и что, проявив определенную стойкость, волю и терпение, можно дождаться лучших дней, когда все снова встанет на свои места, эти жалкие бумажки снова превратятся в настоящие деньги, пачка масла снова будет стоить двадцать пять сантимов... пойми-

те, я тоже помню, как жили до 14-го года... я панически боюсь лишних трат... когда я вижу эти цены!.. стоимость одного костюма, например!.. я немею от ужаса! скажите: неужели Президент, «Комиссар», Пикассо, Галлимар могут позволить себе покупать одежду?!.. переведите цену одного костюма «Комиссар» в калории – о, это же можно жить, творить, любоваться на Сену, посещать музеи, платить за телефон в течение по крайней мере года!.. одежду теперь покупают только сумасшедшие!.. картофель, морковь, это еще куда ни шло!.. лапша, морковь... я не хочу жаловаться!.. бывало и хуже!.. гораздо хуже!.. конечно, мне платили!.. дело не в этом!.. но все мои «авторские права»! «Путешествие»!..²² а не только мебель и рукописи!.. все пошло псу под хвост!.. да здравствует сила!.. на Монмартре и в Сен-Мало!.. на юге!.. на севере... на востоке... на западе... повсюду процветает бандитизм! на Лазурном берегу или в Скандинавии!.. везде одно и то же!.. напрасно вы будете стараться, лезть вон из кожи... чтобы им угодить... теперь ведь есть эта чертова 75-я статья²³, будь она проклята! Величайшее Соизволение на то, чтобы вас выпотрошить, обобрать до нитки и разделать

---

²² Имеется в виду первый роман Селина «Путешествие на край ночи», опубликованный в 1932 г.

²³ 75-я статья – статья уголовного кодекса (закон от 29 июля 1939 г.), которая гласит: «Будет признан виновным в предательстве и заслуживающим смерти: 1) каждый француз, обративший оружие против Франции; 2) каждый француз, вступивший в сговор с иностранными властями с целью предпринять враждебные действия против Франции и т. п.»

вашу тушку на фрикассе!

Вот такие пироги!.. я уже поведал вам о своем рационе... что касается меня, то мне не составляет большого труда ограничить себя в еде... это несложно!.. другое дело Лили!.. Лили нужно как следует питаться... она меня волнует гораздо больше... ее ремесло требует много сил!.. конечно, мы позволяем себе некоторые излишества: собаки, например... наши собаки... они лают!.. что это там за тип у решетки?.. просто какой-то мудака или убийца?.. вы спускаете свору! гав! гав! и никого!..

– Но где же вы живете?.. – спросите вы, – гордый Артабан?²⁴

– В Бельвию, месье!.. на косогоре! приход Бельвию!.. вы, наверное, знаете?.. в долине Сены... сразу за тем заводом на острове... я и родился неподалеку... извините, я повторяюсь... но закоренелым тупицам приходится повторять по сто раз!.. Курбвуа²⁵, Сена, Рамп дю Пон... не всем нравится, что я родился в Курбвуа... и мой возраст тоже, я повторяю год моего рождения... 1894!.. я пережевываю одно и то же?.. обмусоливаю?.. имею право!.. как уроженец прошлого века я имею право пережевывать одно и то же!.. и, о Господи! ворчать!.. поносить все на чем свет стоит! и между прочим, дол-

---

²⁴ Артабан – герой романа французского писателя Ла Кальпренета (1614–1663) «Клеопатра», прославивший гордецом.

²⁵ Курбвуа – пригород Парижа, где жили родители Селина, когда он родился. Селин часто о нем вспоминает в своих произведениях (см. «Смерть в кредит»).

жен вам признаться, что вся эта свора прожорливых пьяниц, все эти рожи, на которые я постоянно натываюсь повсюду от Бастилии до площади Тертр, на самом деле выводят меня из себя!.. эти ублюдки притащились черт знает откуда... из Вовера!.. Перигора!²⁶ с Балкан!.. Корсики!.. во всяком случае, они не местные!.. это мне было некуда податься... а куда, вы думаете, они пошкандыбали, спасая свою шкуру? они разбежались по домам! черт побери! и армия вместе с ними!.. корм для червей, проклятые дармоеды!.. у меня же даже кормилица жила в Пюто, Сантье де Бержер... а впрочем, кому это теперь интересно?.. ладно, поехали дальше!

Вернемся в Бельвю... к суровым условиям нашего существования... мне-то что... мне нужна только голова... чем меньше я ем, тем лучше она работает... конечно, меня слегка пошатывает... со стороны можно подумать: вот! он опять наклюкался!.. и так действительно говорят... что ж, можно даже специально создать себе репутацию пьяницы, ни на что не годного бездельника, кретина, да еще, плюс ко всему... «с уголовным прошлым»!.. вас будут презирать? ну и хорошо!.. мне все равно, я старик, и как я уже сказал, чем меньше я ем, тем лучше мне работается!.. но Лили-то не старуха! ей нужно давать уроки танцев! конечно, много на этих уроках не заработаешь!.. нам не хватает даже на отопление!.. она делает, что может... я тоже делаю все от меня зависящее... я это говорю не для того, чтобы выжать из вас слезу, но наши дела

---

²⁶ Вовер и Перигор – области Франции.

действительно идут из рук вон плохо!.. по правде говоря, если уж на то пошло... мы вынуждены влечить существование гораздо более жалкое, чем последний рабочий, там, напротив, у Дрейфуса...²⁷ по крайней мере, у того есть!.. пенсия! да, Мадам!.. страховка, отпуск... целый месяц отпуска!.. но разве я могу устроить Дрейфусу Познать?..²⁸ разве я могу назвать себя нещадно эксплуатируемым? а почему у меня нет хотя бы самой жалкой зарплаты? рабочие бы меня просто не поняли!.. им плохо у Дрейфуса? пенсия! отпуск! страховка! да если бы я ишачил на Дрейфуса, меня бы, по крайней мере, уважали!.. если же я скажу, что я ишачу на Гастона²⁹, меня поднимут на смех!.. ведь я знаменит, как никто другой!.. я прославился на весь *Франкрайх*, и теперь все стены заклеены плакатами, где я представлен предателем, безжалостным гонителем евреев, который скурвился и фуганул Линию Мажино³⁰, а вместе с ней Индокитай и Сицилию... о, я это знаю!..

---

²⁷ Имеется в виду завод Рено (расположенный под окнами дома Селина у подножия Медонского холма), которым Пьер Дрейфус руководил с 1955 г.

²⁸ Намек на большую забастовку, устроенную в Познани польскими рабочими 28 июня 1956 г.

²⁹ Имеется в виду Гастон Галлимар, в издательстве которого с 1951 г. выходили книги Селина.

³⁰ Линия Мажино – система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгюйона протяженностью около 380 км. Построена по предложению французского министра А. Мажино в 1929–1930 гг., совершенствовалась до 1940 г. В 1940 г. немецко-фашистские войска вышли в тыл Линии Мажино через Арденнские горы и после капитуляции Франции вынудили гарнизон Линии Мажино сдаться в плен.

на самом деле они не верят ни слову из этих ужасов, но можете не сомневаться, уверяю вас, они будут травить меня до самой смерти!.. пропагандистская машина запущена, и им просто нужен козел отпущения среди расистов...

Но вернемся к более важным вещам!.. я говорил вам про зиму в Бельвю... о холоде... когда я теперь слышу, как мне на него жалуются... мне смешно!.. представляю, что было бы с этими неженками в Скандинавии... на берегу Балтики под ураганным ветром, срывающим с крыши ветхую солому!.. – 25 и не только на уик-энд... целых пять лет, мадам! стоит только выйти из камеры!.. хотел бы я посмотреть, как Лукум бьется своей башкой о лед того моря... захватывающее зрелище!.. а этот Ахилл!³¹ со своим семейством!.. о, но это еще не все!.. сначала эти невинные ангелочки должны были бы отмотать пару годков в «Ванстре» по 75-й статье... посмотрел бы я тогда на их физиономии!.. им наверняка это пошло бы на пользу!.. вот тогда... тогда... мы бы и поговорили!.. можно было бы даже пожать им руку... может быть, в них пробудилось бы что-то человеческое...

Я, кажется, говорил про завод на острове?.. признаться, в старости на многое начинаешь смотреть иначе... инвалиды на 75 процентов или разнорабочие никому не нужны!.. такова жизнь! я не жалуясь!.. вот если бы я с юных лет начал закладывать за воротник, скажем, еще в средней школе, то-

---

³¹ Ахилл Броттэн и Норбер Лукум – так Селин называет Гастона Галлимара и его секретаря

гда у меня не было бы проблем, был бы я теперь дворником у Дрейфуса... меня бы все уважали, у меня были бы деньги и пенсия...

Что касается медицины... то больные ко мне еще иногда приходят... а как же!.. ни один врач не может похвастаться, что больные его больше не достают!.. нет! не так часто... конечно!.. я их осматриваю... не хуже, чем другие врачи... и не лучше... я – сама любезность! о, я очень вежлив! и очень внимателен!.. я никогда не ставлю диагнозы наобум!.. никогда не старался пустить больным пыль в глаза!.. за целых тридцать пять лет я ни разу не выписал ни одного заумного рецепта!.. тридцать пять лет, что бы там ни говорили, но столько не живет даже лошадь!.. не то чтобы я не знал, как это делается!.. я знаю! прекрасно знаю!.. я внимательно штудирую все медицинские проспекты... по два, три кило в неделю!.. в огонь! в огонь все это! я не возьму греха на душу! и никогда никому я не порекомендую непроверенного средства! я человек старой закалки... черт возьми! сучье отродье!.. на что вы меня толкаете? на преступление? уголовщину?.. Бухенвальд? Сибирь?.. Покорно благодарю!.. каббалист, опасный алхимик! этого вы от меня не дождетесь! единственный мой недостаток заключается в том... что я никогда не прошу денег! я не могу заставить себя делать это!.. у меня нет ни пособий... ни страховок... такова уж моя натура!.. идиотское самолюбие! я ведь не бакалейщик какой-нибудь... лапша?.. пачка печенья?.. уголь? и вода из-под кра-

на тоже? тем, что я никогда не взял с больных ни сантима, я создал себе больше проблем, чем Петьо, который жарил их в печи!..³² о, я благородный сеньор!.. благородный господин с Рамп дю Пон!.. господа Швейцер, аббат Пьер, Жоановиси, Лазаревф³³, вот они могут позволить себе подобные жесты... а мое поведение кажется всем подозрительно легкомысленным!.. он ведь был в тюрьме, кто его знает, что у него на уме!

Больные, о которых я уже говорил, те, что ко мне еще приходят, донимают меня рассказами о своем здоровье, о страданиях, которые не дают им покоя... я всех их выслушиваю... так!.. так!.. поподробнее, пожалуйста... обстоятельства... а если бы им довелось испытать то, что мы с Лили пе-

---

³² Доктор Петьо во время войны завлекал людей обещанием помочь им покинуть Францию через Латинскую Америку. Он заманивал их в свой кабинет на улице Ле Сюер в Париже, убивал и сжигал останки в печи котельной. Его имя вместе с именами еще двух известных преступников – Ландрю и Бугра – Селин часто упоминает в своих романах.

³³ Альберт Швейцер, аббат Пьер, Жоановиси и Пьер Лазаревф были широко известны в то время, когда Селин писал «Из замка в замок». Доктор Швейцер (1875–1965) основал в 1913 г. госпиталь для прокаженных в Африке, в 1952 г. получил Нобелевскую премию мира. Аббат Пьер во время жестокой зимы 1954 г. развязал спекулятивную кампанию в защиту бездомных. Жоановиси – «господин Жозеф» – во время войны сделал себе состояние на спекуляции металлом. Он вел двойную игру, обслуживая одновременно оккупационные власти и Сопротивление. В 1949 г. был приговорен к пяти годам тюрьмы. С 1951 жил на юге Франции, где сколотил новое состояние. Через несколько месяцев после публикации «Из замка в замок» он снова привлек к себе всеобщее внимание тем, что убежал в Израиль, откуда был выслан в январе 1959 г. Пьер Лазаревф (1907–1972) был директором газеты «Франс Суар».

режили за последние 20 лет... всем этим недотрогам! Боже мой!.. и как мы вообще выжили!.. этим неженкам!.. хотя бы треть! десятую часть... да они, наверное, ползали бы теперь по полу!.. под стульями! бляя от ужаса!.. весь остаток своей жизни!.. всякий раз, когда я слышу их причитания, я невольно спрашиваю себя: «каким же кретином надо было быть, чтобы так вляпаться? в такое дерьмо?.. по самые уши?» стоит мне об этом подумать, как у меня кошки на сердце скрести начинают!.. вроде кошечки Томины, той самой, которая мрр! мрр! по моей бумаге... ей ведь совершенно безразличны все мои рассказы! мрр! мрр! весь мир безразличен! животные! люди! жирные твари!.. черт бы их всех побрал!.. жирные, как Черчилль, Клодель, Пикассо, Булганин³⁴ вместе взятые! жопастые! жополизы! и мрр! и мрр! вы ведь тоже хотите стать такими!.. *кассовые* враги! вы соревнуетесь в нагуливании двойного жира! Комиссары рантье! пришло время снимать комиссионные с ваших вложений 1900 года!.. вот к кому следовало бы обратиться моим пациентам... им было бы полезно их послушать! полезно! может быть, они стали бы есть немного меньше мяса!.. это благотворно влияет

---

³⁴ Уинстон Черчилль (1874–1965) – английский государственный деятель. Символ английской политики в годы Второй мировой войны, глава коалиционного правительства. Поль Клодель (1868–1955) – французский писатель, дипломат. Принял католицизм в 1886 г., писал в основном театральные пьесы. Его путешествия давали ему материал для поэтического творчества. Пабло Пикассо (1881–1973) – испанский художник. Член Французской компартии. Булганин Николай Александрович (1895–1975) – советский государственный и партийный деятель. Председатель Совета министров СССР в 1955–1958 гг. Член ЦК КПСС.

на пищеварение! представляю, какую бы это вызвало у них ярость!.. это ведь основа основ современного мира!.. Жратва и Выпивка! о, это вам не классовая борьба!.. гораздо, гораздо серьезнее!.. усомниться в необходимости бифштекса! он хочет запретить нам виски? да такому вообще нет места среди живых!

Что касается меня, то я уже говорил вам, что жизнь, даже самая аскетическая, теперь очень дорога... конечно, если тебе никто не помогает! никто не поддерживает!.. ни мэрия, ни пенсионный фонд, ни Партия, ни Полиция... но таких нет! смею вам заметить... просто нет!.. всем, кого я знаю, кто-то помогает... они все живут у кого-то на содержании... кое-как... так себе... получше... похуже... питаются объедками... с чужого стола! как аббат Пьер... как Буало...³⁵ найдите себе какого-нибудь покровителя... неважно кого... Короля или Армию Спасения!.. как Швейцер, Расин³⁶, Лукум... присосались к какой-нибудь кормушке!.. основали какое-нибудь Братство от слова «брать»!.. и клянчат помаленьку!

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно... меня обвинили в расизме и обобрали до нитки! за эти десять лет, поверьте мне!.. за эти долгие десять лет! я испил чашу человеческой подлости до дна! они вопят по поводу своего Суэцкого канала?.. вот если бы они рыли его своими рука-

---

³⁵ Николя Буало (1636–1711) – французский писатель, поэт и критик.

³⁶ Жан Расин (1639–1699) – французский поэт и драматург, мэтр французской классической трагедии.

ми... тогда, я считаю, еще можно было бы понять, о чем они скулят! все, что они украли у меня на улице Жирардон, я заработал своим трудом!.. наверное, они заберут все это с собой в рай?.. очень может быть!.. десять лет невероятных унижений, из которых два года в камере... о, они, конечно, тоже... Расин, Лукум, Швейцер, Тартр³⁷ тоже кое-что исследовали... наблюдали... поднакопили денег, наполучали Нобелей!.. в общем, нахапали, кто сколько мог! все эти одутловатые, лоснящиеся, как Геринг³⁸, Черчилль, Будда!.. изнемогающие от ожирения комиссары! Десять лет, говорю я вам! этого я никогда не забуду!.. из них два – в тюрьме... по 75-й статье действующего законодательства! и кто же это подвергся столь суровому наказанию? ваш покорный слуга! кое-кто, наверное, уже недовольно морщится, оттого что я все время твержу одно и то же, как будто все это время я прохладился на курорте! а все свое имущество сам добровольно раздал пьяницам с Холма!..³⁹ не скоро еще на моем доме вывесят мемориальную доску с надписью: «Здесь был ограблен...» я знаю людей: все, что не касается непосредственно их самих, их желудка, для них просто не существует! не спорьте со мной!.. но я не забываю ничего!.. ни маленьких подлостей,

---

³⁷ Селин имеет в виду Жана-Поля Сартра.

³⁸ Герман Геринг (1893–1946) – немецкий государственный деятель, фашист. С 1935 г. командующий военно-воздушными силами Германии, с 1940 г. – рейхсмаршал. Один из организаторов нацистского террора в Германии и на оккупированных территориях.

³⁹ Имеется в виду холм Монмартра, где на улице Жирардон жил Селин.

ни крупных... имен тоже... ничего! абсолютно!.. недоумки вроде меня всегда крепки задним умом... вы будете смеяться!.. но они воспользовались тем, что я отбывал срок по этой блядской 75-й статье, и растащили буквально все! мне известно, что те, кто меня грабил, и не думают мучиться угрызениями совести, они чувствуют себя превосходно! преступление пошло им на пользу!.. этот провокатор Тартр, например!.. при фрицах он был готов лизать подошвы моих ботинок, стареющий кумир прыщавых юнцов, вонючий Сартир!.. лоснящийся, с двойным подбородком, с отвисшей задницей, в очечках, с запахом изо рта, в общем, полный букет! помесь Мориака⁴⁰ и маньяка!.. нечто среднее между Хилым Клоделем и бурливой Роной! уродливый гибрид!.. соединивший в себе ослиную тупость и прилипчивость чумы!.. готовый ради денег на все!..

Раз уж мы коснулись Высокой Литературы, я расскажу вам о Деноэле... о покойном Деноэле...⁴¹ о, порой он был просто ужасен!.. ему ничего не стоило сплавить ваши сочинения за бесценнок... оно, конечно, и понятно! подвернулся

---

⁴⁰ Франсуа Мориак (1885–1970) – французский писатель католической направленности. Лауреат Нобелевской премии в 1952 г.

⁴¹ Робер Деноэль был первым издателем Селина. Бельгиец по национальности, он едва успел открыть в Париже издательство, как получил рукопись «Путешествия на край ночи», силу и новизну которого он высоко оценил. Потом он опубликовал все романы и памфлеты Селина (до первой части «Банды Гиньоля», появившейся весной 1944 г.), и энергично их защищал. Убит 2 декабря 1944 года в Париже, рядом с площадью Инвалидов. Селин несколько раз упоминает о его смерти в романе «Из замка в замок».

удобный случай, грех не воспользоваться... раз, два – продано!.. потом он спохватывался, начинал жалеть о том... об этом... (сотня имен!)... в то же время надо отдать ему должное... он прекрасно разбирался в Литературе... он ценил труд, уважал авторов... не то что Броттэн!.. Броттэн Ахилл – это обычный лавочник, гнусный узколобый кретин... его интересуют только деньги! деньги! и только деньги! он настоящий миллиардер! и вечно окружен кучей голодранцев!.. готовых подобострастно лизать ему зад!..

Покойный Деноэль читал все... Броттэн же – тот, как и Клодель, просматривает только последнюю страничку с ценой... madein «Опилочно-Мозговой Трест»: президент Норбер Лукум!.. ах!.. представьте себе, они насвистывают, курят, попивают чаек и производят все это чтиво! бросили монетку: орел или решка! и вот одним автором стало больше!.. ими уже забит весь погреб! а если бы они решили выбросить всех их на помойку?.. даже мусорщики, наверное, не стали бы их читать!.. смешно... мусорный бачок! вот до чего я дошел!.. не пора ли выносить мусор? меня уже ждут два мусорных бачка!.. если я этого не сделаю, то кто же?.. не Броттэн же!.. не смешите меня!.. крепись, малыш! и не Лукум! скорее бы сдохнуть!.. вот уже почти шестьдесят четыре года, как я повторяю «крепись, малыш!» и при этом бодро улыбаюсь!.. однако это еще ерунда... бачки в зубы и «вперед! малыш!»... от меня до дороги метров двести... правда, под гору!.. я выношу их ночью, когда меня никто не видит... остав-

ляю у дороги... но их у меня тибрят!.. у меня свистнули уже целых десять мусорных бачков... о, если бы воровали только мусор... здесь тащат все, что плохо лежит, шмонают повсюду! не говоря уже о том, что я ужасно себе нагадил тем, что сам решил выносить отбросы... в результате меня больше не зовут «доктор»... а только «месье»... скоро все меня будут звать старым оборванцем! я вполне могу себе такое представить... врач без прислуги, без горничной, без машины, который сам выносит свою помойку... да еще пишет романы!.. побывавший в тюрьме... вы сами понимаете, что это значит!..

А пока, в ожидании лучших времен, если бы вы купили у меня одну-две книги, вы бы мне очень помогли...

Не стоит больше об этом говорить!.. ибо главный источник моей ненависти... находится вне меня... вот на этой дороге! машины!.. они никогда не останавливаются! настоящее безумие!.. какой-то несущийся к Версалию смерч! жуткое нагромождение машин!.. будний день! воскресенье! бензина они не жалеют!.. машины с одним... тремя... шестью пассажирами!.. зажавшимися, пузатыми, которым на все плевать!.. и куда это они все едут?.. пожрать, выпить! еще! черт!.. им все мало! все мало!.. по делам... ам!.. ам!.. они едут по делаам!.. ам!.. ам!.. у них неотложное жаркое!.. буа! я жалею о том, что у меня слямзили три мусорных бачка! миллиардеров заботит то, что их мотор плохо заводится! они забрызгивают грязью меня... и мои мусорные бачки!.. ры-

гая при этом уткой с репой! 130 в час! они выпускают газы и рыгают, дабы успокоить тех, кто ходит пешком! знаменитые утки!.. знаменитые «ралли»! знаменитые меню!.. вы выходите из-за стола в таком приятном расположении духа (*Шато Тромпетт 1900*)⁴², что это просто чудо! щелчок! вы не должны врезаться в насыпь, клен, тополь! руль в ваших руках!.. бам!.. две тысячи тополей! дьявольская автогонка!.. черт возьми!.. вонючие тормоза! чадящие тормоза!.. вдоль всей автотрассы и туннеля! подвыпившие гуляки! обожравшиеся сверх всякой меры! одержимые маниакальным рвением!.. ах, *Шато Тромпетт 1900*!.. оно дает мне столько сил!.. пропасть! утка с репой!.. тысячи машин колесо в колесо! черт побери, Господи, потише! полнокровные, готовые для обжарки туши мяса! порция шампиньонов! печка открывается! начинается Месса! не святой водой!.. теплой кровью! весь туннель забит окровавленными внутренностями! море мяса и железа!.. редкий счастливчик, которому удалось избежать катастрофы, вряд ли вспомнит, как все произошло! Крестовый поход! ну так в поход! стремительно несущиеся пилигримы! рыгающие, выпускающие газы, злобные, насосавшиеся дорогого вина! *Шато Тромпетт*! утиное гнездо! типы из ООП⁴³ наблюдают... ворчат... шевелятся... жестикулируют... шухерят!.. сбежалась вся округа в радиусе тридцати километров... на все поглазеть! все увидеть! обе насы-

---

⁴² Шато Тромпетт – марка вина. Château (фр.) – замок.

⁴³ ООП – особый отряд полиции.

пи полны зевак!.. мамыши, папаши, тетушки, юнцы! тупые садисты! стремительный поток, 130 в час, промелькнувшие вдаль ООП... машут руками... дымящийся туннель! *Шато Тромпетт!* раскаленный асфальт!..

О, будь я побогаче, уверяю вас, или хотя бы «на социальном обеспечении», я бы смотрел на весь этот бардак, на всю эту расточительность азота, карбида, липида, каучука, на все это крестово-походное смешение бензина, уток и алкоголя со спокойствием Наполеона! мамыши, папаши, нагромождение колымаг!.. ради Бога! браво!.. но все дело в том!.. что у меня нет самого необходимого!.. нет!.. и все тут! негде взять!.. от этого, когда эти свиньи обдают вас грязью, вас охватывает злоба и ненависть!.. каждого сожженного ими *ре-ле*, каждого *Шато*, каждого колеса нам бы хватило, чтобы жить целый месяц!.. и даже не так плохо! вырвать с корнем бирючину!.. все эти мазохистские прихваты не для меня!.. поверьте мне! они меня не волнуют! ни этот обабившийся Лукум! ни тупой Тартр!.. ни этот жареный мерлан Ахилл, а тем более этот Вайян!⁴⁴отчего он стал таким смелым? ведь

---

⁴⁴ Роже Вайян (1907–1965). 13 января 1950 г. он писал в газете «Ля трибюн де насьон», как в 1943 г. группа участников Сопротивления, в которую он входил, решила казнить Селина, жившего тогда на улице Жирардон в квартире, расположенной как раз над той, где собиралась их группа. Статья была озаглавлена «Мы не пощадим больше Луи-Фердинанда Селина». В 1957 г. получилось так, что «Из замка в замок» был опубликован в то же время и тем же издателем, что и «Закон» Роже Вайяна. В некоторых книжных магазинах обе книги, являвшиеся «гвоздем сезона», даже были выставлены рядом в витринах. Селин несколько раз осведомлялся, тот ли это Вайян, который собирался его «убить». Селин часто

он намеревался меня убить!.. да! он специально туда поднимался! он твердит это повсюду! он даже об этом написал!.. но черт побери! я-то тут! еще не поздно! пусть он приходит, я жду!.. я все время здесь, я никогда не выхожу, я специально жду опоздавших... одна весна... две... три... и меня уже здесь не будет... будет слишком поздно... я умру естественной смертью...

* * *

Это питьевая вода?.. уэ! уэ!.. попробуйте ее!.. вы знаете, что такое жавелевая вода?.. может быть, ее и можно пить, если добавить побольше вина... но просто так?.. вы издеваетесь... видите ли, это питьевая вода, насыщенная хлоркой! уверяю вас, пить ее невозможно!.. о, новый повод пожаловаться... еще бы!.. в моем положении в них нет недостатка!.. я уже вам надоел своим нытьем!.. это наглость!.. Ахилл Броттэн как-то вечером сказал мне: «Рассмешите! Раньше вы это умели, а теперь разучились?..» – он недоумевает: «У всех есть свои маленькие огорчения! вы не один!.. у меня они тоже есть, не волнуйтесь!.. если бы вы потеряли, как я, сто тринадцать миллионов на „де бирс“!⁴⁵ если бы вы „аван-

---

вспоминает в своей трилогии сожаление, выраженное Роже Вайяном, о том, что его не казнили.

⁴⁵ «Де бирс» – акции одноименной золотодобывающей южноафриканской компании.

сировали“ двести миллионов своим авторам! вам бы это тоже не очень понравилось! у всех есть свои заботы! сто тринадцать миллионов на „де бирс“!.. сорок семь миллионов на Суэце! и знаете!.. всего за два раза! четырнадцать миллионов в „крестах“!..⁴⁶ которые мне нужно было доставить самому! это в моем-то возрасте! в Женеве! отнести „кресты“ покупателю!.. к счастью, мне помог мой сын!.. четырнадцать миллионов по „20 швейцарских франков“!.. вы можете себе такое представить?» я напрягся и постарался себе такое представить... Норбер тоже... он был там и присутствовал при нашем разговоре... Норбер Лукум, президент «Опилочно-Мозгового Треста»... он не мог сдержать своих чувств!.. у него буквально наворачивались слезы!.. Старик Ахилл таскал на себе четырнадцать миллионов «крестов»!.. вывод: Селин, вы исчерпали себя!.. вы должны нам огромные суммы, и у вас больше нет вдохновения!.. вам не стыдно? когда Лукум произносит «вдохновение», слышится нечто невнятное... такие у него толстые неповоротливые губы... возраст! и еще то, что он не говорит, а как бы печатает слова... скверная дикция... он потихоньку выталкивает их изо рта... кажется, что Норбер Лукум вот-вот подавится ими... никто не читает моих книг!.. он, Президент «Опилочно-Мозгового Треста»! полный банкрот! ладно! я зациклился!.. они все меня ненавидят... ничего удивительного!.. но друзья?.. они, естественно, не могут понять, почему я не пытаюсь зарабо-

---

⁴⁶ «Кресты» – золотые швейцарские монеты.

тать медициной... не практикую... не думаю о будущем!.. не использую!.. бу-бу-бу!.. трындят эти благодетели! свою потенцию! свою интуицию! свое умение исцелять! бу-бу-бу!.. но главное, чего хотелось бы моим друзьям, это чтобы я поскорее сдох!.. в глубине души они все этого хотят!.. когда меня грабили, они уже подобрали кое-какие бумаги, рукописи... на лестницах, в мусорных бачках... они абсолютно убеждены, что стоит мне отбросить коньки, как все это сразу же неизбежно поднимется в цене!.. но для этого, о Господи, необходимо, чтобы я сдох, и как можно скорее!..

Я помню все, что из меня вытряхнули, инвентарный список у меня в башке... «Бойня»... «Воля Короля Крогольда»... и еще два... три черновика!⁴⁷ они вовсе не потеряны для человечества! конечно! я все знаю! все знаю! но ничего не говорю... я покорно слушаю своих друзей... уэ! уэ! я тоже, черт возьми, жду чтобы они все сдохли! они! сперва они! они ведь все жрут больше меня! пусть у них разорвется маленькая артерия! я надеюсь на это! очень надеюсь!.. я хотел бы встретить их всех у Харона, врагов, друзей, с кишками, обмотанными вокруг шеи!.. пусть Харон хорошенько займется ими!.. прекрасно!.. этот садист Норбер! еще тепленький!.. их черепа, и Ахилла тоже, будут раскрыты от уха до уха!.. я сам попрошу! чтобы им для их колких замеча-

---

⁴⁷ Точное количество рукописей, оставленных Селином в июне 1944 г. на улице Жирардон, до сих пор неизвестно. Но Селин все время упоминает три рукописи: «Воля Короля Крогольда», «Бойня» и «Банда Гиньоля».

ний оборудовали нечто вроде громкоговорителя! все слышно! каждый! бранг! и врранг! здорово, Харон!.. все предусмотрено! отныне он больше не будет вспоминать ни о своих Суэцах, этот Ахилл! ни о своих «де бирс»! ни о «крестах»!.. сточная канавка! хррясь! в лодочке они будут как шелковые! и с ними, конечно, весь «Мозговой Трест»! с расколотыми черепушками и выпученными зенками! в гостях у Харона... представляю, как это будет забавно!.. гораздо забавнее, чем тогда с Рено во Френе...⁴⁸ когда мои заботливые друзья приходят меня навестить, посмотреть, долго ли мне еще осталось валандаться, я, забавы ради, представляю себе их на Стиксе, как Харон их там всех приласкает! бум!.. хррясь! их подлые! упитанные мордашки! о, хитрецы!.. Лукум, его коралловый ротик буквально создан для этого!.. он такой мясистый и безвольный... способный испускать только вуаааа! увуааааа!.. какая-то клоака вместо рта!.. он будет здорово смотреться от уха до уха! милашка Норбер!.. и Ахилл! его похотливый глаз жареного мерлана повиснет у него за ухом!.. я так и вижу!.. вижу его!.. или на его часах!.. или на шее, на подобие ордена? обалденная подвеска!..

Скажу вам по секрету, мои друзья ни о чем не подозре-

---

⁴⁸ Луи Рено (1877–1944) – обвинявшийся в том, что предоставил в распоряжение немцев свой завод, был арестован в Париже 23 сентября 1944 г. Из-за болезни мочевого пузыря был помещен в больницу во Френе, а затем переведен в психиатрическую лечебницу Виль-Еврар, откуда вскоре был выписан. Умер 24 октября, по заключению тюремных врачей, от приступа уремии. Однако его родственники утверждали, что он умер от побоев.

вают! ну и пусть!.. пусть!.. они хихикают над Рено... их это забавляет! а как насчет Харона?.. тише!.. они ничего не знают! они спорят, курят, рыгают, зубоскалят, и почти все уверены, что будут жить до ста лет благодаря этим снадобьям! мадам!.. о, эти суперкапли Чудодол!.. со мной все ясно, я, конечно, болван! но я чуток, как радиолокатор!.. заранее я нутром чую, как Харон их там прихватит!.. как они будут там извиваться в лодке!.. улыбочка! чик! чирик! от уха до уха!.. а пока они обсирают меня, как могут, перебивают мне кости, треплются, напиваются... они полностью уверены в себе!.. их шкафы доверху набиты свечами и каплями!.. кроме того, гм! аперитивами! на любой вкус!.. сладкими и горькими! полная безмятежность!.. ах! ах!.. кусочек фуа-гра, сигаретка, два глотка Мамма⁴⁹, что новенького! свой ипподром!.. своя автострада!.. они находят, что у вас бледный вид и к тому же какой-то удрученный! неврастенический! они сами дают вам советы!.. вам нужно изменить режим! и немедленно! немедленно! они убеждены! у них есть доказательства! их жены запрещают им к вам ходить! опасаются, что вы плохо повлияете на их желудки, печени, селезенки!.. вы способны в одиночку омрачить все 14 июля в мире!..⁵⁰ своими доносами! вообще, вам следовало бы запретить практиковать!.. вы ведь уже были в тюрьме, так неплохо, если бы вас снова туда упрятали!.. в какой-то мере они правы!.. но меня тоже мож-

---

⁴⁹ Мамм – марка шампанского.

⁵⁰ 14 июля – День взятия Бастилии, национальный праздник во Франции.

но понять!.. конечно, я сильно поизносился, пообтрепался!.. но в моей груди не угасло страстное желание, чтобы все они сдохли раньше меня! все! пусть они подавятся своими бифштексами! пусть они ими обожрут! пусть они лопнут!.. захлебнутся соусом!.. утонут в нем!

Я отвлекся... размечтался о будущем... а те двое все продолжают трюндеть... Ахилл, Лукум... я их больше не слушаю... они повторяются! «каким забавным вы были раньше!» согласен, я действительно был большим проказником, я, может быть, им еще снова стану... с небольшим «счетом в банке»... как у Ахилла, например!.. как у Ахилла, точно!.. со «стольником» в банке! аллилуйя! или как у его великого оскопителя Лукума!.. хорошо болтать, когда он есть!.. но как все устроено, о небо!.. кому все достается! для кого все это предназначено! почести! дивиденды! страховка!.. «Семья, Работа, Родина?» черт побери!.. они сделали верные ставки!.. Верден, тра-та-та!.. у меня было время хорошенько подумать об этом в Зикмарингене⁵¹, я знаю, что говорю.

Но вот еще что... мои книги больше не продаются... они так говорят!.. или почти не продаются... я вышел из моды, я повторяюсь! злые языки! сплетни!.. хорошо продуманная акция!.. они собираются перекупить все у моей вдовы! за кусок хлеба!.. черт побери! конечно, я уже в возрасте! ну а

---

⁵¹ В романе «Из замка в замок» Селин все время пишет вместо Sigmaringen – Siegmaringen (в письме к Альберу Парасу он объясняет это тем, что видит здесь аналогию с немецким «sieg»). В романах «Север» и «Ригодон» он возвращается к нормальному написанию.

Норбер? он что, себя не видит? Ахилл, когда вы открываете дверь, вы должны его придерживать, иначе его унесет ветер! вместе с *его* «Опилочно-Мозговым Трестом»! это не менее впечатляет, чем то, что я повторяюсь, по сравнению с этим то, что они уже ничего не соображают, и то, как они тужатся ммм! тьфу! шмяк! стараясь меня обосрать!.. кажется ерундой! я тоже могу делать тьфу! шмяк! послушайте, Христиан IV, кстати, тоже часто обсирался! Христиан IV, король Дании! обсирался всю свою жизнь!.. всегда и везде!.. как Броттэн!.. он все испробовал, все развалил... как Броттэн... Броттэн – в своем издательстве, Христиан IV – в королевстве... он пал жертвой собственной хитрости!..⁵² как Броттэн!.. я это знаю, я туда навещался... в его Королевство... ближе всего я познакомился с его тюрьмами... правда, это было уже не при нем, а при его прапраправнуке Христиане X, злобном лживом тупом боше... позже, выйдя из тюрьги, мы жили напротив него, в мансарде: Кронпринцессгаде!.. редко кто, столкнувшись с подобным названием улицы!.. отважится сказать, что он точно его воспроизводит!.. Замок Росенборг...⁵³ как-нибудь я расскажу вам о нем подробнее... но пока вернемся к современности! не столь романтичной! отягощенной множеством тяжелых проблем...

---

⁵² Христиан IV Датский (1577–1648) – датский король. Известен своим либеральным правлением, во время которого было предпринято множество попыток военных переворотов.

⁵³ Замок Росенборг – Селин имеет в виду дворец Росенборг (1606–1634) в Копенгагене, памятник архитектуры в стиле датского ренессанса.

возможно, во многом благодаря Броттэну! этому слабоумному халтурщику Броттэну! грязному коллекционеру! чьи подвалы буквально ломятся от «Гонкуров»!.. там столько убогих романов, что кажется, будто он ими срет!.. шмяк! шпок!.. если вы заметите, что он притих, а его глаз стал еще более рыбьим, чем обычно, это значит, что он размышляет, думает, высерает своего десять тысяч тринадцатого автора, вот такой Король правит Издательством!

Ничего, Харон выведет его из размышлений! своим веслом, дорогая мадам!.. хрясь!.. хрясь!

Простите, что я столько говорю о себе... я все утяжеляю... неприятности!.. у кого их нет?.. эти писатели просто ужасны! все одержимы ячеством!.. а врачи! престижная профессия!.. а водопроводчики?.. парикмахеры? обалдеть, продолжайте!.. ни одного скромника!.. а министры?.. а фильм аббата Пьера о себе?.. я представляю, как Харон излечит их от ячества! всех! веслом по морде! шмяк! от уха до уха!.. представляете! репа болтается на ниточке! с выпученными зенками!.. переезд на ту сторону!.. группа потрепанных туристов! шмяк! шпок!.. от уха до уха! огромное количество состоятельных граждан вместе с кучками жалких бродяг!.. внизу крошечные пенсионеры!.. дамы с увядшими камелиями, бородатые судьи, спортсмены-олимпийцы, все сбились в кучу и просят, чтобы им лучше раскрыли физиономии! шмяк! если бы вместо того, чтобы скулить о своих страданиях, я бы изобразил кривляния этих шутов?.. возможно, это и

подняло бы мои тиражи?.. во всяком случае, Крамп так считает... тот самый Крамп, который готовит пакеты для Хирша... Крамп, который по уровню своего развития недалеко ушел от Ахилла... ничего не знающий, тоже обреченный на вечное опоздание... но он, по крайней мере, хоть что-то делает... он занимается доставкой!.. редко бывает, когда кто-то хоть что-то делает...

Надо сказать... будь я из Профячейки, Синагоги, Ложи, Партии, Полиции, Церкви... неважно какой! если бы я вылез из складок какого-нибудь «железного занавеса»... все бы устроилось! конечно! в натуре! заматано!.. главное, все время быть на Арене!.. как это делают Моруа⁵⁴, Мориак, Торез⁵⁵, Тартр, Клодель!.. и им подобные!.. аббат Пьер... Швейцер... Барнум!..⁵⁶ никакого стыда!.. без возраста! Нобель и Большой Крест⁵⁷ вам гарантированы! Даже обветшавшим, поблекшим, с сильно подмоченной репутацией славным «Символам Партии»! даже последователям Жоановиси! все сходит с рук! все прощается! вам позволено все, если только вы всеми признанный клоун! если вы точно из какого-то Цир-

---

⁵⁴ Андре Моруа (1885–1967) – французский писатель, мастер жанра романтизированной биографии.

⁵⁵ Морис Торез (1900–1964) – Генеральный секретарь Французской компартии в 1930–1964 гг.

⁵⁶ Барнум (1810–1891) – известный американский предприниматель, организатор различных зрелищ и выставок, основатель Цирка Барнума.

⁵⁷ Большой крест – имеется в виду Большой крест ордена Почетного Легиона, одна из высших наград Франции.

ка!.. вы не такой? горе вам! вы не из шапито? плаха! топор!.. А ведь я и сам когда-то был в шапито!.. и Альтман⁵⁸ сейчас называет меня позором Франции, подстилкой похотливого продажного чудовища, Монмартра, Колоний и Советов, тот самый Альтман, который впадал в восторженный транс, в беспамятство под впечатлением «Путешествия»!.. и не «in petto»!⁵⁹ нет! вовсе нет! а в «Монд» Барбюса!.. это было тогда, когда мадам Труляле и ее Гастритный Обрыгон⁶⁰ перевели это замечательное произведение на русский... что мне, собственно, и позволило поехать посмотреть на эту Россию! причем *за свой счет!* а не за счет принцессы, как Жид, Мальро и tutti quanti⁶¹, депутаты!.. судите сами, какое положение я

---

⁵⁸ Жорж Альтман был журналистом сперва в коммунистических газетах «Юманите» и «Монд», редактором которой был Барбюс, потом, выйдя из коммунистической партии, в «Попюлэр». После войны был главным редактором газеты «Фран Тирер». В 1932 г. опубликовал в «Монд» первую статью о романе Селина «Путешествие на край ночи», тон которой был крайне благожелательным. После того как Селин не получил Гонкуровскую премию, он посвятил ему большую статью в «Монд». В последующие годы Селин и Альтман были связаны дружбой. В январе 1937 г. Альтман опубликовал в «Люмьер» статью о памфлете Селина «Mea culpa», в общем положительную, но при этом подчеркнул свою дистанцию по отношению к автору. Разрыв между ними произошел после публикации Селином памфлета «Безделицы для погрома».

⁵⁹ Про себя (*итал.*)

⁶⁰ Селин имеет в виду Эльзу Триоле и Луи Арагона, которые перевели на русский язык роман «Путешествие на край ночи», опубликованный в 1936 г. в Москве; далее он говорит о своей поездке в Ленинград в сентябре 1936 г., одной из целей которой было получение гонорара за издание русского варианта «Путешествия».

⁶¹ И прочие (*итал.*)

тогда занимал! давайте уж поставим все точки над «i»!.. даже получше, чем этот провокатор Гартр! копавшийся в моем дерьме! очкастый полутруп! один вид которого внушает мне отвращение! я затмил самого Барбюса! своей персоной! Дворцы, Крым, Пенсия! СССР раскрывал мне свои объятия! мне было, отчего прикусить язык!.. ладно, что сделано, то сделано!.. Историю не повернешь вспять!.. теперь не брезгают ничем, хватают все, что подвернется под руку!.. обеды Зоя!.. обноски Бурже!..⁶² хлам! всюду хлам!.. которым забиты все подвалы Ахилла!.. а завтра и Лазарев!.. и Мадам!.. и любое Фуфло!.. завтра! и их слуги обретут подражателей!.. ведь у любого расклейщика афиш... есть свои идеи!

Каким образом Харон разберется с ними?.. the question?⁶³ хррясь! хррь! я думаю так!

Но вернемся к моему ремеслу!.. время от времени какой-нибудь особенно упорный маньяк, может быть, и сможет обнаружить мои сочинения в самой глубине ангара под грудой непроданного... о, я все понимаю... я дармоед, которого больше не читают... невинные *хряцюзы* оскорблены в лучших чувствах! я навеки проклят, как Петьо! уличен в преступлениях, как Бугра!⁶⁴ Если бы это было так, я был

---

⁶² Эмиль Золя (1840–1902) и Поль Бурже (1852–1935) – французские писатели.

⁶³ Вопрос (*англ.*)

⁶⁴ Доктор Бугра был обвинен в убийстве в 1925 г., когда у него в шкафу был обнаружен труп. Несмотря на его протесты и заверения в невиновности, был приговорен к пожизненной каторге. Отправлен в Гайяну, откуда убежал в Венесуэ-

бы даже доволен!.. но все дело в лапше! лапша разрушает все логические построения! Лукум, Ахилл и их домочадцы хотят иметь свою гарантированную порцию лапши! да! вот на чем базируется вся их философия... отнимите у них их лапшу, и вы услышите вопли этих хорьков! не нужно отнимать у них лапшу! «Но ведь вы могли бы жить... – слышу я ваш недоуменный вопрос, – медициной?» больные бегут от меня! да! должен вам признаться!.. я отстал от времени?.. возможно!.. но я стараюсь!.. может быть, я не знаю новых лекарств?.. о, какая гнусная ложь! я получаю все новые лекарства! я изучаю все проспекты... может быть, мои собраты знают больше меня? Отнюдь! может быть, они больше читают? Нет! но способен ли я кого-нибудь исцелить? увы, это выше моих сил!.. я глубоко проникся всеми новыми веяниями!.. одной четверти того, что я получаю из этих «новых лекарств»... десятой части! мне хватило бы, чтобы отравить весь Бийанкур, Исси⁶⁵ и все остальное в придачу!.. даже Вожирар! Ландрю⁶⁶ со своим рвением просто смешон!.. я не понимаю, что значит «служить добру», но я держу нос

лу, где лечил бедняков до самой смерти в 1961 году. Вполне понятно, почему в своей трилогии Селин часто вспоминает его в связи с обвинениями, объектом которых был он сам.

⁶⁵ Бийанкур, Исси – пригороды Парижа.

⁶⁶ Дело Ландрю получило широкую огласку во Франции между 1919 и 1921 гг. Ландрю, обвиняемый в убийствах женщин, которых он заманивал к себе объявлениями в газетах, и в уничтожении их трупов, был приговорен к смерти 30 ноября 1921 г. и казнен 25 февраля 1922 г.

по ветру! использую самые новейшие достижения прогресса!.. я не хотел бы уподобиться своим коллегам, у которых пенициллин сох и плесневел в течение пятидесяти лет! это не менее глупо, чем то, что произошло с Суэцем! о, я всегда на чеку! я способен омолодить вас на пять лет!.. на двадцать... даже тридцать лет! неважно, что вы девяностолетний старец!.. у меня здесь есть плазма! на моем столе!.. образ какого врача сразу же рисуется в вашем воображении? серьезного, надежного, с головы до ног обклеенного марками, оплачиваемого медицинским страхованием! одна ампула перед едой!.. и вы снова станете юным и пылким, как Ромео! «теория относительности» в ампулах!.. я вам ее даю! если можно так выразиться, вы будете глотать Время!.. морщины!.. меланхолия... злоба! приступы жара... чем я могу помочь?.. Комеди Франсез, деточка! Арнольф прыгает через веревочку!.. плевать на все! Мадлен Рено, Мину⁶⁷, Ахилл в Люксембургском саду! в театре марионеток! в Академии!.. и вот наконец, наконец-то Мориак, мальчик из церковного хора!.. нас это больше не касается!.. пусть себе комплексует!.. ампула перед едой! гарантировано страховкой!..

Я был бы неплохим целителем, и все бы шло как по маслу... пожалуй, это был бы способ... и неглупый!.. я бы превратил свой кабинет недалеко от Бельвю в место для омоло-

---

⁶⁷ Совсем юная поэтесса Мину Друэ имела шумный успех в 1955–1956 гг., когда были опубликованы два сборника ее стихов: «Поэмы и отрывки из писем» (1955), «Мой друг дерево» (1956).

жения старых хрычей!.. Лурдский «new look»⁶⁸, Лизье-сюр-Сен!..⁶⁹ представляете?.. но вот беда! я всего лишь обычный докторишка... а мог бы я стать экспериментатором? мог бы себе такое позволить... нет, не могу!.. или «хиромантом»?.. нет! уже нет!

У меня есть время подумать... снова взвесить все «за» и «против»... прояснить, в чем заключались мои главные просчеты?.. может быть, в костюме? обуви?.. неизменных тапочках?.. прическе? я думаю, главным является то, что у меня нет прислуги... но еще хуже то, что «он пишет книги»... они, конечно, их не читают, но все равно знают...

А если я сам нахожу пациентов (редких), сам тащу их к ограде, да так, чтобы, не дай Бог, они не поскользнулись (иначе они затеют против меня процесс), слякоть, грязь!.. чертополох... если я сам хожу за покупками... вот что вас по-настоящему дискредитирует!.. а также выношу мусорные бачки! сам! тащу мусорный бачок до самой дороги!.. подумайте! кто же меня после этого будет принимать всерьез? «Доктор? Доктор? для малышки!.. скажите мне! вы не знаете? сухой экстракт из волокон сердца трески?.. кажется, это что-то новенькое? вы не знаете? а зимняя сонливость? что вы посоветуете? для глаз мамы?»

О, я могу ответить так! этак! встать на уши!.. но мне они все равно не поверят! мне больше никто не верит!..

---

⁶⁸ Здесь: новый облик (англ.)

⁶⁹ Лурд, Лизье – места паломничества католиков.

Все это не так страшно! скажете вы... миллионы погибли, а они были виновны не больше вашего!.. конечно!.. я думал об этом, поверьте, во время прогулок по городу... прогулок в «надежном сопровождении»... и не один раз! двадцать! тридцать раз! пересекая Копенгаген с востока на запад... в зарешеченном автобусе, до отказа набитом легавыми с автоматами... совсем не расположенными разговаривать... экскурсанты «уголовники», «политические», – все очень тихие, в наручниках... из тюрьмы в Прокуратуру... и назад, тоненькой ленточкой... я прекрасно знал этот город, но так, в машине с легавыми, вы видите толпу совсем иначе... Бротт-эн, да и Норбер тоже, этого не понимают!.. знают ли они, что такое «уголовники»!.. «*homo deliquensis*»...⁷⁰ по определению Ломброзо!.. настоящий sight-seeing⁷¹ в наручниках! им полезно было бы его совершить!.. тогда бы они наконец постигли и сущность всех этих типов с коктейлей!.. их подлинную природу! причем не только в автомашине... в толпе!.. на шоссе!.. какие у них моргала... какие жуткие повадки! физиономии попугайчиков и шакалов... Politigaard поихнему Прокуратура! вы не врубаетесь! *politii*: полиция!.. *gaard*: двор!.. все идет из французского!.. что же они хотели

⁷⁰ Преступный человек, злодей (лат.)

⁷¹ Осмотр достопримечательностей (англ.)

узнать?.. действительно ли я продал Линию Мажино?.. оборонительные сооружения Энгьена?.. рейд Тулона? датчане продержали меня в клетке не восемь дней, а целых шесть лет! должны же они были знать, почему? ну в самом деле, почему? вся Франция, все французы хотели видеть меня четвертованным? может быть, поэтому?.. поэтому?.. датчане тоже этого очень хотели! конечно!.. но они еще хотели кое-что понять... они никогда не мучают вслепую, «по-французски»!.. нет!.. они всегда думают... а пока они думают, размышляют, вам остается только ждать, они ведь так медлительны... они не мучают просто так... но обратите внимание! это уже какая-то другая крайность! пока они так ведут дело, спокойно, размеренно, вы вполне можете сгнить заживо в глубине их камер... которые тоже нужно видеть!.. я напоминаю адрес: «Вестергфансель», сектор «К», Копенгаген... камера смертников... небольшая экскурсия для любознательных!.. «Отель д'Англетер» это ведь еще не все!.. «Русалочка» тоже.

Пока они так медитируют, передать вас или не передать в руки правосудия, вы начинаете потихоньку разлагаться! это никого не волнует, вы ведь им не мешаете в глубине своей ямы!.. они настоящие тартюфы! стоят десятерых наших!.. тартюфы-протестанты, снимаю шляпу! может быть, вы сдохнете, пока они медитируют? они этого и хотят... пуритане!.. они будут размышлять в течение двадцати лет!.. за это время от вас не останется почти ничего... лишь сгнившая кожа...

кости... лишай... пеллагра...⁷² и слепота!.. вы можете сказать: чего я хочу, тюрьма есть тюрьма!.. достаточно вспомнить Рено!.. рано или поздно они все равно явятся, чтобы вас прикончить!.. безусловно!.. предварительно взвесив все «за» и «против»... кррак! кррак! ночью... чем-то твердым, тяжелым!.. четыре геркулеса в халатах! Уберите объект! Komm!⁷³ вы слышите хрипы! карцер! 11! 12! я знаю, о чем говорю... северный Тартюф это нечто! Тартюф Мольера по сравнению с ним дитя!.. сколько раз я слышал это Hjelp! Hjelp!⁷⁴ на следующий день – покойник! и поминай как звали!..

Это случилось во Френе? само собой!.. всюду!.. Рено? Завтра Кокто!.. потом Армида...⁷⁵ поп вы или жлоб!.. да хоть мистер доктор Клистер!.. или этот мудака Мориак!.. «экспресс», говорите!⁷⁶ его тоже достанут! как и всех, в полночь, в карцере!

Hjelp! это значит «на помощь»!.. вы все поняли! высаживаются на берег в Копенгагене... «такси»... но не к «Отелю д'Англетер»!.. нет!.. «Вестергфансель»!.. не отступайте! настаивайте! вы хотите видеть!.. хотите туда поехать! вас не интересует «Русалочка»! вы хотите слышать! Komm! Hjelp!..

---

⁷² Пеллагра – заболевание, вызываемое недостатком в организме витаминов группы В и никотиновой кислоты; характеризуется поражениями кожи, желудочно-кишечного тракта и психическими расстройствами.

⁷³ Пошел! (датск.)

⁷⁴ Помогите! (датск.)

⁷⁵ Намек на роман шеваляе де Мере «Приключения Рено и Армиды» (1677).

⁷⁶ Франсуа Мориак печатался в газете «Экспресс» с 1955 по 1964 гг.

и все!..

* * *

Когда я вижу этих типов, слушаю, как они болтают о политике, я невольно представляю их всех в автомашине... в большом автобусе! зарешеченном, мрачном, до отказа забитом такими же заключенными, как и вы!.. и не какими-нибудь мелкими жуликами! а настоящими преступниками в полосатых робах и наручниках!.. под охраной двенадцати автоматчиков!.. представляете! картинку! прохожие трусливо сторонятся, прилипают к витринам... чтобы такое могло произойти с ними!.. при одной мысли об этом они все трепещут! трусливо поеживаются! озираются по сторонам!.. вспоминают свое прошлое! редко бывает, чтобы у них на совести не было абортника... кражи... но им вовсе не стыдно! стыдно быть бедным... это единственное, чего люди стыдятся!.. возьмите меня, врач без машины, ходит пешком! какой от меня толк?.. для врача, даже самого тупого, важна оперативность, звонок по телефону, и он приезжает!.. «Скорая помощь» слишком часто опаздывает... что касается такси, то их никогда не найти... врач может быть самым последним идиотом, главное, чтобы у него была машина!.. даже с моей жуткой репутацией отпетого рецидивиста, будь у меня машина, меня, вероятно, не считали бы таким дряхлым недоделком... машины, машины! забавно! та, там наверху,

была не моя!.. здесь и вовсе нет никакой! я жду машину от Ахилла! а он демонстрирует мне свои ужасные счета!.. он уверяет, что я должен ему уйму денег! одним словом, homo deliquensis!.. но у него самого целый автобус! блядство! у него и у сотрудников его «Треста»!.. а Норбер будет ковылять сзади! в наручниках и робе! представляю, как они будут смотреться!

Прибыв в их Префектуру, можно было еще прождать часов эдак пять или шесть... пока за нами придут... пять-шесть часов, стоя в вертикальном гробу, запертом на ключ... должен признаться, в жизни мне приходилось стоять на часах, и довольно часто, в наряде, дневальным, постовым, и на войне, и в мирное время... но никогда я не чувствовал себя таким идиотом, как там, в этих вертикальных ящиках их Politigaard в Копенгагене... в ожидании допроса... кого? о чем? у меня было время немного поразмышлять... ну вот! наконец они открывают мою коробку!.. помогают мне оттуда выбраться... надо же!.. сразу двое легавых... эффект бери-бери⁷⁷ и вертикального ожидания... бюро было на пятом... легавые вели себя очень вежливо... ни разу я не слышал ни одной грубости! должен также признаться, что мне стоило большого труда побороть головокружение и не шататься при ходьбе... не трястись... ёксель-моксель!.. я весь

---

⁷⁷ Бери-бери – болезнь, происходящая от недостатка в питании витамина В, проявляется множественным воспалением нервов, что обуславливает слабость в конечностях, расстройство сердечно-сосудистой системы, отеки. Селин неоднократно упоминает о своих болезнях в трилогии.

трясусь!.. последствия пеллагры... во всех «Пособиях» написано, что ничего не стоит вылечить цингу, достаточно нескольких ломтиков лимона... и вы в полном порядке!.. как же меня все-таки здорово покорежило!.. меня и похоронят, наверное, такого покореженного, как чучело!.. ладно! не такой уж я беспомощный старик, во всяком случае, это не повод распускать слюни! я уже сказал вам про этаж... вот мы и на пятом... для смеха, стоит все-таки описать, как по-идиотски сделана их Politigaard... бесконечные переходы из коридора в коридор, крутые повороты, закрученные, словно штопор, предполагается, что если вам вдруг вздумается бежать, то вы неизбежно рано или поздно очутитесь во дворе, где вас уже ждут «массажисты»... специально натренированные легавые... которые вас основательно помассируют! и отправят на гауптвахту! бежать нет смысла! поверьте мне!.. мудрому столетнему старцу!.. в «Пособиях» об этом ничего не написано! надо сидеть... и не рыпаться!.. нордическая тюрьма!.. здесь все продумано! знаете, из тех, кто сейчас шумит в Будапеште и Варшаве⁷⁸, наверняка многие в конце концов загремят в Тюрюгу!.. непременно!.. вот лет этак через двадцать вы у них и спросите, как у них там?.. а туристы, те ничего не замечают, они, можно сказать, как бараны, следуют за гидом... «Отель д'Англетер», Nyhavn, маленькие дикари, «большая Башня»... «русалочка»... их любопытство

---

⁷⁸ Намек на антисталинские волнения в Польше и в Венгрии в середине 1950-х гг.

удовлетворено, они возвращаются к себе и считают, что все видели!.. две, три кружки Karlsberg, там пивная, там носят маленькие панамки!.. вот и все, мне ли не знать, что такое туризм!

Но вернемся на этаж! где меня под руки с двух сторон ведут легавые... вот и пришли! меня усаживают! три Kriminalassistents собираются меня допрашивать... по очереди... о, безо всякой грубости!.. но зато с на редкость надоедливый упорством!.. «*Признаете ли вы, что передали Германии планы Линии Мажино?*»... я тоже упорно стою на своем! «No»! и подписываюсь! так же серьезно, как они! допрос ведется на английском языке... что наглядно демонстрирует падение престижа нашего языка... будь это во времена Людовика XIV или даже Фальера⁷⁹, никогда бы они не осмелились обратиться ко мне... «*Do you admit?.. do you admit?*»... хуй вам! *no!* нет! подписано!.. можно не продолжать! как только все мои «*no! no!*» подписаны, меня снова заковывают в наручники, спускают вниз, в машину... и вперед... через весь город! с запада на восток!

Так продолжалось несколько месяцев, пока в один прекрасный момент я не потерял способность двигаться... это случилось, когда трое Kriminalassistents снова явились ко мне в яму... чтобы задать мне все тот же вопрос... в яму, иначе не скажешь! вы сами увидите, три на три, шесть мет-

---

⁷⁹ Арман Фальер (1841–1931) – французский политический деятель, президент республики с 1906 по 1913 г.

ров в глубину... в таком колодце запросто можно подхватить бери-бери, лишай, что угодно! я прожил в Пассаже Шуазель⁸⁰ восемнадцать лет, я знаю, что такое невыносимые условия существования!.. но эта Venstre не имеет себе равных! вам не кажется, что я должен был там загнуться? а как же!.. без лишнего шума... без насилия... просто «он оказался слишком слаб»! за примером ходить далеко не надо: Рено... как они за него взялись!.. с какой юношеской энергией! они его продержали на дне колодца целых два года! им это не составило большого труда!.. меня – пять, шесть месяцев!.. я был на грани!.. я должен был откинуть коньки!.. я ведь калека на 75 процентов!.. не тут-то было!.. я выдержал! и пошли вы все!

Сейчас здесь, десять лет спустя, в Медон-Бельвю, меня уже ни о чем не спрашивают... только слегка поддразнивают... да и то как-то вяло... с людьми я почти не общаюсь! они меня больше не интересуют!.. у меня другие заботы!.. газ... электричество... уголь! морковь!.. грабители, которые обчистили меня и загнали все на Блошином рынке, наверняка не страдают от голода!.. они обеспечили себе безбедное существование!.. пожинаяют плоды своих преступлений!.. почивают на лаврах! навешали на себя ордена, ленточки, галуны... за них они готовы были отрезать мне голову перочинным ножом! они увековечили себя на Триумфальной

---

⁸⁰ Пассаж Шуазель – место, где родители Селина держали лавку и где прошло его детство. Пассаж подробно описан в романе «Смерть в кредит».

арке! стяжали себе славу! не как «неизвестные солдаты»!.. а в неоновом освещении!

Но может быть, я напрасно жалуюсь... самое главное, что я еще жив... и врагов у меня с каждым днем становится все меньше и меньше!.. онидохнут от рака, апоплексических ударов, обжорства... какое удовольствие следить за этим!.. мне много не надо... одно имя!.. другое! все-таки в жизни есть что-то приятное...

О, но я ведь уже говорил вам о Томине... Томина, моя кошечка!.. я вас совсем забыл! простите старого маразматика... о своих пациентах я вам тоже уже говорил!.. тех, кто еще остался, таких малочисленных... принимая во внимание мою доброту, терпение и тот факт, что в их преклонном возрасте им просто некуда податься, а также то, что я не требую никакого вознаграждения! о, абсолютно!.. эти редкие очень дряхлые старики еще иногда обращаются ко мне...

Что касается современных нравов, то как уроженец «второй Империи»... я продолжаю считать себя представителем «гуманной профессии»!.. я сам оплатил свою «практику», лицензию, квалификацию, это жалкое отопление и страховку – на похороны, я оплатил все это из своего собственного кармана!.. такова суровая реальность!.. внешне это выглядит красиво: гуманный врач!.. вы можете сказать: «Пустите кровь этому вашему Ахиллу! он должен наконец начать продавать ваши книги!..» но, черт его побери, пусть он ими подавится!.. он постоянно вопит, что я его разоряю!.. воню-

чий хорек! он, видите ли, дал мне авансом какие-то деньги!.. Ахиллу верить нельзя!.. так устроен мир!.. он ведет двойную, тройную игру, лезет вон из кожи! готов вступить в сговор с самим дьяволом! только чтобы меня не покупали!.. он прячет меня в своем подвале, заживо хоронит меня... чтобы меня переиздали только через тысячу лет... но здесь, в Бельвю, в настоящее время по его милости я должен подыхать с голоду... «Ах да, Селин!.. он у меня в подвале!.. его достанут оттуда через тысячу лет!..» через тысячу лет даже французский уже никто не будет знать! Ахиллу этого не понять! знаете, это как кружево!.. я видел, как истлевает кружево... я сам, собственными глазами!.. подтверждением этого может служить то, что у моей матери на Пер-Лашез на могиле нет даже настоящего имени... знаете, что там написано... Маргарита Селин...⁸¹ мне стыдно, но это из-за меня... чтобы каждый, проходя мимо, мог плюнуть...

* * *

Я не хочу изображать из себя Святого Винсента⁸² или

---

⁸¹ Мать Селина Маргарита Гийу умерла 6 марта 1945 г. и была похоронена на кладбище Пер-Лашез.

⁸² Святой Винсент (Сен Винсен-де-Поль; 1581–1660) – французский священник, посвятил свою жизнь помощи беднякам и основал несколько благотворительных организаций (например дом для престарелых «Сен-Винсен-де-Поль», о котором Селин упоминает и в романе «Путешествие на край ночи»).

Мюнте⁸³, но меня часто упрекают в том, что я слишком много внимания уделяю животным... это действительно так!.. да! да!.. сухари, сало, конопляное семя, звездчатка, рубленое мясо, им все сгодится!.. собаки, кошки, синицы, воробьи, малиновки, ежи делят с нами все тягости бытия! даже чайки с крыш Рено!.. зимой... с завода внизу... с острова... конечно, мы выглядим довольно забавно... одни приводят других... ежи, малиновки, синицы, особенно зимой!.. оттуда сверху, из Медона... без нас им пришлось бы туго, зимой... я сказал: сверху, из Медона... еще дальше! из Ивлина!.. мы находимся на краю Ивлинского леса... в самой крайней точке Ивлина... за нами уже Булонский лес, Бийанкур...

Ладно! наши животные обходятся нам недешево... согласен... нужно быть поэкономнее! мы вынуждены становиться экономнее десять раз в неделю! когда к нам прилетает десять новых птиц!

Самый несчастный из моих ассистентов по сравнению со мной кажется просто баловнем судьбы... я и вкальываю больше него!.. в сто раз больше!.. ассистент этого не замечает! ему этого не понять... я нахожусь на грани полного краха... стыдно признаться!.. вот вам пример... зашла ко мне в прошлое воскресенье одна дама из Клиши, моя давнишняя пациентка, дама очень светская, образованная, утонченная, все

---

⁸³ Аксель Мюнте (1857–1949) – шведский врач и писатель, автор двух книг «Книга Сан Микеле» и «Люди и животные», в которых он проповедует любовь к животным. См. письмо Селина к Альберу Парасу от 11 сентября 1949 г.: «Мое призвание – это медицина. Мой идеал: Семмельвайс или даже Аксель Мюнте».

всегда знающая... она проехала через весь Париж на метро, потом на автобусе... какой ужас!.. я ее поздравляю... она совсем не запыхалась!.. она пришла ко мне посоветоваться... когда-то я лечил ее и всю ее семью... в свою очередь я спрашиваю ее о том... о сем... обо всех, кого я когда-то хорошо знал... обо всех новостях... в Порт Пуше, в сквере Лотарингии, на улице Фанни...⁸⁴ что они сделали с домом Рогге?... она рассказывает... она знает все... некоторые еще меня помнят... через столько лет... они передают мне свой привет и наилучшие пожелания... они в курсе всех моих передряг... они считают, что со мной обошлись несправедливо! засадив меня в тюрьму!.. конечно, останься я в Клиши, они бы меня, наверное, четвертовали!.. ну да ладно, поговорим о чем-нибудь другом!.. о больницах, например... об огромной Биша... или о мэре... о его заместителях... господах, *товарисчах*... о покойном Нэле, который покончил с собой... он был парижанин, как и я... редко бывает, чтобы в парижском пригороде заместитель мэра был не из Нижних Альп или Эно... вам придется несладко в этом парижском пригороде, если вы не из Дром, Корнуай, Перигора... например, в Мэрии интересуются: «Где вы родились?» Курбвуа, Сена... девица недовольно морщится... ваш ответ ей не нравится...

Но хватит о Нэле, поговорим лучше об Офрэ, прежнем

---

⁸⁴ Упомянутые здесь и далее имена, места и факты касаются периода, когда Селин жил (с 1928 по 1932) и работал (с 1928 по 1937) в парижском пригороде Клиши. На улице Фанни находится муниципальный диспансер, где практиковал Селин.

мэре... и еще об Ишоке... самозванном докторе Ишоке, который тоже сам свел счеты с жизнью...⁸⁵ трудно себе представить, никто даже не подозревает, какие дела задумывались, обсуждались и обдывались в коридорах Мэри! тройные обитые железом двери, «швейцары», внутри всегда пусто!.. здесь нет ризниц, где оттачиваются кинжалы! хранится «синильная кислота»! нет! тайна сменила свое облачение!.. огромное количество тайн можно обнаружить в Бюро Благотворительности... одна из самых загадочных историй, с которой я столкнулся, когда жил в Клиши, это история Рудьера, служащего Бюро Гигиены... мы еще к этому вернемся... к кончине этого господина Рудьера... от рака! да! но обратите внимание! тут не обошлось без политики!.. об этом свидетельствует то, в каком состоянии я его обнаружил!.. обращались с ним крайне грубо!.. это безусловно! его язва кровоточила уже целых шесть месяцев!.. думаю, что бедняге на том свете гораздо спокойнее!.. в честь таких, как он, в этом мире не называют улиц... вот если бы он сам издевался над другими, то теперь наверняка была бы «улица Рудьера»... забавно! Приятно поболтать просто так... о том, о сем... это напоминает мне убийство в «Зеленом Доме»... исчезнувший трупешник!.. обычная история! убийство в бистро за стойкой... тайна, покрытая мраком, труп так и не на-

---

⁸⁵ Селин несколько раз вспоминает в своей переписке и интервью этого Ишока, «самозваного доктора», которого «Москва» поставила во главе диспансера в Клиши и которого он считал виновным в своем увольнении из диспансера.

шли! однако все видели! как этот тип рухнул! с двумя ножами в спине!.. кореша обслужили! пока сообщили легавым, пока те явились, чтобы осмотреть покойника, пока ходили за носилками... жмурик улетучился!.. конечно, не без посторонней помощи. Арестовывают всех!.. хозяина, свидетелей, служанку, буквально всех! через час легавые являются снова! дело темное! труп снова там, вернулся!.. тот же самый! но с тремя ножами в спине!.. тут что-то неладно!.. они снова отправляются в Отделение, поднимают по тревоге весь Париж!.. Но когда они снова возвращаются в бистро, трупешник опять испаряется! положительно! игра в прятки!.. в конце концов им это надоело! воспоминания, воспоминания... «Зеленый Дом»... Порт Пуше... ладно!.. я, кажется, начал говорить про Сен-Винсен-де-Поль...

– И что Сен-Винсен-де-Поль?

Знаменитый дом престарелых... у меня там тоже были пациенты... и среди тех, кто уже не вставал с постели, и среди сиделок...

– Сколько теперь стоит пребывание в Сен-Винсен-де-Поль?

У всех стариков болезненный интерес к стоимости пребывания в «доме для престарелых»... мои мать и отец тщательно собирали проспекты подобных заведений... «Фонд Боннавиа», «Фонд Гаригари», «Маленькая семейная ферма» в Эк-сюр-Урк... но я должен признаться, что в моем состоянии мне лучше всего подошел бы Сен-Винсен-де-Поль...

– Вы знаете, сколько они берут?

– О, раньше это было совсем недорого!.. раньше! но не теперь!.. теперь, доктор, это стоит 1200 франков в день!..

– В день?

– Да!.. да!.. в день!

– Вы уверены!.. вы не ошибаетесь, мадам?..

Да, это действительно уже слишком!.. 1200 франков в Сен-Винсен-де-Поль!.. и у аббата Пьера тоже! такие же бабки!.. послушайте, я думаю... это уже не шутки!.. 1200 франков в день!.. я думаю о себе и о Лили, думаю о том, сколько у нас денег! 1200 франков нам не наскрести!.. вот какая теперь жизнь!.. чтобы не сдохнуть, приходится проявлять чудеса изворотливости!.. конечно, что такое 1200 франков для Броттэна?.. ерунда! для него и его двух тысяч авторов в подвале, готовых трудиться до умопомрачения! черт бы побрал всех этих его ручных Титанов из Бежевой серии!.. не брезгающих ничем кровожадных аллигаторов-плагиаторов!.. они-то заработают себе десять миллионов на пансион! как и этот денежный мешок Ахилл! с теми, кто томится у него в подвале! только успевай нажимать на кнопку!.. оп! оп! он – настоящая ротационная печатная машина! у его семейки и тех, кто особо приближен к нему... денег куры не клюют... в тридцати шести банках! в бесчисленных сундуках в подвале! вместе с рукописями!.. внушительная пирамида, которая всем бросается в глаза, это еще не самое главное! главное – то, что спрятано там внутри! в глубине

замурованных наглухо склепов! там находится мумия и ее валюта! вместе с двумя тысячами проданных в рабство авторов! и вечно хнычущим Лукумом!.. его верным Лукумом! с ним!.. конечно, с ним!.. этим жирным кастратом! прожорливым чудовищем! чей моллюскообразный рот заглатывает все что угодно, вплоть до дерьма! вы чувствуете запах дерьма? отлично! оп! он уже тут как тут, присасывается к нему! кладет на стол!.. дрожит от нетерпения!.. истекает слюной! и проглатывает!.. иначе он не может!

Да! но тем не менее моя пациентка, моя старая приятельница нанесла мне суровый удар! к этому я был не готов... 1200 франков в Сен-Винсен-де-Поль! такого я не мог предвидеть... ничего хорошего нас с *Лили* в будущем не ждет...

О, вы, конечно, можете сказать... подумаешь, газ! что вы все ноете по поводу газа?.. возьмите да отравитесь сами этим газом!.. черт побери! читайте свою «любимую газету»... люди, которым становится невмоготу, травятся газом!.. хорошенькое дело! у меня за плечами тридцать пять лет медицинской практики, и я кое-что в этом понимаю!.. это вовсе не так просто! далеко не так просто! их спасают!.. и самое главное: они не умирают, но подвергают себя ужасным мучениям!.. застревают между жизнью и смертью!.. им приходится умирать и оживать тысячу раз! а запах!.. сбегаются все соседи!.. в вашей конуре все переворачивают вверх дном! вас ведь могут еще и основательно обчистить... а вдруг пожар! вспыхнули занавески!.. к вашим страданиям добавля-

ются новые, но на сей раз от асфиксии и ожогов!.. полный букет!.. нет! газ – не самый лучший способ!.. поверьте мне, я неизменно говорю это каждому, кто обращается ко мне за советом, самый надежный способ: охотничье ружье в рот! засуньте поглубже!.. и паффф!.. вы взрываетесь, как в кино!.. неприятно, конечно, что везде ошметки!.. на мебели, на потолке! отовсюду капает мозг... должен вам признаться, что самоубийств на своем веку я повидал достаточно... удавшихся и неудачных... в тюрьме вам тоже могут помочь свести счеты с жизнью!.. а как же!.. за ее стенами время останавливается!.. медленное самоубийство... но в тюрьмы попадают далеко не все... Безон, Сартрувиль, Клиши... и конечно же, Зикмаринген!.. вот где такая помощь была нужна!.. тем, кто сидел по этой дерьмовой 75-й статье... помощь, я не оговорился! они все в ней очень нуждались! самые влиятельные особы влачили в Замке жалкое существование!.. нервы у них были на пределе!.. это ведь была настоящая Планета ненависти!.. для чудовищ, которые на ней обитали... простых истязаний казалось недостаточно... они выдумывали все новые и новые... им хотелось, чтобы они длились вечно!.. только самые безнадежные, заживо гниющие, харкающие панкреасом и кишками, изнывающие от чесотки больные в «Фиделис»⁸⁶ так же умоляли меня помочь им поскорее расстаться с жизнью... ё-моё!.. уверяю вас, министры из Замка были го-

---

⁸⁶ Фиделис – больница в Зигмарингене, располагавшаяся в 1945 г. в монастыре Св. Фиделиса.

раздо более настойчивы!.. но как? разве я знаю, какой способ предпочтительней?.. револьвер? цианид?.. петля?.. Лаваль⁸⁷, конечно, был себе на уме!.. этот самодовольный Лаваль! со мной он так и не посоветовался... и посмотрите, как он кончил!.. при помощи жидкого цианида!.. он оказался хитрее остальных! а как кончит де Голль? Торез?.. Молле?..⁸⁸ они еще сами не знают!.. они продолжают разглагольствовать!.. лично я предпочел бы покончить с собой в саду... да!.. он ведь такой большой... а может, лучше в подвале?.. подвал тоже сгодится... кошка будет приходить туда рожать своих малышей... так же, как и раньше... Лили ей обычно помогает... а мне помощь не нужна... У Лили не будет неприятностей... все будет оформлено должным образом... Прокуратура констатирует факт смерти... причина самоубийства?.. неврастения... я напишу письмо Прокурору и оставлю небольшую сумму Лили... подчеркнуто официальное!.. прочтите и порвите!.. Лили достанется совсем

---

⁸⁷ Пьер Лаваль (1883–1945) возглавлял правительство Виши с июля по декабрь 1940 г., с апреля 1942 по август 1944 г. – лидер французского политического коллаборационизма. Основным факты, упоминаемые Селином в романе «Из замка в замок», являются подлинными: Лаваль действительно пытался отравиться цианидом за несколько часов до расстрела, его последними словами были: «Да здравствует Франция!». На него было совершено покушение в Версале 27 августа 1941 г. во время смотра французских добровольцев перед отправкой на Восточный фронт. В Зигмарингене Лаваль считал себя узником и не занимался никакой политической деятельностью.

⁸⁸ Ги Молле (1905–1975) – французский политический деятель, социалист. Премьер-министр в 1956–1957 гг.

немного... однако этого должно хватить на два, три года... вы сами знаете, какое сейчас бурное, непредсказуемое время, когда вас так и норовят ограбить везде, где бы вы ни находились! а если вы «отбываете срок», у вас на руках наручники! и вас не обчистили до последнего су?.. да это просто чудо! весь мир сошел с ума!.. хотел бы я посмотреть, что стало бы с Ахиллом, окажись он в таком положении! с ним! и с его окружением! с каким треском лопнул бы тогда этот его «Мозговой Трест»!

Лили совсем одна... я плохо себе это представляю!.. Лили такая беззащитная... неземная! как фея!.. ее оберут до нитки!.. ну и ладно! я сам обо всем позабочусь!.. Лаваред со своими пятью су!⁸⁹ не смешите меня, мадам! об этом не стоит даже говорить! он путешествовал по свету, подвергаясь тысячам опасностей? опасностей! о-ля-ля!.. посмотрел бы я на него, окажись он на нашем месте... тсс!.. между четырех разъяренных армий! среди адского грохота!.. сотрясающего землю и небо! под градом смертоносных молний! толпы мародеров! солдаты, бронированные поезда, сироты, вдовы!.. вы читали о летающих крепостях!.. О, над нами они кружили целыми эскадрами, это было настоящее столпотворение! а мы почти без гроша в кармане!.. вот так! напасть за напастью!.. это вам не Шатле, можете мне поверить!.. пламя,

---

⁸⁹ «Пять су Лавареда» (1891) – роман для детей Поля д'Ивуа. 35-летний журналист Арман Лаваред наследует от дальнего родственника большое состояние при условии, что он, чтобы научиться экономии, обойдет вокруг света, не имея в кармане больше пяти су, «как вечный жид».

бомбы, в натуре! я вам клянусь! Геттинген, Кассель, Оснабрюк?⁹⁰ дымящиеся, излучающие фосфорическое свечение, готовые в любой момент взорваться вулканы! это зрелище не для слабонервных!.. трам! тарарам!.. нагромождение осколков!.. целые соборы из руин!.. с колокольнями из поездов!.. дьявольский хоровод! словами этого не описать!..

Но вернемся к моей скромной персоне... Геттинген, Кассель, Оснабрюк? всем ведь на это плевать!.. так же как на Требизонд или Нант!.. эти города могли бы гореть еще двести лет!.. а Байе! а Баку!.. ну!.. а Неаполь? можете продолжать!.. подлейте масла в огонь! чтобы получше поджарить свою отрубятину! тухлятину! внутренности! овощи!.. речи, дребедень, статуи! балаболки!.. кончайте свою трепотню! мы и так уже по уши в дерьме! и никогда из него не выберемся!.. никогда не сможем ничего себе купить!.. а налоги?.. не каркай!.. в делах нужно быть *оптимиссом*!.. упаднические настроения до добра не доведут! проблемы?.. проблемы?.. у нас их и так слишком много! интересоваться Ганновером, Касселем, Геттингеном? что стало с их жителями!.. а почему не с обитателями Бийанкура?.. или Монмартра? с семьей

---

⁹⁰ В этом отрывке впервые упоминается путешествие по Германии, к рассказу о котором Селин еще вернется в романах «Север» и «Ригодон». Города Геттинген, Кассель и Оснабрюк (ниже Оснабрюк заменен на Ганновер) находятся на пути из Зигмарингена в Гамбург, – Селин проезжал там в марте 1945 г. Все эти города во время войны подверглись жестоким бомбардировкам, особенно Кассель и Ганновер.

Пуарье с улицы Дюэм?⁹¹ вот именно! надо быть скромнее! серьезнее!.. если хотите!.. мне достаточно и Лили!.. отсутствие денег меня волнует только из-за Лили... если я покончу с собой, то сможет ли она прожить с тем немногим, что у нас есть, хотя бы два года?.. едва-едва... но не более! уроками танцев много не заработаешь! танцовщицы все время «в отъезде»!.. они или на гастролях, или беременны... ей не продержаться и двух лет... я сделал все, что мог... мне не в чем себя упрекнуть!.. я старый больной человек: прощайте!.. все будет обставлено должным образом!.. не придерешься!.. из охотничьего ружья?.. продажа оружия ведь разрешена!.. а мне все еще дает о себе знать 14-й год... но я не «вне закона»!.. а что такое быть «вне закона» я в полной мере познал благодаря нечеловеческой низости своих ближних! подлые холуи!.. простите-с! но кругом либо умственно отсталые, ни на что не способные убудки, я-то на них в своей жизни насмотрелся, либо типы вроде Ахилла, грязные жирные свиньи с карманами, набитыми деньжищами и карточками различных партий, для которых закон вообще «не писан»!.. привет, жулики!.. «я искренне рад вашим успехам»! нет, я вполне серьезно! мне нравится наблюдать, как все эти обнаглевшие «коты» вытирают об Уголовный кодекс свои ноги... оля-ля!.. а откуда все взялось?.. бюро?.. конверты в кармане? нарукавные повязки?.. печати? я мечтаю увидеть идеально-го котяру! самого наглого изо всех, такого, как у Карко, за-

---

⁹¹ Улица Дюэм находится на Монмартре недалеко от улицы Жирардон.

рабатиывающего себе на жизнь собственным членом!.. мечтаю!.. на скамье подсудимых... послушайте! считать Президента недоумком! открыто смеяться над ним!.. а Прокурора безмозглым бараном!.. пора положить этому конец! какая наглость! я просто не нахожу слов!.. чтобы выразить свое возмущение! не выходя за рамки приличий! очевидно, ответственность за соблюдение законности слишком сковывает Президента!.. он сгибается под ее тяжестью! не может пошевелиться!..

Но увь! все это не совсем так!.. точнее, совсем не так!.. в органах юстиции знают, что им выгодно... причем так везде! в Уганде! в Советах!.. в Парламенте! при комиссарах!.. при анархистах!.. против собственной выгоды не пойдет никто!.. самого главного «кота» никто не замечает!.. он не может оказаться «за решеткой»!.. главные жулики всегда остаются на свободе! аристократы из Нейи, или «сутики»⁹² из Вилет!..⁹³ в салонах Людовика XV или за стойками во времена Золя... Обалдеть! повсюду заправляют эти хлыщи! больше их не тяготят никакие неприятные воспоминания!.. может быть, их пугает виселица?.. нет!.. нисколько!.. а гильотина?.. а кол?.. все это уже достояние истории... посмотрите на Лавалю... «Да здравствует Франция!»

---

⁹² Имеются в виду сутенеры.

⁹³ Вилет – один из самых злачных районов Парижа.

О да!.. я согласен!.. «Самоубийство?.. Вы собираетесь покончить с собой?.. бред!.. так кончайте!.. хватит болтать!.. идиот!.. вы нам ужасно надоели!..» признаюсь!.. меня иногда здорово заносит... это все из-за страха нарушить закон... приспособленец дерьмовый, паникер!.. от этого чертова страха у меня даже яйца отнялись! я не могу решить-ся... нет, я пас!.. я все путаю... говорю не о том... о-ля-ля! совсем не о том!..

Когда я думаю о том, чего я избежал!.. что они собирались сделать со мной!.. мне становится не по себе!.. надо же!.. какая жалость!.. им достался только мой мопед! а я успел свалить!.. какая досада!.. полные полки!.. трах!.. тарарах!.. рамка! канделябр! бачок! скоты! трах!.. они были вне себя от злобы!.. колошматили своими сапожищами!.. будто видели перед собой мой череп!.. вот, чего я избежал!.. они решили отыграться на мне за Алжир!.. будто это я его у них стащил! и Долину Монсо тоже!.. вокруг толпились ничего не понимающие зеваки!.. им так хотелось, чтобы зверь оказался у себя!.. в логове!.. непременно!.. на Арене!.. а если он уже улизнул?.. как?.. их лишают удовольствия поулюлюкать? полюбоваться на смертную казнь? это делает их совершенно невменяемыми!.. они вопят, беснуются... на улице Жирардон!.. улице Лепик!.. черт побери! кончай прохвоста! на кол его!

круши! ломай его мопед! по крайней мере! один командор? сорок лбов!.. на Мезе, когда шли тевтонские танки, их не было! ничего! мой моторизованный велосипед таит в себе не меньшую опасность!.. сорок лбов!.. бей, круши все вокруг! конечно, останься я там, то же самое сделали бы и со мной. тюкнули бы прямо по башке! бац! бац! как Луи Рено... правда, у Рено был завод и 50 миллиардов... а меня бы просто так, забавы ради!.. отступающая армия являет собой жуткое зрелище, нужно быть готовым к чему угодно... семь миллионов дезертиров и все пьяные, а посему обольщаться не стоит: все ясно! это Апокалипсис!.. мир вывернулся наизнанку!.. все перемешалось!.. удары сыплются на затылки и мопеды! мечь обрушивается даже на неодушевленные предметы и жалких калек! повсюду слышны хрипы агонизирующих!.. так что я правильно сделал, что вовремя смотался с Холма!.. и без лишнего шума!.. конечно, эта чистка далеко не последняя!.. поводы позабавиться всегда найдутся!.. помахать ножичком, воткнуть его поглубже! тут долго агитировать не надо! это как перепихнуться в двадцать лет!.. без проблем!.. убийство, да еще во имя высшей цели!.. и все-таки мне хотелось бы еще хоть немного побыть на людях! хоть несколько мгновений, прежде чем уйти навсегда... «Еще минуточку, господин Палач!»...⁹⁴ мне хотелось бы взглянуть на окру-

---

⁹⁴ Слова, приписываемые графине Дю Барри, фаворитке Людовика XV, перед казнью. Этот факт приводится в романе Достоевского «Идиот» – о нем упоминает Лебедев.

жающих!.. прежде! прежде! где угодно!.. на площади Конкорд! или на Марсовом поле!.. бросить прощальный взгляд на мир! мое место на ступенях!.. я заслужил!.. калека на две трети!.. я готов!.. помост уже сооружают!.. а как же!.. я готов, ибо как истинный патриот понимаю, что не способен больше трудиться на благо общества!.. я комуняка?.. о-ля-ля! дорогуша!.. в сто раз больше, чем Букар, Торез и Пикассо вместе взятые!.. они ведь не стали бы сами заниматься своим хозяйством... американец?.. да, не меньше, чем сам Даллес!⁹⁵ акцент и все такое!.. так что прошу соблюдать субординацию! «Мозговой Трест» будет обезглавлен!.. помост напоминает мне прокатный стан! а если его еще подвергнуть радиационной обработке? так!.. так!.. сделать его похожим на горнило Истории? превосходно!.. Мориаку-то что, он совсем как листочек!.. плоский, со слабыми жирондистскими выкриками! он пройдет сквозь него спокойно, как по почте!.. я его поддержу... «Давай! давай! спокойно! спокойно! Франсуа!» но... постойте... может быть, я заблуждаюсь?.. я ничего не увижу... я ведь уже слишком стар! а вокруг меня все перемешалось! какие-то куски!.. простаты, фибромы, наросты в бронхах... язык!.. миокардиты!.. забавное зрелище!.. *товарисчи*, буржуи, чистильщики сапог с лапшой на ушах!⁹⁶ ма-

---

⁹⁵ Джон Фостер Даллес (1888–1959) – американский политический деятель. Активный сторонник политики «холодной войны» с СССР, республиканец.

⁹⁶ Намек на лапшу, точнее, вермишель, которая обычно прописывалась доктором Детушем при воспалении простаты.

ленькая кучка микроэлементов, это все, что от них осталось! наросты застревают у них в глотке... они хрипят!.. говорить они больше не могут!.. некогда такие бойкие на трибуне, теперь они покорно опускаются на колени!.. и в дыру!.. дешевки!.. жалкие лохмотья от сухой гангрены! ну что, мученики?.. съели?.. хр-р-р!

Мне много не надо... я отношусь к жизни философски!.. однако мне хотелось бы!.. чтобы поскорее настала очередь Лукума!.. пусть наконец-то ему воздастся по заслугам!.. и Ахиллу тоже, вместе с его миллиардами!.. тук! тук!.. прошу вас!.. на сей раз Сопротивление бесполезно!.. а как приятно было раздолбать мой мопедик!.. он был как игрушечка!.. мой мопед из Безона... а я ведь никому никогда не навязывал своего мнения, просто советовал... не то что аббат Треп!..⁹⁷

И вдруг меня осеняет!.. а что, если мне дадут Нобелевскую премию?.. это позволило бы мне развязаться с налогами, заплатить за отопление и морковь!.. но там наверху, долбить их всех в зад, мне ее никогда не дадут! их Король такой же! каким угодно мандавошкам!.. да! самым прилипчивым со всей Планеты!.. это пожалуйста! там все давно схвачено!.. а вам остается лишь любоваться Мориаком... как он, облачившись в мантию, подобострастно улыбается и раскланивается, стоя на своей маленькой подставочке... главное, ничем не брезговать!.. даже самой грубой лестью!.. «о, какой он замечательный, солидный, этот ваш Нобель!»... впрочем,

---

⁹⁷ Очевидно, имеется в виду аббат Пьер.

я вчера все это кому-то уже говорил... а тот со мной не соглашался! «послушайте! но Нимье ведь вам предлагал!..».⁹⁸ неблагодарный!.. вы что, не читали? так давайте!.. напишите еще одно «Путешествие»! все зависит от вас!.. но я так не думаю... нет! нет!.. я не считаю, что «Путешествие» приятно читать... Альтман тоже так не считал... и Доде...⁹⁹ теперь главное – побольше врать!.. а что если поведать о том, как кокнули Рено? да!.. недурно-с... или о том, как раздолбали мой мопед?.. тоже довольно забавная история!.. или о величественном полыхании моих рукописей? банальный инцидент!.. но все равно пусть все о нем знают! ужасаются!.. угу! как же! черта с два! я вот перечитываю теперь самого себя... прочел уже почти 150 страниц... это никуда не годится!.. из рук вон плохо... какая-то патологическая приверженность правде! назойливая серьезность... ну и сиди со своей серьезностью!

Или вот еще!.. «наезжает» на меня директор издательства Беранжер... да! «наезжать» – это такой кавалерийский тер-

---

⁹⁸ В номере за 18 октября 1956 г. «Нуфель литерэр» Роже Нимье поместил статью, озаглавленную «Дайте Селину Нобелевскую премию», где писал: «У нас сейчас 1956 год. Большая часть талантов получила вознаграждение. <...> Настало время подумать об одном из величайших писателей XX века, во всяком случае, наиболее важном по своему влиянию...». Отношения Селина и Нимье описываются в романе «Север».

⁹⁹ Жорж Альтман в своей статье о «Путешествии» назвал его «книгой отчаяния» и сравнил с «тяжелой черной рекой, заполненной трупами иллюзий и мертвыми надеждами». Статья Леона Доде появилась в «Кандиде» 22 декабря 1932 г. Она начиналась такими строками: «Это удивительная книга...».

мин!.. иначе говоря, он меня находит... находит для того, чтобы я перешел к ним, прихватив с собой все свои рукописи, выкрутасы, вопли!.. ах! ах! и на кой ляд я ему сдался? вот я перечитываю самого себя... все свои шедевры! конечно, он тоже ненавидит этого Ахилла!.. и давно... очень давно! у него с ним свои счеты! он много бы дал, только чтобы видеть его униженным, разорившимся, лишившимся всего своего имущества!.. которое спустят за бесценок на Блошином рынке! чтобы всплыли все его махинации и темные делишки... о которых уже успели позабыть, и... ну... чтобы его уничтожили, сравнивали с землей!.. успели позабыть?.. как бы не так!.. а миллионы в месяц? не меньше... они еще не утратили своей актуальности!.. о них болтают на каждом углу!.. Жертрут от удовольствия потирает руки! прикидывает! вот если бы я взялся за это дельце! помог открутить Ахиллу башку!.. но сперва я должен сказать «да»!.. оп!.. я перехожу!.. вместе со всеми своими рукописями!.. отныне мои бессмертные шедевры будут выходить в издательстве Беранжер!.. о, конечно, узнав об этом, Ахилл сразу же не загнется от ужаса! нет! у него еще будет время полюбоваться на то, как разваливается вся его контора! катастрофа! *блеск!*.. *блеск!*.. пусть я только начну!.. а 2000 его рабов этим воспользуются! и разбегутся! тогда-то и поднимут все досье!.. делом заинтересуется Прокуратура!.. но простите!.. почему это доставляет столько удовольствия?.. какому-то Жертруту! Де Морни!.. я подозреваю, что в глубине души он немного

антисемит... о, тогда это было бы чем-то вроде дела Дрейфуса?... так вот почему они так ненавидят друг друга!.. а что, может быть?... они сами ведь мне в этом никогда не признаются... они знакомы, наверное, уже лет сто и знают друг о друге все... подлостей же, которые они сделали друг другу, хватило бы, я думаю, на тысячу лет!.. Ахилл со мной больше не церемонится... «Вы жалуетесь? но черт побери! вам и таким, как вы! не жаловаться нужно! а радоваться, что вас не расстреляли!.. разве я не прав?» Жертрут, тот умеет подойти к людям, он мне сочувствует... напоминает мне, как я рисковал, каким испытаниям подвергся... «Ваша мебель! ваши рукописи! последние четыре су! они вас просто пустили по миру!..» он едва сдерживает свое возмущение... Броттэн вовсе лишен сердца!.. я должен радоваться, что меня не расстреляли! ах, какая наглость!.. у него это не укладывается в голове... если бы он только знал, что я обо всем этом думаю!.. для меня главное, чтобы они схлестнулись, вцепились друг в друга и не отпускали до самого *finish'a*!.. пока не перегрызли бы друг другу сонную артерию!.. если я ему до сих пор и не выложил всего, что думаю... то это только из-за собак и птиц... которых я должен кормить! ну и из-за нас с Лили тоже!.. люди вообще часто бывают слишком болтливы... лапша!.. главное, это лапша! уголь и газ!.. а будь я с ним чуть пооткровеннее, так он бы ко мне и на пушечный выстрел не подошел!..

– Очнитесь, станьте таким, как прежде, Селин!.. пишите

так, как говорите! это неподражаемо!..

– Вы очень любезны, Жертрут, но взгляните на меня! взгляните повнимательней!

Я стараюсь его успокоить.

– Поймите, я больше ни на что не гожусь!.. перо валится у меня из рук!..

– Ну что вы, Селин!.. напротив, вы в отличной форме!.. в расцвете лет!.. а Сервантес!.. да вы и сами это знаете!

– Да, Жертрут!.. я сам это знаю!.. мне столько же лет, сколько и Ахиллу!.. 81 год!.. настоящий Дон Кихот!..

Все издатели, желая подбодрить своих старых кляч, прибегают к этому трюку, мол, Сервантес был совсем мальчишкой!.. ему был всего 81 год!

– Он ведь был еще больше инвалид, чем вы!.. Селин!

Он не сдастся!.. продолжает меня ободрять, черт бы его побрал!.. своей выгоды он не упустит!

И что они, собственно, не поделили, Ахилл и Жертрут?.. с чего все началось?.. этого уже никто не помнит... это было слишком давно... может быть, лошадь?.. или танцовщицу? никто не знает... теперь весь сыр-бор из-за издательства... это раньше были секунданты... дуэли!.. теперь делят только лавочки!.. у кого из двоих в подвале больше авторов?.. двух старых маразматиков это очень волнует!.. а вы бы видели, какие у них обоих хари... когда стареешь, индивидуальные черты лица стираются и все больше проступает Время!..

интересно, они родились до «Большого Колеса»?¹⁰⁰ или после?.. Жертрут де Морни наверняка носил свой монокль... монокль небесно-голубого цвета!.. может, он и камзол носил? возможно!.. женщины?.. деньги?.. естественно!.. однако есть одна деталь, свойственная только Ахиллу... его характерная улыбка!.. смущенная улыбка сдающей напрокат стулья старухи, которая готова рвать на себе волосы от того, что ее опять на чем-то застукали... зато у Жертрута был его монокль... который он никогда не снимал! ему приходилось делать невероятные усилия! дабы складки кожи от морщин не мешали ему смотреть... Ахилл, со своей вечно смущенной улыбкой, в 1900 году был просто неотразим... его так все и звали «Неотразимый»... Ватто!¹⁰¹ Фантэн-Латур!¹⁰² «Ярмарка тщеславия»... куча хлама, который уже никого не интересует... монокли, гримасы, дряблые веки, парики... улыбки... сдающие стулья старухи... светские львы...

* * *

Но теперь речь идет не о дамах или деле Дрейфуса!.. речь

---

¹⁰⁰ «Большое Колесо» находилось на авеню Сюфрен и было одним из аттракционов Всемирной выставки в Париже 1900 г.

¹⁰¹ Антуан Ватто (1684–1721) – французский художник; в основном изображал на своих картинах галантные сцены, артистов и музыкантов.

¹⁰² Анри Фантэн-Латур (1836–1904) – французский художник, писал групповые портреты и цветы.

идет обо мне... о правах на мои шедевры!.. мои гениальные книги, которые больше никто не читает... (во всяком случае, так dixit¹⁰³ Ахилл)... однако в порыве взаимной ненависти они об этом забыли!.. еще бы, у них в подвалах полно великих писателей!.. гораздо более знаменитых, чем я!.. слывущих педерастами! «борцами за права человека»! коллаборационистами!.. моджахедами!.. маньяками с садистскими наклонностями!.. продавшимися русским! полно гениев!.. со всем юных!.. впавших в маразм!.. женского пола!.. и еще черт знает каких!

Но вернемся к фактам... я никогда не забуду, что Фред Бурдоннэ¹⁰⁴, мой первый сутенер, покинул меня насовсем! он ушел один при свете луны, и его прикончили на площади Инвалидов... там ведь убивали каждый день!.. еще бы! и он это прекрасно знал!.. у этой площади была дурная слава... он был развратен?.. безусловно!.. но до чего надо дойти, чтобы отправиться ночью, да еще в одиночку!.. на площадь Инвалидов!.. в том, что с ним случилось, нет ничего удивительного!.. самое смешное, что Бурдоннэ прикончили ночью на площади Инвалидов, а мое имущество пустили с молотка!.. тогда все досталось Маркизе Фюальдес!..¹⁰⁵ вот так всегда и

---

¹⁰³ Говорил (*лат.*).

¹⁰⁴ Так Селин называет своего первого издателя Деноэля.

¹⁰⁵ Маркизой Фюальдес Селин часто называет в романе «Из замка в замок» даму, управлявшую издательством Деноэля после его смерти. Маркиз Фюальдес был жертвой знаменитого преступления 1817 г.: он был похищен на улице, пока два музыканта, соучастники преступников, заглушали крики громкой музыкой.

бывает!.. я сам тоже стал жертвой мошенников!.. тебя обирают до нитки!.. раз!.. другой!.. третий!.. сотый!.. торгуют тобой и твоими бессмертными произведениями!.. «в которых есть что-то волнующее»!.. но всем тем, кто обязан тебе своим благополучием, в сущности, нет до тебя никакого дела... «он в тюрьме, ну так пусть там и подыхает!»... мне следовало понять это раньше!.. еще в средней школе... голубая линия Вогезов, поэзия!.. ах, поэзия, это моя слабость! вечное стремление к совершенству! ну что, ублюдок? допрыгался!.. твое добро!.. мебель!.. лира!.. книги!.. за решетку! дерьмо! хватит!.. сиди и не рыпайся!..

А теперь подумайте, чего это Броттэн все мне подмигивает!.. он или Жертрут? какая разница!.. а Маркиза?.. тоже сойдет!.. все они одинаковы!.. работа?.. это не для них!.. это для таких, как я!.. мое место у параша! я должен горбатиться!.. выбиваться из последних сил, их развлекать... а эти дармоеды, которые вытянули из меня все жилы, предпочитают не напрягаться, они по-прежнему просто сидят и ждут, разинув свои хлебальники! это я должен их кормить!.. веселее! веселее!.. требуют они!.. и стучат ногами от нетерпения!..

Веселее?.. да уж куда веселее?.. уже на следующий день после убийства на площади Инвалидов меня самого сцапали на другом конце Европы!.. и не в шутку!.. а вполне серьезно!.. срок мне отмотали на полную катушку! впрочем, в том аресте и в самом деле было что-то гротескно-комическое! на крыше!.. этакая кавалькада среди труб!.. огром-

ная свора легавых с револьверами в кулаках!.. а должен вам сказать, в Копенгагене, в Дании, 22 декабря на крышах довольно прохладно!.. можете сами в этом убедиться!.. смотайтесь туда! туристы ведь ничем не рискуют!.. Ved Stranden, 20 (tuve, по-датски) вы легко найдете!.. там еще внизу бакалея! Vokelund... а напротив, с другой стороны улицы, большое освещенное день и ночь здание... National Tidende... это газета... вы не ошибетесь... так вот, в конце декабря начался охотничий сезон на «коллабо»... поднялась «волна всеобщего негодования»... началась «травля»!.. по всей Европе! теперь нечто подобное происходит в Пеште!.. завтра все повторится здесь!.. потом там!.. потом где-нибудь еще!.. охота – это как соитие, как любовь!.. люди испытывают к ней неистребимую тягу!.. я был хорошей добычей! все жаждали моей крови!.. к тому же наступил самый разгар сезона! я, Лили и Бебер!.. мы карабкались по крышам! как затравленные животные, которые, спасаясь от преследований, совершают чудеса изворотливости! тут!.. там!.. повсюду!.. охота – это спорт!.. безусловно!.. даже если вы просто туристы!.. вы ведь тоже начинаете охотиться... за сувенирами!.. все на охоту! увы, все забывается... забыли же Верден...¹⁰⁶ все в мире уже почти ничего не значит... но мне хотелось бы... пусть это и не так значительно... но нашу эскападу на Ved Stranden, когда я, Лили и Бебер прятались на крышах среди водосточных

---

¹⁰⁶ Битва во время Первой мировой войны, в 1916 г., когда французы героически сопротивлялись немцам под руководством Петэна.

труб... от прицельной стрельбы озлобленных легавых... под Новый год 45-го!.. мне хотелось бы, чтобы об этом хоть кто-то помнил... Копенгаген, Дания, Ved Stranden, съездите, посмотрите... странно, если там уже все забыли... на самом деле нас травили не только в National Tidende!.. впрочем, травили – это еще мягко сказано!.. Berlingske!.. Land og Volk!.. le Politiken!¹⁰⁷ целая свора шакалов из прессы!.. все!.. буквально все!.. вопили о том, что я заложил сотни израиль-тян!.. продал форты Вердена! устье Сены!.. раз уж я оказался под рукой, меня сцапали и обвинили во всех смертных грехах... я должен был отвечать за их Короля и его Dronin, за антикоммунистический пакт! за Friekorps! (это их местный ЛФД¹⁰⁸)... я здорово вляпался!.. оказался в дерьме по самые уши!.. на меня вешали все подряд!.. какая там кровь на ключах!.. Макбету до меня далеко!..

Было бы странно, если бы там об этом уже забыли! съездите, посмотрите!.. Ved Stranden, tuve... внизу: Bokelund, бакалея...

* * *

Все газеты пестрят заголовками... вот те на!.. в кои-то ве-

---

¹⁰⁷ Перечисляются названия датских газет.

¹⁰⁸ ЛФД – Легион французских добровольцев против большевизма, созданный в Париже лидерами движения коллаборационизма на следующий день после нападения Германии на СССР (июнь 1941 г.).

ки все эти жирные тыловые крысы объединились с *товарищами* из Большевистской компашки! вы, наверное, думаете: прихлопнули бы его, да и дело с концом!.. но без меня был бы просто невозможен этот трогательный союз!.. союз консерваторов и москвитов!.. «его собираются посадить на кол?.. черт побери!.. проклятье!.. так ему и надо!..» на моем трупе не должно быть ни одной ссадины... только следы от поцелуев!.. наконец-то я почувствовал, что не напрасно прожил свою жизнь: некогда злейшие враги примирились!.. чудеса!.. да и только!..

Забавно!.. меня часто спрашивают: правда ли, что я продал планы Линии Мажино?.. конечно! а как же! но следовало бы уточнить одну деталь... за сколько, за какую сумму?.. цифры называют самые разные... вот вдова Рено, так та, вероятно, вообще ничего не продала... может быть, за миллиард?.. что вы говорите!.. это уже серьезно!.. а как вы думаете, почему имя короля Людовика¹⁰⁹ до сих пор у всех на устах?.. все говорят о его останках!.. о его мучениях! из меня получился бы мученик ничуть не хуже, но у меня нет ни гроша, и моим наследникам не к кому будет предъявить свои претензии!.. рентгенограммами и бальзамированием никто заниматься не станет!.. нет!.. мученик без гроша в кармане никому не интересен!.. огромное количество людей, которых утопили или сожгли, страдали не меньше, чем Рено!

---

¹⁰⁹ Имеется в виду король Людовик XVI (1754–1793), гильотинированный во время революции.

однако никто не делал им рентген и не следил по минутам за их агонией... они обошлись без помощи санитаров!.. их вдовы хранят молчание и давно снова вышли замуж!.. их сыновья гниют в окопах... кто где!.. в Дьенбьенфу!¹¹⁰ в Оране!¹¹¹ и это никому не интересно! да я сам, разве я буду доставать кого-нибудь рассказами о своих передрыгах и мучениях, о том, что меня и сейчас продолжают травить? мол, как не стыдно... и т. д... «Давай, давай, дурачок! У тебя неплохо получилось! продолжай в том же духе!..» нет, я предпочитаю молча наблюдать за всеми этими беснующимися людшками! как они толпятся на Елисейских Полях! штурмуют улицу Шатодэн...¹¹² лезут вон из кожи и вопят! да здравствует Пешт!.. набухшие воспаленные артерии!.. маленькие раздувшиеся опухшие простаты!.. завтра им уже ничего не будет нужно!.. только «бутылка минеральной воды!.. и лапша!..»

---

¹¹⁰ Дьенбьенфу – город в Северном Вьетнаме. В 1954 г. здесь произошла битва, завершившаяся разгромом французских войск и положившая конец французской гегемонии в Индокитае.

¹¹¹ Оран – город в Алжире. Бывшая румынская, потом испанская колония, оккупированная французами в 1831 г.

¹¹² 8 ноября 1956 г. перед домом на улице Шатодэн, где размещалась Французская Коммунистическая партия, состоялась демонстрация протеста против репрессий в Будапеште. Во время этой демонстрации здание было взято штурмом. В результате один человек был убит и сто двадцать ранены.

Покойный Бурдоннэ тоже был не сахар... хитрожопый лицемер... он любил пожить за чужой счет ничуть не меньше, чем Ахилл или Жертрут... он был весь в долгах, и по чекам, которые он выписывал, уже ничего невозможно было получить!.. чем все это кончилось, я вам уже рассказал... будь у него «крыша», он наверняка остался бы жив, тогда бы его не посмели увести на прогулку... но без «крыши»? он был обречен! это было ясно заранее... вот Карбуччия!¹¹³ тот отделался легким испугом!.. «все зависит от вашего положения в обществе»... а меня, вы только представьте себе!.. меня вместе со всей моей писаниной! пустили по миру! бросили на растерзание озверевшей толпы!.. пришлось уносить ноги!.. столь прожорливых ублюдков я еще никогда не встречал!.. настоящие свиньи!.. они давят вас своим весом!.. наглостью... своими жирными тушами! их сало липнет к вашим рукам!.. прикоснитесь к ним, и вам придется потом часами отмывать свои руки!.. вот Бурдоннэ и спекся! молодой гиппопотам! они сразу же заметили, как он притащился... он всегда считал себя хитрее всех!.. на площади уже смерка-

---

¹¹³ Орас де Карбуччия – журналист, участвовавший в интеллектуальном коллаборационизме в Париже во время оккупации. Карбуччия был директором журнала «Грэнгуар» с самого его основания. В 1942 г. опубликовал эссе «Прощание с моим английским другом».

лось... бац!.. дырка в спине!.. и его тело распласталось!.. в сиянии луны! все досталось мамаше Фюальдес! и мои книги тоже: она скупила их за бесценно! потом все перешло к Ахиллу!.. все мои шедевры отфутболили к нему! мои бессмертные произведения!.. настоящее рэгби!.. Фюальдес хватает... убегает!.. Ахилл догоняет ее! опережает!.. и забирает все!.. меня запихивают в подвал!.. все, что я накатал!.. тютю!.. подальше от людских глаз! маркиза де Фюальдес переваривает пищу... так завершилась целая эпоха!.. Поворот! бульон! перепихон! ригодон!.. следующий год – на льду!

Ну разве это не свинство? упрятать меня в подвальчик!.. такой уютненький и гнилой!.. но повторяю, все это началось не вчера, а со времен средней школы Лувуа!..¹¹⁴ увы, мы уже далеко не молоды... мы родились во времена импрессионистов и дела Дрейфуса! учиться в средней школе – это значит выйти из народной «среды»... Мориак сколько угодно может триндеть о «нуждах народа», он все равно в этом ничего не смыслит! он ведь из *Шартрона*!..¹¹⁵ и этим все сказано!.. из *Шартрона*, надеюсь, он не станет это отрицать!

Теперь, когда столько всякого дерьма всплыло на поверхность, ведь говно не тонет, для мародеров и дезертиров наступила настоящая лафа, пробил звездный час страдающих

---

¹¹⁴ Имеется в виду школа в сквере Лувуа, ближайшая к Пассажу Шуазель, которую некогда посещал Селин. В романе «Смерть в кредит» он пишет о школе, которая якобы находилась на улице Женер.

¹¹⁵ Квартал Шартрон один из самых респектабельных и богатых кварталов Бордо, родного города Франсуа Мориака.

недержанием кала, сорок миллионов французов, наложивших в свое время от страха в штаны, могут наконец-то отвести душу... хорош бы я был, если бы остался тогда в Париже! это было бы равносильно тому, что этот свободолюбец Обрыгон со своей кралей, облаченной в «шокирующий бикини», решили бы теперь прошвырнуться по мосту в Будапеште... останься я у своей матери на улице Марсолье, они бы наверняка прикончили меня... как Бурдоннэ!.. тюк!.. как на улице Жирардон... достаточно того, что вы «мерзавец»!.. «он нам должен! и все!.. ограбим его!» Вайян до сих пор не может успокоиться и сокрушается, что не успел меня достать... а вот мне его тогда хватало в избытке!.. у моей матери, ей было 74 года...

У меня ничего не осталось... ни носового платка, ни стула, ни рукописей... грабить покойников неприятно... они разлагаются... и воняют... но я-то был жив и вел себя очень тихо, поэтому они без труда все растащили и тут же спустили на Блошином рынке! на аукционе!.. у них уже стоит! стоит! у всех старьевщиков уже стоит!.. я как Франция!.. все – старьевщикам!.. меня уносит вихрь времен!.. на моей шее болтается ценник!.. нажитое за шестьдесят три года – за восемь дней!.. ничего, суки, на вашей заднице он тоже есть!.. вы сочувствуете тем, кто бросается вниз с моста в Пеште? а сколько было таких, как я?

Любопытно было бы посмотреть, как в будущем какой-нибудь новый Ленотр¹¹⁶ перетряхнет все наше грязное белье, могилы, репутации, события, акции, счета... сколько «праведников» успело теперь нагреть руки? на *де бирс? на Роне?* откуда у них все эти Замки, Бляди, Драгоценности, Конюшни, Представительства?.. было возможно такое в 89-м году?.. или нет?.. а какой богатый материал для дебатов!.. в Сорбонне!.. в «Трех уродах»!..¹¹⁷ в Анналах!.. что было бы, если бы Гитлер победил?.. поступил бы тогда Арагон на работу в СС?.. а эта очаровательная Валькирия Труляле?.. что за конференции! поверьте мне!.. все это войдет в «Анналы» двухтысячного года!.. на выступлениях грядущего Эррио¹¹⁸ яблоку будет негде упасть, жирные коммунистические матроны, затаив дыхание, будут следить за полетом мысли своего кумиррра!.. какие жопы, аж десять!.. этот аббат Пьерр такая душка!.. десять револьверов лежали у него под подуш-

---

¹¹⁶ Жорж Ленотр (1857–1935), историк, специалист по истории Французской революции.

¹¹⁷ Намек на «Два урода» («Deux Magots») – некогда принадлежавшее Деноэлю парижское кафе, расположенное недалеко от бульвара Сен-Жермен, в котором до войны собирались известные поэты и писатели.

¹¹⁸ Эдуар Эррио (1872–1957) – французский писатель, политический деятель, автор «Анналов».

Но черт с ним, с будущим!.. вернемся к нашим насущным проблемам!.. а что если Жертрут упрячет за решетку Броттэна?.. бляха! муха! это было бы недурно!.. хорошо бы они перегрызли друг другу глотки!.. так нужно! как увидите чью-нибудь оторванную башку со свисающим на ниточке глазом, так сразу же сообщите мне, я жду с нетерпением!.. что касается Ахилла... то хорошо бы они еще сняли друг с друга заживо скальп!.. вы только представьте себе их!.. ярко-красных!.. ободранных!.. ходячая мясная лавка... но прежде чем они обработают друг друга подобным образом, я хочу вам кое-что рассказать!.. нечто весьма любопытное!.. во времена *Ипподрома*¹²⁰ на площади Клиши Жертрут и Ахилл тащились от одной обворожительной потрошительницы тугих кошельков! я ничего не преувеличиваю! в этом отношении она могла составить конкуренцию Французскому банку!.. те, кто еще помнит времена «Прекрасной Франции», должны помнить и Сюзанну...¹²¹ вот это была настоящая звезда экрана! а

---

¹¹⁹ Во время войны аббат Пьер, бывший в то время викарием в соборе в Гренобле, участвовал в движении Сопротивления. Отсюда, вероятно, и намек на револьверы.

¹²⁰ Ипподром в начале XX века был местом для спектаклей под открытым небом. Во времена детства Селина он находился на углу улицы Колэнкур и бульвара Клиши. Там с апреля по октябрь проводили соревнования в езде на колесницах и на лошадях.

¹²¹ Возможно, речь идет о Сюзанне Бьянетти (1894–1936), которая в 1917–1918 гг. играла в четырех фильмах Александра Деваренна: «Три семьи», «Рикетт выходит замуж», «Французская женщина во время войны», «Рикетт и нувориш».

ее воздушные пеньюары в «нежно-голубом сиянии луны»!.. очаровательная фея немого кино... самое главное, что она не могла «говорить»... слова все портят!.. стоит женщине заговорить, как она перестает быть обольстительной, по-настоящему возбуждает только то, что молчит!.. я помню те Залы, теперь они полупусты!.. о, эти чудесные баюкающие звуки! бла-бла-бла... седативное действие... расстегнутые в тоске ширинки!.. мягкие дырочки!.. улыбки, прозрачные пеньюары, нежная музыка! я помню это как сейчас! волшебный свет луны!.. конечно, Сюзанна была и моим кумиром, в нее ведь вкладывали бешеные бабки, она была у всех на устах, на всех афишах!.. нет, мне она была не пара!.. к тому же, черт побери, у меня тогда не было ни одной лишней минуты!.. я должен был носиться, как проклятый... с «доставки» на «доставку»...¹²² и все же я не упускал случая улизнуть за Бекон и посмотреть, как там крутят Сюзанну!.. женщину моей мечты!.. между Гаренн и Нантером...¹²³ я пользовался любой возможностью!.. и таких, как я, было много!.. с одной насыпи на другую!.. там можно было и подработать!.. сняться в массовке... я изображал сопляка из толпы... между двумя ливнями... за сто су!.. два франка... свисток! все в убежище!.. при первой же капле! все под навес! дождь мог

---

¹²² В то время Селин был секретарем-доставщиком в журнале «Эврика». Подробнее свою работу в юношеские годы Селин описывал в романе «Смерть в кредит».

¹²³ Бекон, Гаренн и Нантер – ближайшие пригороды Парижа.

все испортить!.. тарлатановые платья со шлейфами! гипсовая пудра, карминные румяна, маслянистый грим на лицах «героев-любовников»!.. эти прелести были чувствительны к воде!.. приходилось соблюдать осторожность!.. «в укрытие»! но не только мы, статисты! даже зеваки из толпы и те помогали нам!.. в этом действе участвовали все!.. дождь! свистки! толчея! и Сюзанна!

Что теперь со всем этим стало?.. кто мне скажет?.. с артистами и всей этой мишурой?.. да, теперь?.. что стало со всеми теми людьми?.. дождь... сколько воды утекло с тех пор!.. вспоминая те далекие дни, я могу с уверенностью сказать лишь одно: жизнь ужасно измельчала!.. как истинный сын своего времени, «воспитанный в лучших традициях», я это прекрасно вижу... что поделаешь! все проходит!.. нынче гордятся тем, что уничтожили бордели... надо же! закрыли «В гостях у Мими»!.. так ведь шлюхи разбежались по всему свету!.. весь мир превратился в один большой Бордель! мы все теперь «В гостях у Мими»!.. кругом одни жулики! Серьезное умерло, погибло под Верденем! Аминь!..

Я, наверное, вам надоел... вам хочется отвлечься?.. чего-нибудь занимательного? наверное... только вот еще что! может быть, и вам это будет интересно! примерно в то же время, еще до Сюзанны, я посещал Ипподром с лошадьми и зверями! была там такая большая конюшня! а сколько там было народу!.. такие толпы, что omnibusы не выдержива-

ли!.. они не в состоянии были отъехать от Трините!¹²⁴ обезумевшая толпа подминала их под себя! какие представления! люди, львы, лошади, бульдоги, морские пехотинцы, боксеры и взятие Пекина! такое не забывается! я думаю, это способствует формированию художественного мышления! писатели могут быть левыми, правыми, анархистами, «святошами», *коммунистами*, состоять в каких угодно подвалах или Ложках, но не многим из них довелось, подобно мне, видеть взятие Пекина на площади Клиши! штыковую атаку наших славных морских пехотинцев! взятие приступом тонущих в пороховом дыму деревянных укреплений!.. и бум!.. залп по меньшей мере двадцати пушек!.. одновременно!.. сержант Бобийо в одиночку сражается с сотней боксеров!.. он вырывает у них флаг!.. и устанавливает наш, трехцветный! втыкает его в кучу их трупов! в самую гущу!.. Пекин наш! а тут еще эта льющаяся сверху со сводов вода! зрелище, достойное пера Курбе!¹²⁵ уверяю вас... там было на что посмотреть! хорошая школа для начинающего автора!

Но секундочку!.. было еще кое-что покруче, чем осада Пекина!.. нападение на дилижанс!.. три племени краснокожих всадников!.. и все с голым торсом!.. вы только представьте себе! где вы сегодня можете увидеть двести краснокожих, сидящих на конях с голым торсом?.. а с ними сам Буффало

---

¹²⁴ Трините – площадь в Париже.

¹²⁵ Гюстав Курбе (1819–1877) – французский художник, активный участник Парижской Коммуны 1871 г.

Билл!..¹²⁶ попадающий в яйцо на полном скаку, в галопе! вы можете себе такое представить!.. нет, в Голливуде такого не увидишь!..подумайте, яйцо, да еще на полном скаку!.. Буффало Билл со своими boys!.. изрыгающими настоящее пламя!.. ах, но это еще не все!.. я чуть о вас не забыл... неподражаемая Луиза Мишель!..¹²⁷ если вам будут рассказывать о *зрельщах!* о своих *впечатлэниях!* не слушайте! что они вам могут рассказать? ничего... там на площади Клиши вообще ничего не говорили, а просто стояли и затаив дыхание ждали! ждали!.. гвоздь программы! выплывающая из мрака Луиза Мишель! вся в белом! бледная! все прожектора были направлены на нее!.. секунда! «эй! эй!»... гневно выкрикивала она... залезла на стул... и снова погружалась в темноту!.. во времена Коммуны моя бабушка жила на улице Монторгей, она еще все помнила... «Это не Луиза Мишель, малыш!.. рот и нос у нее были не такие!..» мою бабушку было трудно провести...

Теперь это уже невозможно понять, трудно себе представить Хрущева, Пикассо, или эту Труляле залезающими на стул... эффект Демулэн-Палэ-Рояль!.. нет!.. мертвенно-бледные, вопят!.. «эй! эй!»... разве что Торез? или Мориак?..

---

¹²⁶ Буффало Билл (наст. имя Уильям Фредерик Коды; 1846–1917) – американский авантюрист, прославившийся тем, что убил множество бизонов.

¹²⁷ Луиза Мишель (1833–1905) – французская революционерка, легендарная героиня Коммуны по прозвищу «Красная дева».

Но какой бы там ни был у нее нос, Луиза была неподражаема! «эй! эй!»... гнев!.. и какой!.. хотите – верьте, хотите – нет! я потом вам еще кое-что расскажу... но попозже!.. когда вспомню...

* * *

«Я знаю его со времен дела Дрейфуса!.. он давно уже встал на скользкую дорожку!.. а теперь и вовсе обнаглел!.. таких жуликов надо поискать! и Издательство у него соответствующее!.. нет, таких подонков я больше не видел!.. он и вся его кодла!.. что за балаган он устроил у себя, это с ума можно сойти!.. да на них клейма негде ставить!.. а как они вас обхаживают, прежде чем обобратить!.. залезают вам в карман, а сами улыбаются!.. им палец в рот не клади, всю руку откусят!.. у них уже все отлажено!.. поставлено на широкую ногу!.. и этот его Обер Евнух Лукум тоже такой же!»

Тоже мне, нашел, кому рассказывать... Жертрут дю Монокль видит всех насквозь!.. удивил, нечего сказать!.. да я бы сам мог этому Жертруту Беранжеру такого порассказать!.. поделиться опытом!.. я-то знаю Ахилла как облупленного! о-ля-ля!.. но я наивно полагал, что уважаемый Жертрут де Жертрут дорожит своим временем... время – деньги, как говорится, ан нет, оказывается, он готов часами копаться в том, что уже никому не интересно... разве что ему самому?.. но больше никому!.. засохшее дерьмо 1900 года!

К черту! Жертрут! Ахилл!.. пусть роятся в дерьме!.. а у меня только одна забота! серьезная!.. наличные и привет!.. что я оставлю Лили?.. quid?.. что-с?.. сколько-с?.. какие жалкие гроши?.. то-то и оно! денежки, ведь они всем нужны!.. в этом-то все и дело! просто так на дороге они не валяются!.. что если меня не станет! если я покину этот мир навсегда? я так и вижу перед собой толпу «наследников»!.. целую стаю!.. голодных, озверевших, готовых на вас наброситься тварей!.. их челюсти!.. «наследники»... о! с бумагами, без бумаг... с печатями! штампами, резолюциями! и без них!.. они вылезут из всех подземных переходов!.. обливаясь крокодиловыми слезами!.. выпучив глаза!.. разинув свои пасти!.. и заявят о своем праве на наследство! да они просто оберут Лили!.. выбросят на улицу! я почти в этом не сомневаюсь!.. она ведь совсем не способна постоять за себя!.. случится точно то же, что и на улице Жирандон... в Сен-Мало... в Копенгагене, Ved Stranden, 20 (tuve)... для этой породы людей «не существует границ»!.. «климатических условий»! наследники... как «карманники», они снуют по всему свету и они везде! в любой стране! вне зависимости от политического режима, идеологии, вероисповедания!.. при первом же удобном случае!.. они могут наброситься на вас и обчистить!.. они всегда у вас за спиной!.. следят за вами!.. нет!.. Лили с ними не справится!.. куда ей! она ведь... как бы это сказать... такая хрупкая... и это грустно... грустно и романтично... танцовщица...

Я не жду от жизни ничего хорошего!.. «а нам-то что!»... думаете, наверное, вы... все же! ни Жертрут, ни Броттэн, никто другой не даст мне больше ни гроша за историю вроде «Норманс»! я это точно знаю!.. читателю, тому подавай что-нибудь веселенькое, и все!.. Париж как будто никогда и не бомбили!.. не бомбили!.. и не будут бомбить!.. отсутствие мемориальных досок!.. лишнее тому свидетельство!.. только я один, наверное, еще и помню о двух-трех заживо погребенных семьях!.. «Норманс», эта книга с треском провалилась!.. на то было множество причин!.. самых разнообразных!.. в сущности, ее участь была заранее предрешена!.. усилиями Ахилла и его окружающих... всех этих «преисполненных праведного негодования» критиков с куриными мозгами!.. им хотелось очередного скандала, чтобы я снова покатил бочку на израильтян и загремел в тюрьму! от такого удара я бы уже не смог оправиться!.. покорно благодарю!.. «за искреннее участие»!.. хорош бы я был!.. меня бы наверняка упекли лет на двадцать!.. или даже «пожизненно»!.. но увы, жизнь полна разочарований! ошибок! заблуждений! я-то, в свою очередь, тоже ожидал, что их самих всех упекут!.. по ним ведь тюрьма давно плачет!.. врежут им строга-ча и принудработы! или отправят куда-нибудь на цветущую Гайяну! под пули островитян!.. а потом, вместо ордена, в

качестве заслуженной награды, они подцепят какую-нибудь гадость на язык... небольшую злокачественную опухоль... просто загляденье! от сонной артерии до глотки...

Ладно!.. пока же Броттэн меня поучает: кретин!.. «Вы продаетесь все хуже и хуже!.. ваша „Норманс“? это полный провал!.. вас губит не ваша подмоченная репутация!.. порнографа! или даже фашиста! а ваша беспомощность!.. критики вас съедят с потрохами! они не упустят такого случая!.. вас ненавидят!.. к тому же это их хлеб!.. не надейтесь, что они вас пожалеют!.. им ведь тоже нужно кормить свои семьи!.. зарабатывать деньги!..»

«Да бросьте вы эту литературу!..» – скажете вы... и будете совершенно правы!.. я давно должен был бы последовать вашему мудрому совету!.. только вот как же Лили, собаки, кошки, птицы и ежики?.. да еще зимой, вроде той, что была!.. что тогда станет со всеми ними, об этом вы не подумали?..

Поверьте мне: даже при самой беспощадной... экономии на всем... если вы отринете весь материальный мир, вещи, ветер, сквозняки, сырость, уголь!.. цветную капусту, копченую селедку! вам не выжить!.. у вас не хватит денег на морковь!.. да просто на хлеб!

Но разве дело в том, как и что я пишу?.. я обречен, мне объявили бойкот!.. конечно! согласен!.. всех графоманов следовало бы повесить! и не только графоманов, а вообще всех, «кто занимается не своим делом»! правда, кто их

разберет!.. только у Ахилла таких тьма! тысяча тысяч!.. По мне так Дюамеля, Мориака и Тар-тра следовало бы вздернуть в первую очередь!.. вместе с дюжиной обладателей Гонкуров!.. ах да, чуть не забыл Парижского Архиепископа! его тоже!.. дабы не обижать китайцев!..¹²⁸ во избежание скандала!.. поднести им его голову у Порт Брансьон!¹²⁹

Но шутки шутками, а завтра я должен заплатить за газ!.. мне нужно расплатиться сразу по двум счетам... кроме того, я должен сборщику налогов... и за уголь... я, наверное, повторяюсь?.. ну и пусть, черт возьми!.. на моем месте вы бы вопили так, что вас было бы слышно в Энгьене!.. пока за вами бы не приехали, не скрутили и не накачали бромом! а нас с Лили травят уже целых пятнадцать лет!.. ни секунды покоя!.. пятнадцать лет – срок немалый!.. ужасы оккупации продолжались от силы три года!.. сравните сами!

Я чувствую, что надоел вам... смените пластинку!.. отвлекитесь!.. всех буржуев на фонарь?.. буржуев всех партий!.. я полностью «за»! буржуа – это всегда сволочь! знаю я одного такого по имени Тартр! жук навозный! как он меня поносил, строчил доносы, лез вон из кожи, и все ради того, чтобы меня пришили... он полностью заслужил свои пять... или даже шесть неофунгозных образований между пищеводом и панкреасом!.. он имеет на них полное право!..

---

¹²⁸ Вероятно, здесь Селин намекает на левые взгляды Дюамеля, Мориака и Сартра.

¹²⁹ Брансьон – район Парижа.

Тартр меня обворовал и оклеветал... да еще как!.. впрочем, не больше, чем мои дорогие родственнички!.. до моей тетушки ему далеко!.. двоюродной!.. та, как меня увидела, так сразу хлоп в обморок, чуть коньки не откинула!.. я жив!.. меня не казнили!.. «это ты? ты?»... не могла поверить она... «ты здесь?»...

Оно и понятно, ведь она уже кое-что успела прибрать к рукам!.. три пары занавесок, шесть стульев, все эмалированные кастрюли... не то чтобы она в них очень нуждалась!.. черт возьми!.. у нее всего было достаточно!.. вполне!.. но если все берут, а я ведь как-никак был ее племянником, то почему бы и ей не взять? чем она хуже других?.. все, кому не лень!.. тащат мое барахло мешками!.. а ей, моей тетке?.. нельзя? во-первых, я уже не должен был вернуться... я должен был сгнить в тюрьме... а может быть, даже повешен?.. посажен на кол?.. получалось, что она была моей законной наследницей!.. естественно!.. и Тартр был моим наследником! и все остальные тоже!.. «Здрасьте! тетушка!»... она вскакивает с кровати! и прямо в рубашке бросается ко мне! это я! «Он убил свою мать!.. арестуйте его! арестуйте!..» вырывается у нее вместо приветствия! крик души! потрясение оказалось настолько сильным, что она уже не могла остановиться и с воплями кинулась бежать! «Господин Префект! на помощь! на помощь! арестуйте его! он убил свою мать! Господин Префект!..» она обежала вокруг Фобур Сен-Жак и выскочила на набережную... «на помощь!.. на помощь!..» легавые ее до-

гнали и сначала отправили в Отделение!.. потом в какую-то контору!.. от усталости она едва держалась на ногах! «Это он! он!..» повторяла она снова и снова!.. сейчас же, ночью, на набережную Орфевр!¹³⁰ срочно... необходимо вмешательство Префекта!.. меня снова должны упрятать в каталажку!.. тогда я не смогу потребовать назад свой стул!.. и это моя родная тетя!.. родственники, друзья!.. это стая голодных волков, которые только и ждут удобного случая, чтобы вас сожрать!.. моя тетя всю ночь у Ле Аль вопила о том, что я убил собственную мать, она ковыляла из павильона в павильон, пока не наткнулась на лежавых!.. те ее повязали, успокоили... отправили в психушку!.. а она все продолжала вопить, что я такой! сякой!.. и еще невесть что...

Как только из вас все вытряхнут!.. мебель, рукописи, безделушки, занавески – можете готовиться к худшему!.. родственники, друзья... с живого они с вас не слезут!.. хватка у них мертвая!.. они снимут с вас последние штаны!.. от этих выроdkов другого не жди! еще парочка занавесок, четыре стульчика... мою тетю сочли ненормальной!.. Тартр: прирожденный сутенер!.. кругом одни ублюдки, куда ни ткни!.. как я уже сказал: тетюня была вполне обеспечена! Тартр тоже!.. вполне! вполне!.. у них все было! и в избытке!.. холодильники, машины, лакеи!.. в городе!.. в деревне!.. просто протрубил рог, и на меня была объявлена охота!.. вот и все!

---

¹³⁰ Набережная Орфевр – на набережной Орфевр в Париже находится городская Префектура полиции.

а чего еще ты от них ждал?.. идиот!..

Главное, не отвлекаться по пустякам!.. я, кажется, говорил вам о Жертруте де Морни... о его живом участии в моей судьбе!.. чертов Тартюф!.. я должен, видите ли, бросить этого интригана и губителя талантов Ахилла и перейти в издательство Беранжер!.. Ахилл меня не ценит!.. для него, его окружающих и Лукума нет большей радости, чем всячески третировать меня! гноить в глубине своих подвалов!.. меня и мои рукописи!..

Ну а что же он, этот Жертрут?.. я уже описывал вам его личико... Ахилл смахивает на старушку-процентщицу! этот – нет! скорее у него было мурло мушкетера, с этакой мушкетерской бородкой... да еще огромным небесно-голубым моноклем на носу... конечно, он вколачивал мне баки, сулил золотые горы!.. миллионные тиражи! феноменальный успех у публики! впрочем, мне нечего было особенно терять! в сущности, Броттэна вряд ли кто переплюнет!.. десятилетиями авторы, сменяя друг друга, тщетно обивали его порог, и ни разу за все это время он не выдал из себя ни одной двадцатифранковой монетки!.. эта вечная борьба за авансы!.. упорству Ахилла позавидовал бы и Геркулес! я знаю только один способ заставить его раскошелиться... отслунить вам несколько кусков... не скупиться... нужно перейти в наступление! «Счастливо оставаться, Ахилл! твоя рожа мне обрыдла...» он сразу же побежит за вами!.. начнет заискивающе улыбаться!.. после этого он вас, конечно, возненавидит!.. ну

и черт с ним! тем лучше!..

Надеюсь, вы понимаете, что я не особенно доверял Жертруту... правда, в одном он был неподражаем... стоило только заговорить об Ахилле, как на него нисходило настоящее вдохновение... какие анекдоты! за тридцать! сорок лет... примеры низости этого гнусного существа!.. свидетельствующие о том, к чему я должен был готовиться! то, как он всем врал!.. везде!.. в картах, на бегах, в Энгьене, на Бирже... он просто не мог пересилить себя!.. то, как он изводил своих авторов, служащих, служанок... как он якобы одалживал им деньги... которых на самом деле те никогда не видели!.. в счет триктрака и контрактов!.. вынуждал их подписывать какие-то бумаги... в результате те оказывались в полной зависимости от него!.. сколько покончили с собой, тела скольких были обнаружены у плотины в Сюрен?.. среди них были даже гиганты пера! и барышни весьма древних родов, их фамилиям сегодня было бы не меньше 130 лет!

Но хватит болтать!.. прибыл спасительный груз!.. кило лапши и тощих селедочек... необходимо ими немедленно заняться!.. кого бы там Жертрут ни ненавидел, все равно и у него на лице написано безразличие и это столь характерное для богатых «не досаждайте мне»... ему неизвестно, что такое лапша... в сущности, все они одинаковы, абсолютно непробиваемы... жаловаться им, раскрывать перед ними свою душу – глупо!.. говорить им о лапше!.. да как вы смеете!.. им!.. у богатых ведь ко всему исключительно «спортивный инте-

рес»... спортивный интерес к Бирже, к пэддоку...¹³¹ спортивный интерес побуждает их приступить к сооружению Суэца... повинувшись спортивному интересу, они щупают актрисок и позволяют оседлать их своему жокею... спортивный интерес заставляет их мчаться на «красный свет»... или, преодолевая боль в суставах, истекая слюной, тащиться на пикник!.. теперь Жертрут и Броттэн соревнуются в перетягивании авторов!.. и только работа не вызывает у них никакого интереса, даже спортивного!.. напротив!.. она пробуждает в них панический страх!.. сделать что-то своими руками!.. вы с ума сошли! авторы подыхают от непосильного труда? ну и что?.. ослы тоже!.. ну а он чем в это время занимается? как вы думаете? этот Ахилл?.. спортом?.. очередным жульничеством?.. а Жертрут?.. этот, наверное, шляхами?..

Послушайте, вот если бы обо мне хоть что-то написали... хоть чуть-чуть... пусть даже обругали... мне не нужна огромная аудитория, как Мориаку!.. потоки восторженных похвал!.. шумиха, как этому Таратору Тар-тру... мне тоже не нужна!.. нет!.. мне бы хватило просто шепотка...

Годен я еще на что-нибудь? а?.. т-с-с-с!

– Сюда!.. к нам!..

Но имейте в виду!.. планы у меня наполеоновские! предупреждаю! Арлетта, Симон!.. ваши руки!.. и «в бой»!.. нас ведь ждет студия?..¹³² так смелее! мы уже у цели!.. выше го-

---

¹³¹ Пэддок – загон, где содержатся чистокровные рысаки.

¹³² Речь идет о двух первых пластинках, на которых были записаны голос Се-

ловы!..

Но увы!.. увы! что за мрачное логово? грязь, мусор, всякая хренотень по меньшей мере с трех... даже четырех Выставок! полный бардак... а что за своды? высотой в три... четыре Нотр-Дама... папье-маше, искусственный мрамор, гигантские балдахины!.. и там!.. на самом верху!.. внимание!.. наши голоса!.. солирует Симон!.. по правде говоря, я волнуясь... несмотря на свой неприглядный вид, эти своды прекрасно отражают звук!.. возможно, это благодаря усилителю! мой голос звучит так устрашающе громко, что мне хочется убежать!.. вот это да!.. никогда бы не поверил!..

Нет, они ничего не понимают!.. я обязательно должен спеть!.. пожалуйста, меня не нужно долго упрашивать... ломаться я не люблю!.. одну!.. две песенки!.. прямо здесь, под этими сводами!.. я интересуюсь у одного из владельцев студии... как у них идут дела?.. хорошо ли расходятся записи, новые мелодии?.. может быть, и я мог бы попробовать?.. записать небольшую пластинку?..

– О нет! месье! нет! не сейчас!.. потом, гм!.. надеюсь, что это будет не скоро!.. мы обязательно сделаем передачу, посвященную вашей памяти!.. в нашей студии!..

Я чувствую, что мне осталось совсем недолго ждать!.. по-

лина и отрывки из его романов, которые читали артисты. На одной Селин поет две песни, написанные им самим, Арлетти читает два отрывка из «Смерти в кредит», а Мишель Симон читает первые страницы «Путешествия». Популярная артистка и певица Арлетти была для Селина с момента их встречи в 1941 г. до 1961 г. преданным и верным другом. Как и он сам, она родилась в Курбува.

том?.. но когда?.. я молчу!.. проза... тексты... с ними можно было бы и повременить... но песни, простите! только здесь и сейчас!.. ведь это мой прорыв к вечности!

Впрочем, этого им все равно не понять!

* * *

Меня волнуют не похороны и вся эта связанная с ними возня... служащие похоронного бюро, чиновники и пр... нет! я же сказал, что меня вполне устроит и общая могила... и не здесь... а где угодно... в Тье!.. или еще дальше... но если я отправлюсь в мир иной!.. что тогда станет с Лили?.. с кошками?.. собаками?.. я не представляю себе, как Лили сможет выжить... она совершенно не способна постоять за себя... а это ведь настоящее стихийное бедствие!.. только представьте себе!.. толпа «законных наследников»!.. друзей, родственников, судебных исполнителей, прохвостов всех мастей!.. о, нам, конечно, не привыкать!.. да! еще бы! нас уже грабили много раз!.. и здесь! и там!.. везде, где бы мы ни оказывались!.. но ведь теперь Лили останется одна?..

«Он положил на всех!.. этот гнусный расист еще легко отделался!.. так разрежем на куски его вдову!..»

Я преувеличиваю?.. отнюдь!.. но мой расизм здесь ни при чем! чертовы лицемеры!.. белой расы уже давно не суще-

ствует!.. взгляните на Бена Юссефа!..¹³³ Мориака! Моннер-
вила! Жакоб!¹³⁴ того же Коти!..¹³⁵ тут и говорить не о чем!..
все мои неприятности начались с «Путешествия»... «Пу-
тешествие» породило волну ненависти... именно «Путеше-
ствие» мне до сих пор не могут простить... «Путешествие»
поставило меня вне закона!.. вот если бы меня звали Вла-
зин... Влазин Прогрогрофф... из Крыжополя-на-Дону...
Крыжополь-на-Дону это вам не Курбвуа-на-Сене!.. вот то-
гда Нобелевская премия была бы у меня в кармане!.. но я-то
местный и даже не сефард!..¹³⁶ такие, как я, никому не нуж-
ны!.. их нужно уничтожить!.. дабы не мозолили глаза!.. кем
теперь переполнены тюрьмы? кто отдан на съедение крысам?
Хрянция для хрянцузов!..

Будь я натурализованным монголом... или феллахом¹³⁷,
как Мориак, я бы разъезжал теперь в собственной машине и
делал все, что мне заблагорассудится, абсолютно все... и у
меня была бы обеспеченная старость... я был бы обласкан,

---

¹³³ Султан Мохаммед Бен Юссеф – глава марокканского государства, обретше-
го независимость в октябре 1955 г.

¹³⁴ Мадлен Жакоб – левая журналистка, с 1934 г. судебный репортер; часто
упоминается в трилогии Селина

¹³⁵ Рене Коти (1882–1962) – французский политический деятель. Президент
Франции с 1954 г. до возвращения генерала де Голля.

¹³⁶ Сефарды – евреи, потомки выходцев с Пиренейского полуострова, говоря-
щие на языке ладино (сефардским), близком к испанскому. Живут в Северной
Африке, Малой Азии, на Балканском полуострове, в Турции.

¹³⁷ Феллахи – в арабских странах оседлое население, занятое земледелием, кре-
стьяне.

окружен вниманием, уж можете мне поверить!.. а какой был бы у меня дом! о, я бы взирал на мир с высоты своего Холма... и служил Примером для подражания подрастающему поколению... апофигей, разрази меня гром! мистика!.. из телевизора я бы ваще не вылезал, мою физиономию знали бы все!.. в Сорбонне бы передо мной расстилались!.. старость – не гадость! а родился я в Крыжополе-на-Дону, я бы сшибал по двести кусков в месяц только за одно свое «*Путешествие*»... даже Альтман не станет это отрицать! да и Труляле с Обрыгоном тоже!..

Но сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет!

Согласитесь, что с Курбвуа-на-Сене... мне здорово не повезло... я просто обречен на жалкое существование... я единственный, кто решился заявить об этом во всеуслышание! черт побери! это же дискриминация!.. вы не верите? не верите? но вы не найдете меня ни в одном словаре... меня нет ни среди писателей-врачей... ни среди галантерейщиков... нигде! даже в «Иллюстрированном Броттэне»... «Всеобщем *Обосрении*»... нет! и все!.. Норбер Лукум хотел было мне помочь, но для этого ему зачем-то понадобилось поставить все с ног на голову!.. он был одержим идеей!.. переиначить все, что я написал, все слова, страницы, вывернуть весь смысл наизнанку!.. мне это надоело! перевертыш хренов! я ему так прямо и сказал! мол, отъебись ты от меня со своими *модидефекациями*! хватит надо мной изговняться!.. задумоухист губастый... На этом мы с ним и расстались!.. «Отны-

не мое „Обосрение“ для вас закрыто!»... ну и хер с ним! тоже мне, испугал!.. обойдемся без него! на кашу нам хватит!.. у меня есть и другие покровители! Гиппократ, например!.. конечно, пациентов теперь найти не так просто... я вам об этом уже говорил... не то чтобы свободных больных не осталось совсем... экстрасенсы, целители, сестры милосердия, массажисты кое-кого порой упускают... но мне нечем даже оплатить «патент»... налоги, страховку на смерть... услуги водопроводчика... подписку на «*Медицинскую газету*»... вы не поверите, как мы вынуждены экономить! да!.. да! даже самые малоимущие по сравнению с нами и те просто купаются в роскоши...

С тех пор как у нас установился своеобразный красный террор, лучше не высовываться!.. Пикассо!.. Фрикассо! срочно перекрасившийся Тартр!.. ворочают миллиардами! а вы прокляты!.. вычеркнуты из списка живых! обречены на голодную смерть... вам нет места на этой Земле! думаете, я шучу? да тут любому башку в два счета оторвут...

Нет, я не шучу! мне действительно страшно!.. вот и наши собаки рыщут повсюду... «гав! гав!». Бекар¹³⁸ меня предупреждал, кстати, дня за два до смерти: «Ты не понимаешь, Фердинанд!.. собакам же нужно мясо!.. а это большие траты!..»

Если уж говорить о выпавших на нашу долю испытани-

---

¹³⁸ Доктор Бекар был другом Селина. Селин часто вспоминал обеды для врачей и артистов, которые Бекар устраивал у себя на бульваре Бертье.

ях... то у меня есть все основания считать, что последний рабочий с острова у Рено вкалывает меньше, чем я, а ест и спит гораздо больше... нажитое мной за шестьдесят три года улетучилось в два дня... и понимаете... если бы меня просто убили, мне, возможно, было бы гораздо лучше! «подонки! сталинисты!.. нацисты! порнографы! бездарь! предатель!..» мило, не правда ли?.. и это не шепот злопыхателей!.. а черным по белому!.. намалевано на огромных щитах!.. я допустил еще одну роковую ошибку: не брал с больных денег!.. мое бескорыстие вышло мне боком!.. ведь ничего не стоят только отбросы! «ах, он, видите ли, хочет, чтобы его простили! предателям пощады не будет! сволочь!»

Надо же... кто бы мог подумать... что я докачусь до такого состояния!.. а ведь некогда мой славный учитель Этьенн Борда писал мне... «У вас такой тонкий ум! такой возвышенный!.. вы мой лучший ученик!..»

Тсс!.. Этьенн Борда! к счастью, его уже нет среди нас! «возвышенный!»... видел бы он эти плакаты! «предатель, врач-недоучка, сталинист, порнограф, алкоголик...» но это все чепуха по сравнению с главным моим просчетом: «Вы представляете, у него даже нет машины!»

Мясник, бакалейщик, краснодеревщик – и те не ходят пешком по своим делам! а врач, идущий пешком?.. нет, вы действительно заслужили все, что о вас говорят!.. без машины? да этот недоумок совсем обнаглел!.. повесить этого шарлатана, дабы другим неповадно было!.. порядочный человек

пешком не ходит! мостовые и тротуар предназначены для всякого сброда!.. для шлюх!.. отправиться к больному пешком?.. это значит выразить свое глубочайшее неуважение к нему! вас просто выставят!.. и не пытайтесь!

В самом деле, Версаль ведь тут совсем недалеко... вы можете представить себе какого-нибудь врача, отправившегося туда пешком?.. Фагона¹³⁹, например?.. о, современный больной знает себе цену, у него социальное страхование, он член профсоюза, он выписывает три, четыре, даже пять газет, он кузен двух, трех сотен миллиардеров, и амбиций у него гораздо больше, чем у короля Людовика!.. XIV!.. XV!.. или XVI!..

Кроме того!.. это уже верх всего!.. полный атас!.. покупки!.. меня частенько видят с двумя авоськами!.. в одной – кости... а в другой – овощи... в основном морковь!

В моем возрасте... легкое дрожание рук плюс седые волосы... я вполне мог бы сойти за какого-нибудь Профессора... по фамилии *Nimbus*... смешно-с... это было бы совсем нетрудно! ну а как же плакаты?.. это уже серьезно! от этого мне не отмыться!.. а мое рождение в Курбвуа?.. нет, во мне нет ни капли респектабельности... мне нельзя тягаться даже с деревенским знахарем!.. травником или повитухой...

---

¹³⁹ Имеется в виду врач Людовика XIV. В письме Гастону Галлимару от 7 октября 1954 г. Селин пишет: «Людовик XIV очень волновался из-за необходимости заменить своего старого врача на Фагона, который должен был прооперировать ему дырку в жопе... что за ухищрения!.. что за дипломатия... „Что подумает двор?“ – без конца спрашивал он...».

я пал ниже, чем Бовари!.. носильщик!.. просвещенный носильщик!.. вот кто я!.. сгибаюсь под тяжестью груза: коробок, сеток, сумок!.. мусорных бачков!.. под тяжестью своих преступлений... налогов... на мне висит медаль за боевые заслуги... и 75-я статья... я обвешан с головы до ног...

И никакой Лукум мне не поможет!.. в этом я не сомневаюсь!.. главное – это впечатление, которое вы производите на людей!..

Но возраст и плакаты – это еще не все!.. а состояние нашего дома... «странно, что он еще не рухнул»... я сам открываю решетку!.. отодвигаю засов!.. задвигаю засов!.. тем самым я как бы окончательно себя добиваю!.. демонстрирую, что у меня нет служанки! а как расположен наш дом!.. я вам еще не сказал?.. на склоне холма! на середине!.. действительно, место крайне неудачное! по тропинке!.. по колено в грязи!.. зимой!.. бедные больные!.. они должны карабкаться, выбиваться из последних сил, надрываться!.. и я еще жалуясь!.. естественно, что они сюда не поднимаются!.. и никогда не поднимутся!.. они ходят по берегу реки до Исси, делают покупки... булочник, мясник, парикмахер, аптекарь, почта, лапша, вино... «Гран Рио» на 1200 мест... с тройным экраном!.. а сколько там врачей за каждой дверью? и какого хуя я тут торчу на середине спуска? больные сверху предпочитают оставаться наверху, они тоже не дураки! несколько «хроников», которые рискнули до меня добраться, и те решились на это только потому, что им хотелось убедиться самим, а так

ли я ужасен, как все про меня говорят? правда ли, что я вроде Петьо?.. вероятно, они надеялись увидеть останки моих жертв?.. печи для уничтожения больных?.. и все такое...

Иногда дождь приносит мне клиентов!.. такое случается!.. не часто! иногда... из тех, что, поднимаясь в Медон, не выдерживают на середине склона... о, такое случается только зимой!.. им не везет: приди они летом, им бы здесь понравилось... замечательный вид!.. заросли, птички!.. не только собаки!.. пенье птиц! а какая панорама!.. до Таверни на другом берегу! конец департамента!.. все это видно от меня, из моего сада, с тропинки... я сказал «сада», да!.. три месяца в году это настоящий маленький Эдем!.. деревья!.. боярышник, ломоносы... и не подумаешь, что это всего в одном лье от Понд'Отей! зеленые заросли Ивлинского леса... а совсем рядом Рено!.. прямо под нами! заблудиться практически невозможно... как только кустарник становится непроходимым, значит, вы уже близко!.. рядом с нами! сперва на вас набросятся собаки, целая свора!.. но вы не обращайтесь на них внимания!.. сделайте вид, что их не замечаете... просто любуетесь ландшафтом! холмы, трибуны Лоншана¹⁴⁰, Сюрен, изгибы Сены... два... три изгиба... и еще там, у моста, напротив, остров Рено с соснами на берегу...

Конечно, тогда, когда мы с отцом таскали сюда кружева и вееры, здесь все гораздо больше напоминало деревню... тропинки 1900-го... о, у нас в Медоне было полно клиен-

---

¹⁴⁰ Лоншан – пригород Парижа, где находится ипподром.

тов!.. «свежий воздух ему полезен!» он был полезен всем!.. и мне тоже... в Пассаже Шуазель мы все задыхались... триста газовых рожков!.. дети, выращенные на газе! мы шли спортивным шагом навстречу друг другу, я из «Конторы», а мой отец – из своей «Коксинель-Инсенди»!¹⁴¹ и сразу же в путь!.. омнибус, империал, пакеты! в Пассаж мы никогда не возвращались раньше девяти, десяти часов вечера... тропинки в Медоне совсем не изменились... те же узкие ленточки, путающиеся, переплетающиеся ленточки уходящих вверх тропок... как трудно здесь сегодня найти клиентов!.. вы только представьте себе!.. капризные привередливые дамы!.. со своими дочками... «это мне не нравится! а это слишком дорого!» и т. д они готовы на все, лишь бы поменьше заплатить! крошечный дефект: десять франков!.. приходится сбавлять! вот каковы эти клиентки... что теперь стало с их семьями?.. дома не изменились, точнее, почти не изменились... тропинки тоже... ночью их плохо видно!.. но мне все равно!.. я хожу только с собаками! и не с одной!.. а с тремя... или четырьмя сразу... причем злыми!..

– А как же ваши больные?..

– Да ничего хорошего!.. они ничуть не лучше, чем те «сверхшикарные» дамы 1900-го!.. ленивые, ворчливые, да к тому же еще нечистые на руку покупательницы!.. сам святой Винсент от них бы с отвращением отшатнулся!.. я на сто про-

---

¹⁴¹ Коксинель-Инсенди – так в романе «Смерть в кредит» Селин называет фирму, в которой работал его отец.

центов уверен, что именно отвращение, которое вызывали у меня покупательницы моей матери, сделало меня таким... какой я есть... я терпеть не могу торговаться из-за каждого су, *кассовая* ненависть у меня в крови, к больным, к здоровым, не все ли равно!.. *херцогини* 1900-го ассоциируются у меня со словом хер... и только!..

Но что бы там ни говорили, человеческую природу изменить невозможно! это заложено в генах... любая вертлявая климактеричка с социальной страховкой способна выкаблучиваться и закатывать вам скандалы почище, чем Ментенонша!..¹⁴² никто еще со мной так грубо не обращался – а в конце концов меня просто выгнали взащей – никто не позволял себе такого, как одна фитюлька со страховкой, которой я намеревался подлечить нервы... я даже не сказал ей об операции... не успел!.. фиброма?.. рак?.. мне не хотелось ее раньше времени волновать... ебаная деликатность!.. такт!.. я ждал, пока эта мандавошка уgomонится!.. но не тут-то было!.. она крыла меня на чем свет стоит!.. соседи все слышали... двое, трое даже выскочили на улицу... они меня узнали... «о, не обращайтесь внимания, доктор!.. она очень нервная!..» я думаю, что это все из-за машины... будь у меня машина... вот с таким капотом! она бы мне и слова не сказала!.. а если бы я их еще менял каждый год? ну тогда ваще!.. мне все было бы трын-трава... *кассовая* ненависть!..

---

¹⁴² Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635–1719) – любовница Людовика XIV, который тайно на ней женился.

черт побери! скорее, *кассовое* чутье... оно у всех людей такое обостренное!.. нечеловеческое! почти звериное!..

Если вы ездите на машине, то как бы вы ни относились к Суэцу, у вас не будет проблем!.. в Версале были кареты, а теперь ваша значимость измеряется количеством лошадиных сил... Версаль, Кремль или Белый Дом... занимаете вы какую-нибудь должность?.. нет?.. Профессор, Комиссар... Министр... сколько у вас лошадиных сил?.. вы уже дышите на ладан?.. да?.. черт побери!.. у вас фиброма?.. вам хана!.. бя!.. рак?.. а все-таки, какой у вашего автомобиля салон?.. какие буфера?.. Версаль... Виндзор... Белый Дом... Каир...

* * *

Посмотрел бы я на Людовика XIV, живи он во времена «всеобщего социального страхования»!.. пусть бы он тогда сказал, что Государство – это он!.. вы только представьте себе миллиарды платящих взносы! считается, что Людовик любил залупаться!.. но все-таки он, Людовик-Солнце, и то колебался, стоит ли ему менять хирурга! переживал!.. старался соблюсти этикет!..¹⁴³ а никчемный владелец «страхового полиса» смешает вас с дерьмом и даже не заметит! он обращается с вами как с гнилой рыбой!.. вы думаете, ему нужны ваши советы?.. о-ля-ля! старый идиот!.. «к вам обра-

---

¹⁴³ См. примеч. 139.

тились за „больничным“! так подписывайте!.. печать, и привет! старый маразматик! „восемь дней“, слышите!.. месяц!.. ну, черт возьми! шут гороховый! ставьте печать!.. а ваши рецепты?.. не смешите людей!.. да ими уже и так забиты все уборные! и не то что вашими! а теми, что выписывали самые настоящие мэтры, Профессора и знаменитые Экстрасенсы из Нейи, Сен-Джемс и Монсо! а вы бы видели, какие у них хоромы!.. ковры! лужайки!.. десять медсестер!.. двадцать диктофонов!.. ну и что! мы подтираемся даже тем, что выписали эти полубоги! а вы? ставьте печать!.. побыстрее! не тяните кота за хвост!.. подписывайте!.. и привет!»

Это, конечно, не имеет особого значения, и тем не менее большая часть больных, с которыми мне приходится иметь дело, тратят на курево больше, чем мы на жизнь... мы, это Лили, я, наши песики и кисуники...

Как-то одна старая алкоголичка едва не огрела меня бутылкой по голове... она ткнула мне в нос... огромной бутылкой красного винища!.. в знак протеста!.. я сказал ей, чтобы она бросила пить... «Она способна убить свою внучку!» мне следовало бы запереть ее в лечебницу!.. «Она социально опасна, вы знаете, Доктор! вы не можете что-нибудь сделать?..» но запри я ее в лечебницу, она вскоре слиняла бы оттуда и прикончила меня!.. у пьяниц ведь это просто: «Я выпила, и его физиономия мне не понравилась!» – и все. Тартр и иже с ним долго мастурбировали, исходили на говно, ломали копыя, метали громы и молнии, пытаюсь хоть кого-ни-

будь подначить! а эта пьянчужка и без них уже вполне созрела для этой миссии!.. собаки тоже... особенно суки, одно мое неверное слово и...

Боже мой! бутылка, лечебница: главное, держаться от нее подальше, вот и все!.. я посоветовал ей другого врача... но она, вы не поверите, отказалась наотрез!.. другого врача она не хотела, только меня!.. меня! и все тут! она ведь не орала на меня, просто пыталась убить!.. я должен был заниматься ее бородавками!.. прижигать их!.. один раз я ей отказал... но на следующий день она притащилась снова...

* * *

За всем нужен глаз да глаз... собаки, например?.. они ведь, чего доброго, могут загрызть какого-нибудь больно-го!.. или даже сразу двух! тьфу-тьфу!.. постучу по дереву!.. огромный сад, да еще на склоне... а если вся свора вдруг сорвется с цепи!.. кинется вниз с диким воем!.. понятно теперь, почему все больные разбегаются... соседи вопят... ведь стоит им только залаять!.. начинается нечто невообразимое!.. и чем больше я на них ору, тем сильнее они рычат... мне в ответ... представляете, каково больным!.. между двумя и четырьмя я загоняю всю свору на чердак... так они там, наверху, так начинают выть... просто жуть!

Безусловно, эта свора доставляет мне массу хлопот, но если хорошенько подумать, взвесить все «за» и «против»!.. она

ведь защищает меня от всякого сброда!.. я ужасно боюсь случайных прохожих... неважно, знаю я их... или нет! а стоит им услышать собачий лай... они вздрагивают и поворачивают назад!.. убийцы не любят рисковать... убийство для них – все равно что покупка акции Суэца для буржуа: все просчитано до мелочей... а убийц я немного знаю... их можно встретить повсюду, не только на киче... за свою жизнь... я встречал пятерых... или шестерых... гав!.. гав! и никого!.. я не собираюсь косить под простачка, я вообще никому не доверяю!.. в секторе «К», в «Вестерфангселе», вот там был вой так вой!.. заключенные в rip-cell... плюс спущенные до утра своры!.. сколько там было псов? сто?.. двести?.. тюрьма-то охранялась!.. *intra muros! extra muros!*¹⁴⁴ два года... целых два года... бессонных ночей и оглушительного воя... директор тюрьмы был недоверчив... почему же я должен кому-то доверять? тюрьма – не школа, не правда ли? а вы там были? не были?.. значит, вы ничего не видели!.. те, что там не были, пусть им даже уже за девяносто, всего лишь жалкие, болтливые шуты, дешевки... они болтают, сами не знают о чем!.. а взгляните в них повнимательнее... о чем каждый из них думает в глубине души?.. «Только бы, блядство! только бы продержаться до конца! только бы мне не вляпаться!..» они все панически боятся тюрьмы! и постоянно об этом думают!.. Мориак, Ахилл, Геббельс, Тартр!.. посмотрите, как эти издерганные алкоголики скачут от коктейля к коктейлю,

---

¹⁴⁴ Внутри! Снаружи! (*лат.*)

от исповеди к исповеди, от поезда к поезду, от одной лжи к другой! из одной партии в другую... от одного пиздежа к другому!.. и все, только чтобы избежать «ордера», наручников и Санте!¹⁴⁵ как они трясутся! еще бы!.. ведь это была бы единственная по-настоящему серьезная минута в их жизни!.. finish бла-бла!

Почему, скажите, я должен кому-то доверять? нет, мадам Нисуа я не боюсь!.. что?.. может быть, напрасно? мадам Нисуа не похожа на других больных... нет!.. она не внушает мне опасений... воистину безобидное существо... но жесты!.. вы бы видели ее жесты!.. она размахивает своими руками почище, чем та алкоголичка... нет, она мне не угрожает! не трясет шкаликом у меня под носом... просто иногда ее вдруг начинает одолевать беспокойство... у ограды!.. да где угодно!.. по поводу угля... по поводу черт знает чего еще... ее бросает в дрожь... и она уже ничего не соображает... вырубается, если можно так выразиться... с каждым днем она становится все слабее и слабее... тропинку под ногами она уже не замечает... идет наугад... о, мои собаки ее совершенно не смущают... она их просто не слышит!.. а видеть она толком тоже ничего не видит... вот в каком она состоянии, доложу я вам!.. и все-таки!.. вы не поверите, но то, что я не беру с нее денег, ее тем не менее поражает...

Итак, как я вам уже сказал, мадам Нисуа постоянно путает тропинки... между Нижним Медоном и мной... она шла

---

¹⁴⁵ Санте – тюрьма в Париже.

к Сен-Клу, но соседи ее остановили... возле самого Моста!.. они вдруг подумали, а куда это она, собственно, идет? она ведь живет на площади Экс-Федерб, что расположена параллельно нижней дороге, являющейся продолжением Вожиарар... оттуда хорошо видно воду, Сену... набережные!.. кстати, неподалеку, метрах в ста, сразу же за шоссе Вирофль, находится некогда известный ресторан «Славный улов»... теперь от него остались одни воспоминания!.. на его балконах когда-то побывал «весь Париж», сюда приходили выпить, полюбоваться на реку, подышать свежим воздухом... на острове напротив больше нет ни одного дерева!.. там теперь завод!.. вдаль по-прежнему виднеются Сакре-Кер, Триумфальная арка, Эйфелева башня, Мон-Валерьен!.. но прошлого веселья здесь больше нет... оно исчезло навсегда!..

О, зато движение на реке все то же... оно пока не прекращается!.. буксиры, целые вереницы буксиров с высокими бортами, с бортами чуть выше уровня воды, уголь, песок, щебенка... один за другим... вниз по течению... вверх по течению... от мадам Нисуа все это прекрасно видно... но ей это неинтересно... каждый ведь воспринимает мир по-своему... одних движение на реке трогает... других не трогает!.. арки моста переплетаются... теряются вдаль... от мадам Нисуа, из ее окна, видно, как они шевелятся... почти от Лебединого острова!.. а с другой стороны... до самого Сен-Клу... представляете, настоящий бьеф! от моста Мирабо до Сюрен!.. да, такой вид улучшает пищеварение!..

Все-таки разные люди были более восприимчивы, чем мы, черномазые еще не успели подпортить им кровь... посмотрите хотя бы на Ахилла и Жертрута... о, лично я их терпеть не могу... и все же где-то в глубине, под складками, морщинами и щетиной, в самой сердцевине их естества, в его фибрах, в них еще можно обнаружить что-то напоминающее настоящую утонченность...

Во времена «Славного улова» в моде были ялики и большие полосатые трико, какие носили гребцы с торчащими вверх усами... я так и вижу своего отца с этими торчащими вверх усами!.. я представляю себе Ахилла в ялике, поджарого, в пилотке и трико!.. я вижу всех этих старых хрычей... квохчущих от нетерпения клиенток... им хочется прокатиться!.. один круг вокруг «голубинового острова»!.. шпок! шпок! Тир¹⁴⁶, испуганные вскрики, шелест!.. шелковые чулки, цветы, жаркое, монокли, дуэли!.. балконы «Улова» теперь, должно быть, все обвалились в Сену!.. «Улов» прогнил...

Я прекрасно помню этот «голубиный тир»... тополя! их трепещущие на ветру верхушки! Знаете, сколько я получил затрещин за то, что не мог усидеть на месте на речном трамвайчике «Пон-Рояль-Сюрен»!.. это был настоящий речной трамвайчик! не то что нынешние!.. затрещины на речном трамвайчике на меня сыпались со всех сторон... так в то

---

¹⁴⁶ На южном берегу острова Сегэн во времена молодости Селина находился тир с голубями, который посещал, в частности, президент Феликс Фор.

время понимали воспитание!.. оплеухи, пинки... теперь в этом вопросе произошли радикальные изменения... ребенок «нуждается в ласке, иначе у него будут комплексы».

Да, гурманы того времени имели возможность полюбоваться на прекрасный вид... Мон-Валерьен, с другой стороны – Сакре-Кер, долина, Сена, изгибы... все это видно и из окна моего дома, где я теперь пишу, в этом отношении мне повезло... ах, и трибуны Лоншана... прямо напротив...

Слушайте, я как будто слышу голоса стариков... так, будто я снова рядом с ними!.. привет!.. оболтусы!.. никого!.. а я?.. сабли наголо!.. последний смотр 14 июля!.. весь личный состав на Площади!.. вместе с 11-м и 12-м Кирасирскими полками¹⁴⁷... заряжай!.. пальнем напоследок!.. теперь бывают только гулянья, да инсценировки Саша...¹⁴⁸ без привлечения войск!.. нет больше ни «Славного улова»... ни настоящих речных трамвайчиков, ни детей, которые уважают своих отцов...

Я отвлекся... наверное, это вас раздражает?.. я говорил о мадам Нисуа, о том, что собирался спуститься к ней... и еще о том, что «Улов» прогнил... а ее дом!.. он держится просто каким-то чудом! его давно бы пора снести!.. лестница, крыша, окна! все держится на соплях! я-то знаю! все это

---

¹⁴⁷ Военный парад 14 июля 1914 г. описывается Селином также в «Бойне» и в «Феерии, 1».

¹⁴⁸ В 1953 г. режиссер Саша Гитри снимал сцены из истории Франции для своего фильма «О чем поведал мне Версаль».

построено еще до 70-го!.. и даже гораздо раньше!.. в жилт-ресте обещали его починить!.. но там, вероятно, ждут, чтобы мадам Нисуа прибралась, тогда можно будет его просто продать!.. других объяснений я не нахожу... за квартиру она платит аккуратно и в срок!.. конечно, в этом дерьмовом жилт-ресте одно жулье, но ведь есть же квитанции!

Должен признаться, что меня совсем не тянет спускаться к мадам Нисуа... но как быть с собаками?.. обычно я запираю их на чердаке!.. куда там! я так и вижу, как они разбивают стекла и бросаются на мадам Нисуа!.. прямо с четвертого этажа!.. да! именно!.. их не удержишь, так им хочется ее разорвать!.. мадам Нисуа слишком много жестикулирует... ей нужно всюду поспеть... все посмотреть... узнать... порхать по воздуху... она не ходит... а вращается, как листок на ветру... ей не следует выходить из дому!.. сколько раз я ей это повторял!.. обратно домой ее приходится отводить за руку!..

«Успокаивающие» действуют на нее отупляюще... еще бы!.. я сам не люблю наркотиков, но иногда они просто необходимы... в одном случае из ста... как с мадам Нисуа, например... ее опухоль с трудом поддавалась лечению... старческая форма... к тому же очень запущенная... она становилась все больше... и постоянно кровоточила... о, это требовало дополнительных усилий! в процессе лечения, если так можно выразиться... всякие там марлевые тампончики... повязочки!.. и как можно меньше морфия... несмотря

на то что никаких улучшений не предвидится и кровотечение все равно будет продолжаться... «Доктор! Доктор! снимите это!.. О, мадам Нисуа, нет!.. ни в коем случае!..» сколько нужно такта и внимания, когда имеешь дело с умирающими от рака стариками... я-то это знаю, к сожалению, убедился на собственном опыте!.. деликатность, необходимая дипломату, кажется топорной прямолинейностью по сравнению с тем, что требуется от вас, чтобы ваша коматозная старушка не послала вас куда подальше!.. вас вместе с вашей мазью!.. рекомендациями, тампонами! прижиганиями!.. ко всем чертям!.. к Богу в рай!.. ну а главная сложность с мадам Нисуа заключалась в том, чтобы заставить ее лежать, оставаться у себя, не подниматься ко мне... пользы от этого ей не было никакой... только лишняя трата сил!.. а вдруг однажды она упадет и больше не встанет?.. тут сразу же начнется такое!.. Петьо! Ландрю! Бугра!.. хорошо еще, что на меня до сих пор не навесили Дьенбьенфу!.. и падение Мобежа в 14-м!..¹⁴⁹ ну кто еще, кроме меня, мог прикончить мадам Нисуа? полная чепуха!.. но был же я обвинен Тартром и сотней хорошо осведомленных периодических изданий в том, что продал Па-де-Кале... так что все возможно!.. а теперь еще и мадам Нисуа? приплыли! допустить, чтобы она упала, спускаясь по тропинке?.. ну нет!.. если бы я еще работал лесорубом в глухом лесу... но тут, у самой Сены?.. ни за что!.. там внизу, конечно, уже все читали... эти плакаты... а что

---

¹⁴⁹ Город Мобеж на севере Франции был взят 6 сентября 1914 г. немцами.

там про меня пишут?!.. и в результате: «Ты видишь там этого старика?.. ну и т. д.»

И дело тут не только в моих преступлениях... не последнюю роль во всем этом играет и то, как я одет... не стану же я справлять себе новый костюм, чтобы угодить обитателям Нижнего Медона!.. им кажется, что я выгляжу недостаточно хорошо?.. а взглянули бы они на себя хоть раз моими глазами! представляю, как бы они подпрыгнули!.. эффект разорвавшейся бомбы!.. последствия ядерной катастрофы!.. да они бы в ужасе отшатнулись от такого уродства!.. харь! душ! жоп!.. да!.. еще бы!.. но все-таки, как же мадам Нисуа?..

* * *

Итак, спускаюсь я к мадам Нисуа... но очень осторожно, я повторяю... люди с набережной меня недолюбливают... в силу ряда причин... то, другое... пятое, десятое... мой костюм... раз!.. плакаты... два!.. то, что я не беру денег... «у него нет служанки», «нет машины», мусорный бачок, авоськи с продуктами и т. д. и т. п... так что сами понимаете, днем на улице мне лучше не показываться... я спускаюсь ночью по Бычьей тропе с собакой... даже с двумя... на «Бычьей тропе» после семи вечера редко кого встретишь... там внизу, площадь Экс-Федерб в одной минуте ходьбы от Бычьей тропы... мадам Нисуа... она живет в третьем доме, сразу за площадью... я уже там был... сначала я привязываю свое-

го песика... я почти всегда беру с собой Агара... он меня ждет, рычит... не будь у меня собаки, я бы никогда не отважился на подобную авантюру... у него полно недостатков, у этого Агара, он рычит, воеет... а как он любит запутывать свою цепь!.. она обвивается вокруг вас!.. ускользает от вас, как змея!.. вот она спереди... проскальзывает у вас между ног!.. он тащит ее сзади!.. вы орете без остановки. «Агар! Агар!..» чуть не падаете, рискуя переломать себе все кости... да, но у Агара есть одно существенное достоинство: он никого не признает!.. этот пес не из общительных... никого, кроме вас!.. например: у мадам Нисуа, пока я ее лечу, я могу быть абсолютно спокоен, если он на лестничной площадке, кто бы там ни ошивался вокруг... стоит только кому-нибудь появиться на противоположном тротуаре!.. как он уже готов его растерзать!.. при всех своих недостатках это настоящий «сторожевой пес»... настоящий и безо всяких «почти»... наверху с Лили осталась Фрида, это ее собака, вот ей до него далеко... меня она вообще знать не хочет, ей нужна только Лили... итак, своего песика я оставляю на лестничной площадке, на коврике под дверью... только не подумайте, что я боюсь... никого я не боюсь, просто мне не хочется: не хочется, чтобы меня убили... было бы досадно, если бы после пятнадцати лет оголтелой травли один из этих маленьких прыщавых шакалов, какой-нибудь кокаинист с трясущимися ручками словил наконец кайф... а он, наверное, спит и видит свое имя на мемориальной доске: «Здесь Лидуарзефф»

укокошил...» какая-никакая, а слава!.. о, я несколько бы не удивился!.. если бы вдруг заметил!.. двоих!.. троих, поджигающих меня!.. там внизу!.. да!.. ничуть!.. а тут еще и мадам Нисуа!.. как раз кстати!.. отвлекает мое внимание! своим тупым рылом и коматозной задницей!.. удачное совпадение! мне попадались больные в состоянии гораздо худшем, чем она, которые уже совсем на ладан дышали, и те порой оказывались невольными соучастниками самых гнусных и коварных злоумышленников!.. стоит мне только выйти из дому, неважно, от больного или нет, мне нужно быть готовым ко всему!.. с такой репутацией, как у меня, ничего хорошего ждать не приходится... особенно когда поднимаешься или спускаешься по лестнице... знаете, однажды в передней на улице Жирардон меня уже чуть не шлепнули... те, что собирались меня убить... вопили *Прага! Пеит!*.. они посылали мне письма с угрозами... до сих пор не могут успокоиться! сучье отродье!.. я на них не жаловался... хотя намерения у них были самые серьезные... да!.. еще бы!.. больше всех мутил воду один сталинист!.. этот, как его, Вайян Этьен¹⁵⁰, кажется!.. но не тот, что из Парламента!..¹⁵¹ Парламент ведь теперь не значит ничего! История – это фарс! бесконечные дрязги! разборки! сначала – всеобщее ликование!.. урра!.. а

---

¹⁵⁰ Селин имеет в виду писателя Роже Вайяна, но делает вид, что не помнит его имени.

¹⁵¹ Имеется в виду анархист, бросивший бомбу в палату депутатов в канун 1914 г.

потом?.. бац! петлю на шею! и ты в жопе! вспомните хотя бы Цезаря... скольких с тех пор постигла та же участь? всех и не припомнишь! от Лувэртюра¹⁵² до Кристины¹⁵³ и Молле! эпигонов у меня и то меньше!.. ну, Цезарь, Александр, это еще куда ни шло!.. ныне историю творят другие!.. Вайан Первый!.. Второй!..

Но оставим прошлое *Гревэну!*...¹⁵⁴ вернемся к настоящему! к мадам Нисуа!.. вот мы и у нее... мы, кажется, на этом остановились... я осматриваюсь по сторонам... как там Агар... он рычит на коврике у двери... то поднимая, то опуская свои уши... Агару я доверяю больше, чем мадам Нисуа... подозрительный шорох на лестнице?.. слабый скрип двери?.. Агар уже на ногах!.. «Может быть, мне лечь, доктор?..» – «Ложитесь, мадам Нисуа...» Я принес свои инструменты, шприцы... компрессы... пинцеты... «Кровотечение все продолжается, доктор?..» – «О мадам!.. нет!.. оно стало гораздо слабее!.. гораздо!..» – «А как же запах, доктор?..» – «И его почти нет, мадам!»

---

¹⁵² Туссэн Лувэртюр (1748–1803) – главарь негров Сен-Доминго, восставших в 1791 г. против господства белых. На какое-то время он стал хозяином острова, но был схвачен французскими войсками, перевезен во Францию и умер в Форт де Жу.

¹⁵³ Возможно, имеется в виду св. Кристина, девственница и мученица, жившая при императоре Диоклетиане.

¹⁵⁴ Гревэн – музей, знаменитая галерея восковых фигур, основанная в 1882 г. Альфредом Гревэном (1827–1892), театральным художником, на бульваре Мон-мартра в Париже.

Если бы на ее месте оказался Вайян... мой занемогший гонитель Вайан... или даже Тропманн¹⁵⁵, Ландрю... да хоть сам Тартр... вместе с сотней преследовавших меня все годы скитаний по тюрьмам палачей... вдруг впавших в горячку! и тогда я бы не изменил своему призванию... в душе я истинный самаритянин... добрый самаритянин... я не смог бы отказать им в помощи... аббат Пьер по сравнению со мной просто Гапон, поп Гапон... это очевидно!.. я – другое дело... я – доктор «Айболит»... каким я и был в «Вестергфанселе», в больнице (круглосуточные дежурства), представляете: этакий «генератор бодрости»... так вот, если бы я встретил, например, там этого Тартра в агонии... я бы ему сказал: «послушай ты, кровопиец!.. жук навозный!.. дерьмо вонючее!.. давай! не распускай нюни! соберись с духом! еще не все потеряно!.. ты редкостная сволочь, но ведь ты же культурный человек!..» больному, и Тартру в том числе!.. важно не терять бодрости духа!.. по правде говоря, я видел, что мадам Нисуа не протянет больше недель пяти... шести... к тому же! в больницу она не желала... о, только не это!.. ей нужен был я!.. только я один!.. ее лечить должен был я!.. конечно, она страдала... впрочем, не так сильно... рак... но в токсичной форме... к счастью... к счастью... ибо ей здорово повезло! при этой форме больные плохо соображают... они ниче-

---

¹⁵⁵ Жан-Батист Тропманн совершил одно из самых известных преступлений XIX в. В сентября 1869 г. он убил супружескую пару и шестерых детей. Был казнен в январе 1870 г.

го не помнят... впадают в дебилность... что?.. ques?.. пускают слюну, трясутся, потеют... мадам Нисуа иногда жаловалась, но боли были не очень сильные... видите ли, такие больные сначала пытаются вставать... беседовать с вами... даже есть!.. а потом вдруг полностью обессиливают... утрачивают интерес к жизни... застывают в неподвижности... с гримасой смерти на лице... с мадам Нисуа именно это и произошло... для меня же это означало только то, что мне предстояло еще в течение двух месяцев спускаться и делать ей перевязки... необходимость удерживать ее дома отпала сама собой!.. прогуливаться теперь буду я!.. о, но не днем!.. естественно... исключительно по ночам!.. и не потому, что я так уж опасался за свою жизнь!.. нет!.. просто мне не хотелось ни с кем встречаться!.. ни с кем! абсолютно!.. настолько мне все остопиздели!.. пусть они болтают про меня все, что хотят, сидя у себя дома!.. пожалуйста!.. главное, чтобы только я их не видел.

Итак, мадам Нисуа – в своей кровати... а я заканчиваю перевязку... и болтаю с ней о том о сем... самое холодное время позади!.. скоро зацветет сирень... хватит с нас холодов!.. скоро распустятся жонкили!.. ландыши... таких зим, как эта, не было никогда!.. я собираю свою вату... она просит меня оставить ей... один пакетик... пожалуйста!.. а как то персиковое дерево на дороге Гард?.. что с ним стало?.. оно не замерзло?.. я даю ей подробный отчет о его состоянии... оно уже зацвело!.. оно растет прямо в стене, из щели

между двумя гранитными камнями!.. о, настоящее воплощение Весны!.. она удовлетворена!.. я прекрасно умею ладить с людьми... поднимать их настроение!.. в тюрьме самые озлобленные заключенные, объявившие голодовку смертники, и те поддавались на мои уговоры и снова соглашались есть!.. потихонечку... слово за слово...

Так за разговорами я собираю свои инструменты... ах, чуть не забыл!.. укол!.. ей необходимо... 2 кубика морфия! чтобы заснуть... я чуть не ушел... я впрыскиваю ей ее 2 кубика... и бросаю взгляд на улицу... через окно!.. я обвиняю других в том, что они вечно суют свой нос, куда не нужно... но на самом деле!.. на самом деле!.. я сам!.. чертовски любопытен!.. я не люблю, когда на меня пялятся!.. но должен вам признаться! каюсь!.. я ужасно люблю наблюдать сам... а там соблазн был слишком велик, на улице зажглись огни!.. я загляделся... вдаль... на Сену... мадам Нисуа стала засыпать... и больше мне не отвечает... ее окно, как я уже говорил, выходит на площадь Экс-Федерб... на набережную... у меня перед глазами!.. мадам Нисуа ее не видит... хотя бы потому, что спит... а я вижу даже аллеи и копошащихся на них людей... кажется, они грузят баржу?.. нужно спросить мадам Нисуа... я ее бужу...

– Эй, мадам Нисуа!.. что это за люди там внизу?

– Какие люди?

– Те, что грузят баржу!

Она не знает, ее это не интересует, она отворачивается...

и начинает храпеть... ладно, буду смотреть один!.. должен вам признаться, что я не совсем обычный созерцатель, я просто помешан на воде и всем, что связано с портом... всем, что туда приплывает и оттуда отплывает... в детстве я был на дамбах со своим отцом... во время восьмидневного отпуска в Трепоре... там было на что посмотреть!.. прибытие и отплытие маленьких рыбацких лодочек, этот промысел многим стоил жизни!.. вдовы со своими детишками рыдали, глядя на море!.. воистину эти дамбы были исполнены самой высокой патетики! послушайте!.. самый грандиозный Кукольный театр – это всего лишь кукольный театр! а Голливуд – это всего лишь Голливуд! передо мной теперь была всего лишь Сена... а я глядел на нее как замороженный... движение воды и судов очаровывало меня точно так же, как тогда, когда я был маленьким мальчиком... если вы помешаны на кораблях, любите наблюдать, как они уходят и возвращаются, это уже на всю жизнь!.. не так уж много увлечений остается на всю жизнь... стоит мне заметить какую-нибудь маленькую баржу, как я уже не могу оторвать от нее глаз, я смотрю на нее сверху, из моей мансарды, стараюсь разглядеть ее название, номер, вижу, как там сушится белье, мужчину у руля... внимательно наблюдаю за тем, как она проходит под пролетом моста Исси... если у вас такая мания... вас как магнитом притягивают к себе сутолока портов, лодочки, движение на набережных и плотинах... стоит только крошечному ялику подойти к причалу, как я уже лечу кубарем, несусь посмот-

реть... точнее, раньше несся... теперь уж больше не несусь... я просто стою и долго смотрю!..

Полуразвалившаяся задрипанная баржа ползла вдоль канала, а мне было не лень тащиться за ней до следующего бьефа!.. о, конечно же, за девчонками я тоже бегал!.. и еще как! но это не мешало мне часами наблюдать движение воды... теряющиеся вдали пролеты моста... один неповоротливый корабль-цистерна... другой!.. маленькая юркая яхта... чайка!.. две!.. завораживающее мелькание пузырей по течению... плеск воды!.. вереница шаланд... вы представляете себе эту картину...

В окно от мадам Нисуа видно, как работают на набережной... сразу и не разберешь! какие-то люди... я заметил там баржу... как у вас со зрением... или же вы предпочитаете сушу и, как крот, сидите в своей норе?.. тогда другое дело!.. понятно!.. вы «любитель автобусов»... тогда извините... когда я повнимательней взгляделся в набережную, я понял, что там происходит совсем не то, что я сперва подумал... там не было никаких барж!.. никто их ничем не загружал! ни мусором!.. ни углем!.. возня там была по другому поводу!.. да!.. я ошибся!.. набережная площади Экс-Федерб никогда не освещается... это обстоятельство объясняет мою ошибку... Мэрия не справляется со своими обязанностями!.. во-первых, там не так много прохожих... и потом, мальчишки все равно бьют все фонари!.. это их любимая забава!.. шпок!.. кто точнее! в Мэрии уже давно махнули на это рукой! таким обра-

зом, ночью не видно ни зги!.. можно подумать, что это Су-эц!.. плюс ко всему набережная вся покрыта рытвинами и ухабами!.. метровые ямы!.. там все нужно полностью ремонтировать! нашу тропу тоже следовало бы привести в порядок!.. а что здесь вообще не нужно ремонтировать?.. видели бы вы дорогу!.. там собираются строить большой завод... через окно я все время вижу какое-то движение... нет, это не разгрузка угля или песка... я говорю об этом лежащей на боку мадам Нисуа... я снова ее разбудил... набережная ее совершенно не интересует... мысленно она все еще продолжает разговор, который мы только что вели... растения, Весна... она бормочет мне что-то про Весну... я ее выслушиваю... о, каждый о своем!.. я говорю о набережной!.. и о темноте!.. да, я вижу там нечто не совсем обычное: никакая это не баржа!.. ах, я сумел-таки разглядеть, что это!.. это же речной трамвайчик, вот!.. я даже прочитал его название! на нем написано огромными красными буквами: «Общество», и номер: 114!.. как мне удалось это разглядеть?.. может, это свет маленькой лампочки?.. или витрины?.. нет!.. все витрины наглухо закрыты!.. да, я уверен!.. я вижу всю площадь... именно «Общество»!.. на набережной... люди подходят и поднимаются на борт... по двое... по трое... в основном... по трое... они спускаются сверху... кажется... по той же тропе, что и мы... они поднимаются на корабль... с кем-то говорят... и снова уходят... я сказал: они говорят?.. я так думаю... я ведь их не слышу!.. только вижу... они толпятся,

сходятся... по трое... поднимаются по трапу... кажется, я различаю их лица... но с большим трудом... скорее их силуэты... да, конечно!.. бледные силуэты... не четкие... бледные, как и я!.. я сам! о да!.. у кого нынче не бледный вид?.. меня слегка потрепало... даже очень здорово потрепало!.. еще бы!.. вся Европа теперь в жопе!.. вся Европа!.. друзья!.. родственники!.. так и норовят что-нибудь урвать от меня!.. и глазом не успеешь моргнуть! как лишишься шляпы вместе с головой!.. Европа одичала!.. при нацистах было не сладко, но скажите мне, чем в нынешней Европе лучше?.. я ничего не преувеличиваю... ордер на арест покрасивее... или тюрьмы комфортабельнее... меня действительно здорово потрепало... в результате я даже не в состоянии хорошенько разглядеть, что там на набережной за брожение.

Тсс!.. я отвлекаюсь... так мы окончательно запутаемся!.. речной трамвайчик стоит у причала!.. я его вижу! никто не сможет меня в этом разубедить!.. я вижу группы людей!.. снующих туда-сюда... по темной набережной... гуськом... они подходят к трапу... поднимаются на борт... о, они ведь просто гуляют!.. естественно... место для прогулок не самое подходящее... к тому же конец марта... ледяной ветерок!.. конечно, мы бывали в местах и похуже... Корсор! Балтия, Бельт!.. я-то знаю, что значит «ледяной»... там этот ветерок показался бы теплым... но все равно он не для прогулок!.. промозглый предательский ветерок... а как же речной трамвайчик «Общество»?.. это не сон! я его видел, да! но как и

все остальное... очень неясно!.. может, я слишком ослаб?.. из-за анемии?.. или это из-за того, что я так долго на него пялился?.. мадам Нисуа меня больше не слушала... она дремала... но я не думаю, чтобы она могла помочь мне разрешить мои сомнения! действительно ли это был речной трамвайчик?.. учтите, что мадам Нисуа, даже бодрствуя, соображает довольно туго... видели бы вы, как она идет ко мне... цепляется за ветки... за все... что попадется под руку!.. даже за воздух!.. но она шатается не от пьянства... нет!.. просто она не в себе... и все... по набережной она не прошла бы и двух метров... оказалась бы в воде! плюх!.. два метра!.. вы представляете!.. мне нужно туда сходить!.. посмотреть!.. я ведь не она!.. я хочу во всем убедиться сам... кажется мне или нет!.. именно!.. именно!.. «Общество» это или это я самым глупым образом опьянел!.. от чего?.. да от чрезмерного упоения собственными чувствами!.. необходимо вернуться к реальности!.. Агар, так тот еще хуже, чем я, способен реально оценивать окружающую действительность... маленькое подозрение?.. гав!.. гав!.. он впадает в бешенство... остановить его невозможно!.. площадь Экс-Федерб буквально сотрясается от его лая!.. вместе с людьми!.. и стоящими вокруг лавками!.. о, он вынуждает их снова открыться!.. стоит мне только сказать: Агар!.. он у меня самый шумный из всей своры!.. соседи мне не дадут соврать... «Усыпите его!.. усыпите же его наконец, доктор! он делает нашу жизнь невыносимой!» такая чепуха делает жизнь всех соседей в окру-

ге невыносимой! они слишком устали от вечной беготни туда-сюда, их нервы на пределе... вы со своим песиком появились как раз кстати! прибавьте к этому озлобление от жизни!.. супружество, дразги!.. соседство больших магазинов!.. вас с вашей сворой тут только и не хватало!

Все время, пока я там находился, я ждал, может, Агар мне подскажет, кажется мне все это или нет? стал ли я жертвой галлюцинации... да?.. тсс?.. воздействие воды? «Я сейчас вернусь, мадам Нисуа!» лестница!.. вот мы и внизу, на тротуаре... я и собака... мимо проходят... какие-то люди... пересекают площадь Экс-Федерб... точно... Агар их обнюхивает... но не лает... лиц этих людей я не вижу... они все в капюшонах... это даже не капюшоны, а тряпки!.. тряпки в виде чепчиков... что-то вроде тюрбанов... во всяком случае, свои лица они скрывают... должен признаться, что выглядят они не совсем обычно!.. к тому же, заметьте, в темноте... точнее, почти... ибо совсем темно никогда не бывает... Агар не лает... я подхожу к набережной... и вижу... конечно же!.. точно!.. речной трамвайчик!.. настоящий! на нем номер: 114... и название... я подхожу поближе... старый знакомый!.. это не подделка под речной трамвайчик, какие делают сегодня!.. с колоколами, местами для туристов!.. все в зеркалах, афишах! такие теперь часто проплывают у меня под окнами... нет!.. этот настоящий, старый!.. модель давно снята с производства... он, наверное, старше меня!.. с огромным якорем... на носу!.. с бакенами вокруг... множе-

ством бакенов... настоящие гирлянды желтых, розовых и зеленых буюв... спасательные шлюпки!.. большая слегка склоненная к палубе труба... капитанская рубка!.. даже окраска того времени!.. каменноугольная смола и сирень!.. похоже, у него совсем новый герб, у этого «Общества»... не подумайте только, что я пудрю вам мозги... речные трамвайчики, мол, и все такое! я прекрасно в них разбираюсь!.. в дни моей молодости, в выходные, когда было настроение, мы садились на них у Понт-Рояля, где находился ближайший от нас причал... пять су туда и обратно до Сюрена... а в апреле так вообще каждое воскресенье!.. даже в дождь!.. ребятишки, оказавшись на свежем воздухе, начинали шкодить!.. все ребятишки были из центральных кварталов... я не один был такой зеленый!.. а их домочадцы!.. все хотели подышать воздухом!.. это называлось принять воздушную ванну!.. до Сюрена и обратно!.. глоток воздуха!.. свежий ветер в лицо! всего за двадцать пять сантимов!.. правда, спокойным это путешествие назвать было нельзя... повсюду раздавались голоса мамаш!.. «Не копайся в носу!.. Артюр! Артюр!.. дыши глубже!..» наглотавшись свежего воздуха, детишки становились неуправляемыми! они лезли повсюду!.. даже в сортиры! ковырялись в носу, теребили свои ширинки... но особенно их привлекал кормовой винт!.. вихрь пузырей над его лопастями! они зависали над ним... по пятнадцать... двадцать... тридцать человек сразу... и балдели... вместе со своими отцами и матерями!.. а эти пощечины!.. тогдашнее воспита-

ние!.. ах, Пьеретта!.. Леонс!.. они приводили их в чувство!.. вопли!.. слезы!.. шлеп! хлоп!.. профилактический курс пощечин!.. но уже не за пять су с носа, а даром!.. «Ты кончишь в тюрьме, хулиган!..» с мальчишками всегда столько хлопот!.. «Дыши, дыши, олух!»... бац!.. шлеп! «Слышишь, что тебе говорят!» тогда детство сопровождалось пощечинами! «Дыши глубже, щенок! хлоп! оставь свой нос в покое, гаденыш! как от тебя воняет, ты что, забыл потереться! поросянок!..» представления о подавленных инстинктах завладели умами родителей позже, гораздо позже, комплексы, психические травмы, и те де... «от тебя воняет, ты забыл потереться! оставь в покое свою ширинку!..» этот мотив преобладал до 1900-го... затрещины тоже были в ходу!.. причем весьма болезненные! еще бы!.. считалось, что только при помощи оплеух можно воспитать из ребенка законопослушного гражданина... ужасный оболтус!.. совсем от рук отбился!.. если из него вырастет убийца, пеняйте на себя!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.